

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В С. Ш. А.

ТОМ III

TRANSACTIONS

**OF THE ASSOCIATION
OF RUSSIAN - AMERICAN
SCHOLARS IN USA**

VOLUME III

NEW YORK

1969

**ЗАПИСКИ
РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
ТОМ III**

ЗАПИСКИ
РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
В С.Ш.А.
ТОМ III
1969

Acknowledgement

The printing of this book was made possible by a generous grant of the Humanities Fund, Inc., N. Y., to whom we wish to express our gratitude.

The Board of Directors .

З А П И С К И
РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

В С. Ш. А.

1969 г.

*

ТОМ III

New York.

TRANSACTIONS
OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN - AMERICAN SCHOLARS
IN USA
Volume III

EDITORS :

E. A. ALEXANDROV
N. S. ARSENIEV
A. A. BOGOLEPOV
C. G. BELOUSOW - editor - in - chief
H. T. FEDUKOWICZ
W. S. FEDUKOWICZ
V. N. LITWINOWICZ
P. S. SCHIDLOWSKY
B. O. UNGEBAUN

Library of Congress Catalog Card No 67-29613

The Association of Russian-American Scholars in U. S. A.
85-20 114th Street, Richmond Hill, N. Y. 11418

Г. В. Вернадский *)

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ

(1862-1914)

*

В 1969 году исполнилось пятьдесят пять лет со смерти выдающегося русского географа А. Н. Краснова.

Андрей Николаевич родился в Петербурге, но по происхождению был донской казак. Его предки — казацкие генералы, прославившиеся при Суворове, Платове, а позже в Крымскую войну. Его отец, также молодым офицером участвовавший в Крымской войне, известен был своими статистическими и историческими трудами о казачьих войсках ¹⁾. Андрей Николаевич был старшим сыном в семье и рос преимущественно среди взрослых, что способствовало его раннему умственному развитию. Его брат генерал Петр Николаевич Краснов, беллетрист и военный писатель, впоследствии играл видную роль в событиях гражданской войны в России в 1917-20 годах, после которой он эмигрировал в Германию. После окончания Второй Мировой войны П. Н. Краснов был выдан Британскими оккупационными властями советскому командованию, отвезен в

---

*) Prof. Emeritus, Yale University

1) Эти и многие другие сведения об А. Н. Краснове беру из биографического очерка, написанного его братом Платоном Николаевичем (Сборник Талиева).

Москву и там казнен²⁾). Третий брат, Платон Николаевич, был довольно известным писателем. Среднее образование Андрей Николаевич проходил в Петербургской первой классической гимназии. Преподавание было сухое, естественные науки не были в программе. Андрей с молодости увлекался изучением природы, но он шел в числе первых учеников и по-латыни и по-гречески. Среди товарищей его по гимназии оказалось много талантливых юношей с живыми и разнообразными интересами, в том числе Владимир Вернадский, с которым у Андрея завязалась крепкая дружба, продолжавшаяся до самой смерти Андрея Николаевича.

В своих воспоминаниях о Краснове, написанных после его смерти (Сборник Талиева) Владимир Иванович Вернадский говорит, что Андрей Николаевич тогда уже любил наблюдать природу и увлекался ботаникой и энтомологией. «Яркими детскими воспоминаниями — пишет Вернадский — сохранились в моей жизни совместные (с Красновым) весенние и осенние экскурсии в окрестности Петербурга». По окончании гимназии и Краснов и Вернадский поступили на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Состав профессоров там в это время был блестящий: Д. И. Менделеев (химия), А. Н. Бекетов (Ботаника), В. В. Докучаев (почвоведение) и др. Краснов, как и его современник, другой будущий выдающийся географ Гавриил Иванович Танфильев (1857-1928), сделался близким учеником Бекетова и Докучаева. Со своей стороны и Бекетов и Докучаев очень ценили их обоих.

В университете Краснов и Вернадский познакомились с дружеским кружком студентов филологов и юристов, в состав которого входили братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов и некоторые другие. Краснов и Вернадский примкнули к этому кружку. Так образовалось «Братство», называвшееся также «Приютиним». Братство ставило своей задачей выработку общего мирозерцания на этической основе.

---

2) О Петре Николаевиче Краснове см. книгу профессора Г. П. Чеботарева, лично хорошо его знавшего. (G. P. Tschebotareff, *Russia my Native Land*, New York, 1964).

«Приютинцы» были против тогдашней реакционной политики русского правительства, но не сочувствовали революционному террору. Они были против всякого использования университетов для политических целей — будь то справа или слева.

Понятно, что они приняли деятельное участие в создании и работе студенческого научно-литературного общества, председателем которого был профессор Орест Федорович Миллер. На собрании общества читались и обсуждались обширные рефераты на исторические, литературные, философские и естественно-научные темы, а также и краткие сообщения о новых книгах. Краснов стал одним из самых деятельных членов этого общества.

Уже будучи на первом курсе университета Краснов предался своей страсти к путешествиям, которая не покидала его всю жизнь. Первая его большая поездка была в предгорья Алтая в составе экспедиции, снаряженной министерством императорского двора. Ему было поручено произвести геоботаническое обследование в Бийском округе на Катунских белках и в Бухтарминской долине. Он успешно исполнил это задание.

В 1887 году Краснов получил от университета научную командировку в Европу для завершения своего научного образования. Большую часть времени он провел в Германии, хотя немецкий уклад жизни был ему не по душе. В Берлине известный географ Рихтгофен принял его не как ученика, а как собрата по науке — Краснов уже был известен своими научными трудами. К концу 1888 года вышла в свет книга Краснова: «Опыт истории развития флоры южной части восточного Тянь-Шаня», основанная на материале, собранном им во время его экспедиции туда в 1885 году. (Экспедиция была снаряжена Русским Географическим Обществом). Книгу эту Краснов представил как диссертацию на степень магистра ботаники. Успешная защита диссертации состоялась 18 марта 1889 года.

После этого Краснов получил предложение занять только что созданную кафедру географии в Харьковском университете. Первая в России кафедра географии была учреждена при Московском университете в 1885 году. Тогда же зашла речь об открытии таких кафедр и в некоторых других университе-

тах. По совету своих учителей Бекетова и Докучаева, Краснов, еще во время своей командировки в Европу, начал готовиться к возможности, что ему придется сделать географию главным предметом своего будущего университетского преподавания. До тех пор Краснов работал преимущественно в области ботаники. Но ботаника входит в круг земледведения, а многочисленные путешествия Краснова в сущности уже делали его и географом. Он принял Харьковскую кафедру.

Следует заметить, что ко времени своего переезда в Харьков Краснов уже отошел от участия в Приютинском Братстве. Произошло это постепенно, Краснов был слишком определенный индивидуалист, чтобы принимать участие в выработке общего с друзьями мирозерцания. К тому же из-за его постоянных, часто длительных, путешествий он и фактически редко имел возможность принимать участие в беседах Братства. Но у него осталось от общения с Приютинцами стремление к просветительной деятельности среди народа. Сохранил он и близкие дружеские отношения с В. И. Вернадским.

II

16 сентября 1889 года Краснов прочел свою вступительную лекцию в Харьковском университете на тему: «География, как новая университетская наука». В этой лекции Краснов развил свои мысли о научном земледведении. География, поворил он, не есть «сбор отдельных фактов», не есть прикладная наука, свод «отдельных правд» (слова Менделеева), она должна стремиться к «открытию истин».

Научное земледведение тесно связано с развитием естественных наук, в особенности ботаники, химии, физики и биологии. География есть философская наука. В заключение Краснов сказал: «Все естественные науки здесь читающиеся, зародились и создались на западе. Мы являемся преемниками и учениками западно-европейских ученых... Научное земледведение первое возникает у нас одновременно с западом. Наука

эта, широкая по своему плану, требующая как широких обобщений, так и умения всей душой понять чуждую природу, чуждый характер и привычки, по духу своему, более чем какая бы то ни было, соответствует нам русским, которые, как показала наша история, наша цивилизация, наша беллетристика, более чем какой другой народ, обладают указанными свойствами. А потому будем надеяться, что развившись у нас, она станет действительно наукой русской по преимуществу».

Краснову пришлось положить не мало труда на подготовку своего курса по географии. Кроме чтения курса Андрей Николаевич устраивал экскурсии своих студентов, иногда в окрестностях Харькова, а иногда на Кавказ. В те времена в России далекие групповые поездки было нелегко наладить. Экскурсионного тарифа еще не существовало. Андрею Николаевичу пришлось хлопотать о льготном проезде по железным дорогам и о пособии от министерства народного просвещения.

В 1890 году Краснов был командирован в Вашингтон на геологический конгресс, на котором он прочел доклад о происхождении степей (напечатанный потом в трудах конгресса). Воспользовавшись поездкой в Америку, Краснов проехал через северо-американские прерии к Соленому озеру, посетил Йеллостонский парк и Ниагару. В 1894 году он поехал на пароходе Добровольного флота на Яву, в Японию, на Сахалин и Приморскую область. Через три года Удельное ведомство поручило ему обследовать культуру чая на Цейлоне, в Китае и в Японии в связи с планом ведомства заняться культурой чая в Батумской области. План был позже осуществлен на основании доклада Краснова об этой экспедиции.

При всем том Краснов находил время и силы для своей научной работы. В 1899 году вышла его книга «Травяные степи северного полушария». Это была его докторская диссертация, которую он защитил в Московском университете после чего и получил в Харькове звание ординарного профессора.

В 1899 году, вдобавок к университетским лекциям, Краснов согласился читать курс ботаники в ветеринарном институте.

Всего этого было ему мало. Его тянуло к творческому участию в широкой просветительной деятельности для народа.

Он вошел в Харьковское Общество Грамотности и одно время был членом правления его, а в издательском комитете Общества и товарищем председателя. Но особенно много труда положил он на Вечерние Курсы для рабочих. Он сразу согласился на просьбу устроителей этих курсов — взять на себя руководство ими.

Тяга к просвещению охватила в этот период рабочих по всей России. Они шли на вечерние курсы не взирая на усталость после длинного (тогда еще десятичасового рабочего дня). У многих из них стремление к образованию связывалось с революционными настроениями. Были среди них и партийные (социал-демократы).

Первоначально Харьковские курсы помещались в классах ремесленного училища, но это помещение скоро стало тесным и не могло вместить всех желающих. Краснов стал мечтать о постройке специального здания. Он поехал в Петербург и выхлопотал у министра финансов Витте субсидию в 25 тысяч рублей на эту цель. Однако этих денег все-таки было недостаточно. Тогда Краснов и его сотрудники обратились за помощью к Харьковскому городскому управлению и отдельным лицам. За год с небольшим было построено большое благоустроенное здание. Краснов сумел привлечь к преподаванию своих коллег по университету. Программа курсов рассчитана была на четыре года обучения. Целью Краснова и его сотрудников было превратить Курсы в Народный Университет. Сам Краснов читал на курсах ботанику, географию и геологию. Особенным успехом пользовались его лекции по географии. Краснов читал лекции не ежедневно, но каждый день заходил в помещение курсов. Если кто-либо из лекторов не являлся, Краснов заменял его и импровизировал лекцию на какую-нибудь подходящую тему.

Общение Краснова с курсантами не ограничивалось только чтением лекций. Он устраивал с ними и научные экскурсии в окрестностях Харькова, что юни очень ценили. Дверь его квартиры была постоянно открыта для них. Андрей Николаевич говорил, что курсисты — лучшие его собеседники. Краснов подходил к предмету своих лекций на курсах так же, как к своим лекциям в университете. Он стремился давать своим слу-

шателям истинное знание, свободное и от политических и от партийных и от религиозных тенденций. Слушатель — говорил он — должен получить на лекции знание, а как он применит его в жизни — это его личное дело.

Вопрос о характере лекций в ту пору и в той обстановке был животрепещущим, так как у большинства слушателей были уже свои сложившиеся взгляды и они искали в лекциях подтверждения своему отрицательному отношению к существующему строю. В заседаниях педагогического совета Краснову приходилось отражать бурные натиски несогласных с ним лекторов и в особенности представителей курсистов-рабочих. Их в Совете было четыре — по одному от каждого курса. Такому участию представителей от слушателей Краснов сочувствовал и находил, что в общем их роль в жизни Курсов была положительная. Несмотря на эти разногласия, рабочие очень ценили Андрея Николаевича как «необыкновенного» и «бескорыстного» человека.

В 1898 году Андрей Николаевич женился на Анастасии Николаевне Радаковой, с которой еще раньше встречался в Обществе Грамотности. Анастасия Николаевна происходила из интеллигентной помещицкой семьи. После венчания молодые отправились в свадебное путешествие по Италии и Швейцарии. Женитьба не изменила условий жизни Андрея Николаевича, т. к. жена его, как и он сам, не отличались светскостью и жили они довольно уединенно. На полученное им от отца небольшое наследство Андрей Николаевич построил себе в Харькове дом, при котором был устроен сад и оранжерея. Там Андрей Николаевич разводил редкие тропические растения и держал экзотических птиц. Дом был построен оригинально, но не экономно, и когда его пришлось продать, остались еще из-за него долги. Замечательный организатор научно-учебных предприятий, Андрей Николаевич часто бывал непрактичен в собственных своих житейских делах.

С 1895 по 1899 год Краснов много работал над созданием своего труда «Основы земледования». Книга была издана в Харькове отдельными выпусками. Второе издание, под заглавием «Курс земледования», появилось в Петербурге в двух частях в 1908-1909 годах.

В 1911 году издатель большой и влиятельной Харьковской газеты «Южный Край» пригласил Краснова стать ее редактором. Краснов и раньше в ней сотрудничал, большей частью помещая фельетоны с живыми описаниями своих путешествий. После некоторых колебаний Краснов принял предложение и, как всегда, горячо и с увлечением отдался новому делу.

Газету Андрей Николаевич вел в прогрессивном духе. При тогдашнем положении печати ему пришлось перенести много неприятностей.

«По присущей Андрею Николаевичу рассеянности — вспоминает его брат Платонъ Николаевич — и некоторой небрежности, которая вредила ему и в ученых работах, он в своей редакторской деятельности часто подавал повод к столкновениям с цензурой. То он пропустит какой-нибудь непроверенный слух, то неосторожное выражение. Против него был возбужден целый ряд уголовных дел. По мере того как росла известность и популярность Андрея Николаевича как талантливого журналиста и редактора, росли и судебные процессы. На втором всероссийском писательском съезде в Петербурге в 1911 году Андрей Николаевич представлял «Южный Край», и съезд почтил его избранием в товарищи председателя. Зато по возвращении из Петербурга в Харьков, Андрею Николаевичу пришлось предстать перед судом судебной палаты с сословными представителями. Андрей Николаевич защищался и сам и через известного адвоката, и на этот раз кара ограничилась только наложением на газету крупного штрафа».

Такая жизнь — продолжает Платон Николаевич — ни сколько не соответствовала ни состоянию здоровья Андрея Николаевича, тогда уже весьма расстроенного (у него уже начинался процесс в костях ноги, в конце концов сведший его в могилу), ни его характеру, очень скромному, благожелательному и мирному, ни его общественному положению».

Своей деятельностью в университете Краснов также был не вполне удовлетворен. Студенты слушали его лекции по географии с увлечением, но непосредственных учеников у него почти не было. География была новым предметом преподавания и студенты боялись на ней специализироваться, тем бо-

лее, что в понимании Краснова это была всеобъемлющая наука, требовавшая и широкого кругозора и серьезного знания в области нескольких естественных наук.

До своей поездки вокруг Азии и посещения Явы и Японии в 1892 году Краснов исследовал преимущественно страны северного полушария. Теперь он увидел настоящие тропики с их роскошной природой, описаниями которой он зачитывался еще в детстве. Около того же времени он увидал Кавказское побережье Черного моря и сразу понял, что тамошний климат благоприятен для культивирования ряда тропических растений.

В этом Краснов и нашел выход из создавшегося в Харькове трудного положения и возможность для себя новой формы творческой деятельности. Он пришел к решению основать ботанический сад в Батумской области. Первые попытки создать ботанический сад сделаны были уже в Харькове. В первые же годы своего пребывания там он был приглашен к заведыванию Харьковским университетским садом. Сад этот, занимавший обширный участок города, находился в пренебрежении и даже гулять в нем вечером было небезопасно. Андрей Николаевич старался придать ему характер парка с подобием ботанического сада. Цель оказалась трудно осуществимой, но все же деятельность Краснова была оценена даже низшими слоями населения. В Харькове тогда рассказывали, что раз ночью, когда Андрей Николаевич проходил через этот сад, на него бросились грабители, но отступили, узнав в нем популярного профессора.

В 1899 году Краснов устроил небольшой ботанический сад с хорошей оранжереей при Харьковском ветеринарном институте.

Теперь со свойственной ему в таких случаях энергией Краснов весной 1912 года отправился в Батум и наметил на Батумском побережье место подходящее для устройства обширного ботанического сада, в котором производились бы опыты акклиматизации тропических растений. По мысли Краснова это был бы питомник их для всей Батумской области. Об этом своем плане Краснов составил обстоятельную докладную записку. Затем он поехал в Петербург и подал свой доклад управляю-

шему ведомством землеустройства и земледелия А. В. Кривошеину, выразив ему свою готовность стать во главе этого дела за скромное вознаграждение, немедленно переселиться в Батум и начать устройство сада. Доклад был утвержден. В марте 1912 года Краснов отказался от должности профессора Харьковского университета и от редакторства газеты «Южный Край» и вновь отправился в Петербург для того, чтобы уладить все необходимые для начала дела формальности.

К лету Краснов переехал в Батум и принялся за дело разбивки сада так успешно, что через два года его мечта о саде стала уже реальностью. Напряженная работа не могла не отразиться на здоровье Андрея Николаевича. Летом 1914 года ему пришлось ехать на Кавказские минеральные воды, откуда врачи послали его в Париж для консультаций с тамошними врачами. Вскоре после его приезда в Париж началась Первая Мировая Война.

Вернуться на родину Андрею Николаевичу удалось с большими трудностями через Марсель и Средиземное море. Турция была официально еще нейтральна и через Босфор еще можно было проехать в Одессу, но на Босфоре уже стояли военные суда, переданные немцами Турции. Из Одессы Краснов поехал в Петербург (тогда только что переименованный в Петроград), чтобы выяснить в соответствующих ведомствах, какие меры могут быть приняты для охраны Ботанического сада в Батуме и получить соответствующие инструкции.

В Петрограде Краснов повидался в последний раз со своим другом В. И. Вернадским. Вернадский описал в своих воспоминаниях их разговоры. Андрей Николаевич произвел на Вернадского впечатление больного, чувствовавшего уже приближение неизбежного нам всем конца. Но кроме того Краснов глубоко переживал войну, как начало мировой трагедии и как подтверждение его давнишних предвидений немецкой опасности для России, внешней и внутренней (внедрение немецких капиталов в русскую промышленность, немецкие земледельческие колонии). Краснов давно считал, что опасность эта не достаточно сознается ни русским обществом, ни русским правительством.

Выяснив, что Ботанический сад решено сохранить и продолжить и что непосредственная опасность со стороны немцев ему не угрожает, Краснов вернулся в Батум. Но вскоре ему пришлось переехать в Тифлис, так как к Батуму подошел турецкий флот, а с суши угрожало турецкое войско.

Еще в 1912 году Краснов вступил в Батумское Общество Сельского Хозяйства. При этом обществе издавался небольшой запущенный журнал, называвшийся «Батумский Сельский Хозяин». Краснов принял близкое участие в нем и вскоре взял его в свои руки. Под его редакторством журнал превратился в серьезное издание, которое он связал с деятельностью и практическими задачами Батумского Ботанического сада и переименовал в «Русские Субтропики». Некоторые номера журнала он сплошь заполнял своими ценными статьями. Переехав в Тифлис, Краснов перенес туда издание журнала и продолжал его редактировать. Кроме того он начал читать лекции на Тифлиских высших женских курсах и занимался разборкой присылаемых для Ботанического сада растений.

Но вскоре здоровье его надломилось. 10 декабря костный процесс на ноге обострился. 19 декабря Андрей Николаевич умер в больнице от заражения крови. Тело его было перевезено в Батум и погребено в Ботаническом саду на том месте, в котором он сам желал быть похороненным.

* * *

III

Краснов не терпел пустоты в своем времени. Ему необходима была непрерывная творческая работа. На первом месте для него была его ученая и учебная деятельность, но много времени и сил он потратил на общественную работу разнообразного характера — просветительную, газетную («Южный Край»), городскую (одно время он был гласным Харьковской городской думы).

Политикой Краснов не интересовался и не был членом ни одной из политических партий, он не придавал значения формам государственного устройства.

«Мне лично — писал он Вернадскому из Берлина 30 мая 1888 года — совершенно безразлично кто будет управлять Россией. Моя задача — чтобы управление это было в руках людей, которые искренно желают блага России, любят и знают ее, т.к. любовь без знания любимого предмета есть лишь зло... Тогда только государство и народ будут благоденствовать, когда государственная машина будет состоять из людей честных и любящих свое дело, преданных ему... Что же делать? скажешь ты. По моему — готовить людей, желающих блага России, понимающих в чем состоит народное благо и знающих этот народ, людей, которые дружно и энергично поддерживая друг друга, создали бы истинный строй и с другой стороны содействовали бы возможно скорее поднятию умственного и нравственного уровня народа».

Вместе с тем у Краснова было врожденное чувство целостности России и необходимости защиты ее права на существование. В связи с этим и развилось у него сознание немецкой опасности, о чем уже было упомянуто.

Краснов был талантливый и увлекательный лектор. Секрет этого был в том, что живая речь была с юности ему самому необходима для развития хода его мыслей. В. И. Вернадский пишет об этом в своих воспоминаниях об Андрее Николаевиче (написанных в 1916 году).

«Еще в гимназии, более 35 лет тому назад... мечты о тропической природе, страстное стремление ее видеть и осязять... охватывали молодого юношу Андрея. Вижу овальное, очень смуглое лицо, с ярко блистающими глазами, с оригинальными медленными, но первыми движениями, ясной, красивой речью, залетавшей все дальше и дальше в несбыточные мечты под влиянием разворачивания своих планов перед слушателями. При этом он откидывался назад и очень своеобразно и высоко подымалась его голова. Он всегда был одной из тех натур, для которых обсуждение своих мыслей и планов и их разворачивание перед другими являлось одной из форм творческого мышления. Об этих планах он мог говорить часами и здесь в беседе у него рождались и формулировались мысли и желания».

Был у Краснова и большой литературный талант. Талиев пишет: «Уже с первых шагов самостоятельной деятельности Андрей Николаевич ясно обнаруживает две формы творчества — литературно-художественную и научную. Они проникают в его творчество до конца жизни и то, гармонически сливаясь, создают настоящие шедевры таланта, то, вступая в антагонизм, ведут к отрицательным сторонам индивидуальности».

«Тонкий эстетический вкус сопровождал Краснова как в его литературно-научных произведениях, так и в будничной жизни. Он мыслил и писал образами, не всегда точными и отделанными, но почти всегда оригинальными, выразительными и красочными».

«Нельзя не остановиться — продолжает Талиев — на одной совершенно индивидуальной форме своего рода пластического искусства, в котором выливалось художественно-эстетическое творчество А. Н. Краснова и в конце-концов определило его последнюю деятельность. Это — влечение Краснова к воплощению научных ботанико-географических образов в виде ботанического сада. То, к созданию чего повторно и как бы *crescendo* приступал Андрей Николаевич, пока в его воображении не возник проект грандиозного Батумского сада, не было только делом холодного научного плана. Краснов в данном случае, в буквальном смысле, творил как художник или скульптор и хотел при помощи сада вылить целые аккорды сложных переживаний как чисто научных, так и эстетических».

Разнообразие кипучей деятельности Андрея Николаевича и в связи с этим неизбежная спешка отражались часто на оформлении его научных трудов, особенно Харьковского периода его жизни.

«Работы его — вспоминает его брат и биограф, Платон Николаевич Краснов — часто печатались в провинциальных типографиях, мало приспособленных к печатанию ученых работ, или еще хуже — посылались в Петербург, откуда корректуры получались по почте. Вся черновую работу ему приходилось делать самому. К этому надо прибавить еще неразборчивость почерка Андрея Николаевича, его постоянные разъезды, при которых ему не было достаточно времени для чисто кабинетной работы».

В редких случаях в его трудах оказывались даже неверные определения растений. По всей вероятности это было результатом того, что он слишком полагался на свою память.

Благодаря всему этому Краснов, особенно в Харьковский период его жизни, подвергался яростной критике и сарказму со стороны многих рецензентов его трудов. Характерно однако, что как раз самые крупные русские географы, почвоведы и ботаники того времени, как Бекетов, Докучаев, Танфильев и Анучин, отмечая спешность оформления трудов Краснова, признавали их большую научную ценность.

В своем «Курсе Землеведения» Краснов не выполнил своего обещания относительно выделения и описания географических комплексов. Он сделал это в своих «Лекциях по физической географии» (1910). Идя по стопам Докучаева, основой географических комплексов Краснов считает взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов природы. Он устанавливает наличие следующих ландшафтных зон (полос): (1) зона влажных тропических стран; (2) . зона влажных субтропиков; (3) . тайга; (4) . тундра; (5) . лесостепь; (6) степь; (7) . полупустыня; (8) . средиземноморская субтропическая зона; (9) . Саванна тропиков; (10) . зона тропических пустынь.

Это учение Краснова представляет собой важный этап в развитии современной русской географической науки. Вслед за Красновым учение о географических комплексах и природных зонах было развито Л. С. Бергом (3-е издание его книги «Географические зоны Советского Союза», появилось в 1947 году). Дальнейшим развитием идей Краснова служат работы А. А. Григорьева, а затем Ф. Н. Милькова.

В научно-популярном и учебном плане яркие и вместе с тем точные описания природы в трудах Андрея Николаевича считаются классическими. Отрывки из них помещались во многих географических хрестоматиях. Например, в известном сборнике-хрестоматии «Азия», составленном А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым, большая часть очерков по тропической Азии принадлежит Краснову.

Учение Краснова о географических комплексах и природных зонах является основным указателем развития его науч-

ной мысли и как бы подводит итог всем его трудам. Его кипучая и многообразная просветительная и общественная деятельность вносила большое оживление в умственный кругозор окружающей его среды.

Живым памятником его влечения к тропикам остался основанный им Батумский Ботанический сад, развернувшийся теперь в крупное научное учреждение всероссийского значения и вместе с тем ставший рассадником чайных и других субтропических плантаций для всей Кавказской Колхиды.

Во всех своих достижениях и недочетах Андрей Николаевич был глубоко русский человек широкого размаха. Его яркая и талантливая личность сама по себе действовала на окружающих как бродильное начало. Его вечное пытливое стремление вперед будило мысль.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белозеров, С. Т., Г. И. Танфильев. (Люди русской науки, под редакцией И. В. Кузнецова. Геология, география, стр. 534-541).
- Вернадский, В. И. Из прошлого (отрывок из воспоминаний об А. Н. Краснове) (Сборник Талиева, стр. 96-113).
- Вернадский, Г. В. Братство "Приютино", Новый Журнал, 93 (1968), стр. 147-171.
- Краснов, А. Н. Опыты истории развития флоры южной части восточного Тянь-Шаня. Петербург 1888.
- Краснов, А. Н. Травяные степи северного полушария. Москва 1894.
- Краснов, А. Н. Курс земледения (Петербург, 1908-1909).
- Краснов, А. Н. Лекции по физической географии (Харьков, 1910)
- Краснов, А. Н. Письма к В. И. Вернадскому 1888 года (Сборник Талиева, стр. 114-132).
- Краснов, П. Андрей Николаевич Краснов (Материалы для биографии) (Сборник Талиева, стр. 5-36).
- Кузнецов, И. В. редактор, Люди русской науки. Геология, география (Москва 1962).
- Мильков, Ф. Н. А. Н. Краснов — географ и путешественник (Москва 1955).
- Мильков, Ф. Н. Природные зоны СССР (Москва, 1964).
- Мильков, Ф. Н. Средняя полоса Европейской части СССР (Москва, 1961).
- Талиев, В. И. редактор, Профессор Андрей Николаевич Краснов (Сборник статей). (Харьков, 1916). (Сборник Талиева).
- Талиев, В. И. Профессор А. Н. Краснов, как ученый (Сборник Талиева, стр. 37-51).
- Томенко, Просветительная деятельность профессора А. Н. Краснова среди рабочих (Сборник Талиева, стр. 78-84).

Andrey Nikolaevich Krasnov
(1862 - 1914)

A. N. Krasnov, professor of Kharkov University and one of the leading Russian geographers of his time, was a talented man of diverse interests. A gifted lecturer and writer, he was an indefatigable traveller. Beside his creative scientific work and his university lectures he took an active part in the organization of the People's Evening College for Kharkov factory workers.

Krasnov graduated from the University of St. Petersburg where he studied under the supervision of the botanist A. N. Beketov and the creator of the science of soils (pochvovedenie) V. V. Dokuchaev.

In 1890 Krasnov took part in the Geological Congress, in Washington. The paper he read at that congress, on "The Chernozom of the Steppes of Southern Russia", was published in the Bulletin of the Geological Society of America. Among Krasnov's books, his "History of the Evolution of the Flora of the Southern Part of the Eastern Tien-Shan" (1888). "The Grass Steppes of the Northern Hemisphere" (1894), and "The Foundations of Geography" (Osnovy zemlevedenia) are the outstanding ones.

Krasnov's doctrine of the "Geographical Complexes" (Natural Zones) is of great significance for the methodology of Russian geographical science.

In 1912 Krasnov resigned from the University of Kharkov in order to devote himself to the foundation of the Batum Botanical Garden. It serves both as a scientific institution and a nursery for the acclimatization of tropical plants in that subtropical area.

† П. Б. Струве

АНГЛИЧАНЕ, КАК ОСНОВАТЕЛИ КРУПНОЙ ТКАНЕПЕЧАТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ И СУДЬБЫ РУССКОЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Эпизод из экономической истории России XVIII века *)

Давно известно, что основателями производства печатных тканей в России явились в XVIII веке англичане William Chamberlin и Richard Cozens. Но только недавно, главным образом из огромного архивного фонда материалов достопамятной «Комиссии о Коммерции» извлечены документальные данные, к сожалению изданные не целиком и даже не в форме «регест», а переработанные в исследование с обычными в советской литературе партийно-политическими ссылками и трафаретами ¹⁾. Но все-таки и в этой форме эти новые материалы дают возможность обрисовать действительный характер и подлинное значение англичан, как предпринимателей, в насаждении этой важной отрасли промышленности, которая в России в течение XIX века достигла большого развития и ючень высокого технического совершенства.

О том, кто был Вильям Чемберлин, повидимому, не сохранилось никаких точных указаний — он очень скоро устранился от основанного им вместе с Козенсом в 1753 г. дела (у

---

*) Настоящая статья была напечатана по-английски в лондонском журнале **The Slavonic and East European Review**, London, Vol. XIX (1939-40): **English Tissue-Printing in Russia: An Episode in Russian Economic History** и по-русски никогда не печаталась. Печатается нами по сохранившейся у Г. П. Струве подлинной рукописи.

— Ред.

1) Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII века. Москва 1935. Стр. 309. Заглавие это неправильно с точки зрения давнего и господствующего русского словоупотребления, ибо заимствованное, через голландский, английский и немецкий языки, восточное по происхождению слово "ситец" и по-русски означает крашеную бумажную ткань, между тем как то производство, о котором в тексте идет речь, первоначально велось преимущественно на тканях льняных. См. ниже в тексте.

них был еще негласный английский компаньон по фамилии Home). Ричард Козенс был представителем, и довольно неудачным, второго поколения англичан, живших и действовавших в России. Его отец был в 1700 г., в качестве корабельного мастера, приглашен самим Петром Великим на службу — приблизительно одновременно с Andrew Fergharson, или вернее Farqwharson, основателем математических изысканий в России, первым в ней популяризатором и Эвклида, и картографии ²⁾). Козенс-отец принял русское подданство и получил русское дворянство — это последнее обстоятельство сыграло роль и в неудачной предпринимательской карьере его сына.

1753 г. приходится на объективно весьма замечательное царствование дочери Петра Великого, Елизаветы (1741-1761). Это был последний период последовательного регламентарного русского меркантилизма в Российской Империи, одним из методов которого были концессии (comissions по терминологии английского меркантилизма), привилегии и монополии, даруемые отдельным предприятиям — на основе принципиального отрицания экономической свободы в первоначальном широком английском смысле словосочетания free trade. Эта эпоха соответствовала в английской экономической истории «меркантилистическому» режиму монополий, характерному для второй половины XVI и для первой четверти XVII века, с некоторыми однако существенными отличиями. С одной стороны, в России и в XVIII веке городская жизнь была развита слабее, чем в Англии XVI и XVII веков, хотя и в Англии, сравнительно с остальным Западом, «село» играло в экономическом развитии большую роль. С другой стороны, цеховое регулирование, зачатки которого несомненно были в допетровской России, но которое explicite было введено лишь при Петре Великом, менее глубоко проникло в русскую жизнь, чем в английскую, и, конечно, еще менее глубоко, чем в жизнь

---

2) См. о Фаркварсоне и Козенсе в знаменитой книге обобщающих воспоминаний: John Perry, The State of Russia under the present Czar. London, 1717. Я имею в виду Фаркварсона посвятить специальный этюд, в рамках и с точки зрения истории науки и ее культурной роли в России. (Возможно, что на эту тему П. Б. позднее прочитал доклад в Русском Научном Институте в Белграде. Данных о докладах, прочитанных им там после 1938 г., у нас нет. — Прим. Г. П. Струве).

таких континентальных стран, как Франция и германские государства. И хотя идеология *free trade* **внутри** страны была в России слабее выражена, чем в Англии XVII, а тем более XVIII в., — **фактически**, в силу рассеянного состояния промышленности, в значительной мере сельской — под покровом крепостного права — свобода **промышленности** ни для одной страны в эту эпоху не была столь характерна как для России. Привилегированно-монополистическая крупная промышленность и организованное в цехи городское ремесло имели в лице этой свободной и неуловимой для регламентации сельской промышленности **почвенного** и потому жизнеспособного и могущественного противника и конкурента. Носительницей этой промышленности была крестьянская буржуазия, юридически находившаяся еще большей частью в тисках крепостного права. Этот элемент, пользовавшийся, как рабочей силой, трудом своих сплошь крепостных собратьев, трудом, который и для крестьянской буржуазии и для самих рабочих был свободным, хотя сами крестьяне-рабочие оставались крепостными дворян-землевладельцев, — эта крестьянская буржуазия была в крепостной России XVIII и XIX века носительницей идеи и практики внутреннего *free trade*, свободы промышленности, работавшей без привилегий и монополий. Таким образом идея экономической свободы, внутренней свободы промышленности и торговли, была в России укоренена и выросла на почве сельской. То, что в крепостной России в силу этого факта широко господствовала в обширной области хозяйственной жизни свобода, было подмечено тогда же внимательными наблюдателями, жившими и действовавшими в России: химикомъ Иоганном-Готлибом Георги (Georgi, 1729-1802, приблизительно современник Адама Смита) и первым действовавшим в России ученым экономистом, стоявшим на высоте всей научной культуры своего времени, Генрихом Шторхом (Storch, 1766-1835, приблизительно современник Jean Baptiste Say ³⁾). Сво-

3) G e o r g i, Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 u. 1774. St. Petersburg, 1775. S t o r c h, Historisch-statistisches Gemaelde des Russischen Reiches am Ende des XVIII Jahrhunderts, Leipzig, 1799, в особенности том III, стр. 65-67. Ср. мою статью 1898 г. "Историческое и систематическое место русской кустарной промышленности" в сборнике моих статей "На разные темы", СПб., 1902, стр. 427-447.

бодная в этом смысле **сельская** промышленность, осуществлявшаяся в **мелких** производственных единицах, была экономически сильнее и органичнее промышленности крупной. Она работала дешевле крупной и гораздо легче этой последней могла приспособляться к колебаниям хозяйственной жизни. Но технически она была беспомощна и даже убога, и крупная промышленность победила, когда она свои технические успехи сумела превратить и в экономические, т. е. в понижение цены для потребителя и издержек производства для производителя, как предпринимателя. Технический прогресс, к которому стремились российское меркантилистическое государство ради военных и фискальных целей, — для своего форсирования требовал крупного производства, обеспечивавшего максимально доступное в то время техническое совершенство и в большинстве случаев максимальную «валовую» продукцию. Насажению этого крупного производства должны были служить привилегии и монополии; одной из форм привилегий для «купецких людей» было данное им в 1721 г. разрешение покупки и приписки крестьян к фабрикам и заводам. Право владеть крестьянами было вообще говоря и тогда и потом утвержденной в праве привилегией дворянства. «Купецким людям» это право было дано под условием неотчуждаемости приобретаемых для определенной производственной цели крестьян и предоставленной этим крестьянам для пользования земли иначе как целиком и с сохранением за нею данной ей производственной цели. Так возник особый вид «целевых имуществ», прочно предоставленных государством отдельным лицам, как промышленным предпринимателям, и служивших, как говорил закон, «для размножения... заводов» — на особом ограниченном, т. н. «поссессионном», праве (это название установилось в конце XVIII века).

Английская фабрика Чемберлина и Козенса, устроенная в том месте, которое получило громкую известность в самой России и за границей как главный летний лагерный пункт императорской гвардии, в Красном Селе близ С.-Петербурга, получила сразу широкие привилегии: 1) монопольное право изготовления печатных или крашеных тканей в течение 10 лет (сами они просили монополию на 20 лет); 2) право беспошлин-

ного ввоза иностранных материалов и инструментов. Не сразу, но впрочем уже через четыре года после получения привилегии и через два года после открытия предприятия, англичане получили в 1757 г. разрешение на покупку к их фабрике трехсот (300) крестьян. Хотя в своем проекте-прошении англичане обещали сами затратить на учреждение фабрики 20 тысяч рублей и несомненно затратили даже значительно больше этой суммы, они уже в 1756 г. вынуждены были ходатайствовать о выдаче им беспроцентной ссуды в 30 тысяч рублей и о полном запрещении ввоза печатных тканей в Россию. Ссуду они, представив поручителей, из которых один был русский, ярославский фабрикант Затрапезнов, а другой — англичанин, петербургский фабрикант сахара Каванах (Cavanagh), получили, и притом в серебряных деньгах, а не медных, не имевших никакого заграничного курса. Вместо запрещения ввоза печатных тканей англичане получили в том же 1757 г. десятикратное увеличение таможенной пошлины на иностранный ввоз печатных тканей, могших конкурировать с продуктами новооснованной английской фабрики.

Таким образом, англичанам удалось мобилизовать в пользу своего предприятия весь арсенал действовавшей в России в первые шесть десятилетий XVIII века протекционн-меркантилистической регламентации промышленности, и в этом отношении они не только не явились новаторами, но, наоборот, в полном объеме использовали торговую-промышленную практику, установленную Петром Великим и его ближайшими приемниками. Привилегированный фабрикант-иностранец обязан был за свои привилегии: 1) удовлетворять **количественно** русский спрос на данные продукты; 2) производить их такого **качества**, чтобы они стояли на качественном уровне соответствующих заграничных произведений, и затем 3) содействовать своим производством подготовке «учеников» и «мастеров» из русской среды, т. е. способствовать созданию русских промышленных кадров. Именно последняя, воспитательная, функция иностранных привилегированных предприятий идейно представляла главное оправдание привлечения иностранцев на основе привилегий и монополий к делу создания русской промышленности. В общем, думается, эта воспитательная цель, так

или иначе, прямо или косвенно, но достигалась. Крупные привилегированные предприятия иностранцев, рядом с мастерскими ремесленников-иностранцев, переселявшихся в Россию и в ней оседавших, сыграли для русского населения главным образом роль **технической** школы. Это давно в отношении иностранных и вообще крупных фабрик было установлено покойным М. И. Т у г а н - Б а р а н о в с к и м в его превосходной истории русской фабрики (1898), а в отношении ремесла — пишущим эти строки в его рецензии на книгу Туган-Барановского (в том же году) и в его позднейших работах по истории русского крепостного хозяйства (1899-1913).

Основателем красносельской фабрики в лице Козенса явился англичанин, но он сам был только предприниматель в самом общем смысле, и при том предприниматель неудачный. Он отнюдь не был техником-специалистом тканепечатного дела. Таковыми на этой английской фабрике были швейцарцы, может быть и даже по всей вероятности, **английской выучки**. Но они очень скоро уехали: фабрика начала работать в 1755 г., а мастера-швейцарцы, строившие фабрику и организовавшие на ней производство, покинули Россию уже в 1757 г., и их заменил Христиан Л и м а н , повидимому датский подданный немецкой национальности (гольштинец?). Сам он свой промысловый стаж приобрел, надо думать, главным образом в Англии. Лиман, работавший на фабрике Козенса, явился вскоре ее главным конкурентом — он основал вторую крупную тканепечатную фабрику в Петербургском районе, **шлиссельбургскую**, которая сыграла в развитии техники этого дела еще большую роль, чем фабрика красносельская. В 1779 г. Козенс, запутавшийся в своих делах, сдал красносельскую фабрику в аренду московскому купцу Струговщикову. Затем он впал уже прямо в банкротство, и основанная им фабрика исчезла как особое предприятие, слившись, как фабричное здание и отчасти как оборудование, с чужой фабрикой другого рода. До XIX века она, в отличие от шлиссельбургской фабрики, не дожила.

Как я уже указал выше, в примечании, неправильно представлять себе эти начатки тканепечатного дела в России как начало крупного производства, печатания в красках, именно хлопчатобумажных тканей. Главным материалом, над которым

работали в XVIII веке и красносельская и шлиссельбургская печатные фабрики, были не хлопчатобумажные ткани, не миткаль, а ткани льняные, холст ⁴⁾. Льняные ткани, подвергавшиеся печатанию в красках, производились в самой России, и притом в значительной мере это были деревенские холсты, производившиеся крестьянами, как предмет их «домашней» промышленности. В России эта домашняя промышленность традиционно получила наименование «кустарной» — слово, этимология которого — увы! — не поддается установлению. Хлопчатобумажные ткани тогда вовсе не производились в России, и потому они не могли давать материала для русского тканепечатного производства. Поскольку печатание на бумажных (и шелковых) тканях тогда существовало в России, оно производилось на тканях привозных с Востока (из Персии и Средней Азии), а потом (для тканей бумажных) из Англии (с последней четверти XVIII в.). Но в огромных размерах бумажными печатными тканями в эту эпоху русское население снабжалось в порядке **контрабанды**, которая вообще имела очень большое значение для русской внешней торговли в XVIII столетии. Лишь в XIX в. знаменитому министру финансов Александра I и Николая I, графу Канкрину, удалось надлежащей постановкой пограничной стражи, и таможенного надзора вообще, побороть массовую контрабанду.

Соотношение в Англии между ввозом остиндских хлопчатобумажных тканей с внутренним производством шерстяных и шелковых тканей, приведшее к борьбе протекционистов и фритредеров, своеобразно, как показал покойный Ashley, переплетающейся с партийно-политической борьбой, — это английское соотношение в некоторых своих чертах напоминает соотношение в России между ввозом из заграницы белых и цветных (крашеных или печатных) хлопчатобумажных тканей и внутренним производством льняных белых и цветных тканей. Но тут были и весьма существенные и характерные различия: русские фабричные печатные бумажные ткани встре-

---

4) Русское слово "миткаль" восточного происхождения и соответствует английскому **calico**. Русскому слову "холст" соответствует английское **linen**. Но по аналогии названия тканей хлопчатобумажных или льняных в применении к тканям крашеным употреблялись неточно.

чали конкуренцию, легальную и нелегальную, иностранного ввоза таких же тканей. Русские печатные льняные ткани привилегированной фабрики встречали весьма успешную, постепенно, но умело высматривающую и заимствующую иностранную технику, конкуренцию мелких крестьянских предприятий, центром которых было знаменитое, принадлежавшее графу Шереметеву село Иваново Шуйского уезда Владимирской губернии, превратившееся в течение XIX в. в русский Манчестер, в город Иваново-Вознесенск. Это мелкое, т. н. «кустарное» производство печатных тканей находилось с 1753 по 1763 г. (срок действия монополии Козенса) в полном противоречии с выданной его фабрике привилегией и потому было нелегальным («безуказным» по русской терминологии того времени) и рассматривалось как таковое. Козенс жаловался на эту конкуренцию, и его жалобы привели к тому, что правительство развернуло в пользу привилегированного фабриканта-монополиста энергичную кампанию против «кустарного» производства печатных льняных тканей, как производства «фальшивого» товара. Но борьба эта была бесплодна. Как на рынке бумажных печатных тканей преобладание, несмотря на высокую пошлину, оставалось за привозными тканями, так и на рынке печатных льняных тканей главной и победоносной фигурой остался крестьянин-кустарь⁵⁾. Хотя он производил и худший товар, чем привилегированный фабрикант-иностранец, но он производил **дешевле** и был в бытовом отношении ближе и к массе потребителей, и к рассеянными по стране торговым посредникам. Поэтому он и победил привилегированного и всячески поощряемого крупного фабриканта. Законодатель в 1775 г. этой мелкой промышленности, которая по отношению к рынку и к рабочей силе вовсе не была «ремесленной», а была — как принято говорить — «капиталистической», которая была создана крестьянской буржуазией, дал полную свободу, и именно эти мелкие крестьянско-буржуазные предприятия образовали прочную и широкую основу крупного производ-

---

5) Во избежание возможных недоразумений я должен сказать, что с точки зрения принятой терминологии, которую я в настоящее время вообще не разделяю и отвергаю по чисто научным соображениям, это крестьянское "кустарное" производство было — "капиталистическим".

ва в русской текстильной промышленности. Таким образом — в силу неотвратимого соотношения реальных экономических факторов — основное русло русской хлопчатобумажной промышленности направилось не по пути, указываемому той меркантилистической регламентацией правительства, на которую опиралась в этой области предпринимательская инициатива таких англичан, как Козенс.

Русская крупная хлопчатобумажная промышленность родилась из основанного первоначально на **льне** крестьянского производства и обработки тканей, расположенного в Центральной России, в т. н. Московско-Владимирском районе. **Петербург** с Красным Селом и Шлиссельбургом был в этом процессе отодвинут на задний план: привозный английский «ситец» (calico-print) в конце XVIII в., в эпоху юнчательного торжества машины, проникшей и в ситцепечатание, убил петербургский «ситец», но он не смог того же разрушительного действия произвести на по преимуществу крестьянскую промышленность Московско-Владимирского района. Здесь ситцепечатание не только выдержало кризис, но в связи с ним развилось и бумаготкачество, которое — это весьма характерно! — работало с самого начала не только на английской, но и на бухарской пряже: предзнаменование той роли, которую позже был призван играть в русской промышленности среднеазиатский хлопок.

Отчасти эти успехи текстильной промышленности в Центральной России были отраженным действием континентальной блокады Наполеона I, отраженные экономические и культурные действия которой во много раз превосходили ее непосредственные военно-политические задания. Но главным фактором указанных успехов был «органический» рост русской текстильной промышленности, связанный со всеми историческими условиями существования и народных масс и выделяемых из них «элит» в этой области. Крепостное юбручное крестьянство, первоначально гораздо более земледельческое, чем промышленное, выделяло из себя в процессе своеобразного отбора, не только положительного, но и отрицательного, промышленное население; это промышленное население выделило из себя, в процессе социально-экономической дифференциации, торго-

вую и промышленную буржуазию, чрезвычайно одаренную и предприимчивую, умевшую экономически воспитать — опять таки в процессе своеобразного отбора — целые поколения рабочих...

Несмотря на отмеченный конечный неуспех английского предпринимательства в области насаждения в России тканепечатной промышленности, эта попытка сыграла известную воспитательную роль в истории русского промышленного развития. Такую роль нельзя выразить ни в каких числах и числовых соотношениях. Она была лишь отчасти непосредственной — Козенс не был настоящим предпринимателем и лично он был скорее всего неудачником-проектировщиком, но еще более эта роль являлась в данном случае посредственной. Ее можно оценить лишь в контексте всех русско-английских отношений и вообще отношений России с Западом. Неудачник Козенс может быть понятим и оцениваем только в сопоставлении с такими удачниками, какими были его отец, Андрью Фаркварсон, Джон Перри и многие другие культурные англичане, действовавшие в России в эпоху ее «европеизации». Основанное англичанами Чемберлином и Козенсом предприятие было одним из многочисленных звеньев, связывавших русскую экономическую жизнь с Западом и в нем с Великобританией. История этого предприятия есть любопытный, но более даже чем второстепенный, эпизод в истории англо-русских культурных отношений. Я постарался в настоящем очерке вставить этот эпизод в рамку общего развития русской текстильной промышленности. В экономической жизни России в XVIII в., в ходе как ее торговли, так и ее промышленности, Великобритания из всех западноевропейских государств играла самую видную роль. Детальное изучение этой роли представляет важную задачу культурной истории обеих стран и должно составить содержание любовной и пристальной работы как русских, так и английских исследователей.

[Белград, 1938 г.]

Б. Г. Унбегаун

Русские языческие и христианские имена

★ ★ ★

Система христианских имен в допетровской Руси и ее отношение к древним языческим именам все еще включает в себе некоторые невыясненные проблемы. Указать на них и являться целью настоящей статьи.

Древние языческие имена были унаследованы восточными славянами из праславянского языка и поэтому не отличались от подобных имен южных и западных славян. Почти всегда это были имена с ясным значением и не менее ясной этимологией. Большинство это были двусосновные имена, т. е. сложные слова из двух основ с соединительной гласной. Вторая часть таких имен была обыкновенно **-слав** (напр. Святослав), **-мир** «славный, возвышенный» (напр. Любомир; впоследствии, но уже очень рано, этой основе стало придаваться значение современного русского **мир**), **-волод** «богатый, владеющий» (наприм. Всеволод), хотя существовали имена и иного типа.

К этим языческим славянским именам следует прибавить небольшое число также языческих скандинавских имен, принятых восточными славянами, как, напр., Рюрик (**Hroerekr**), Олег и Ольга (**Helgi** и **Helga** «святой» и «святая»), Игорь (**Ingvarr** «младший»), Глеб (**Gudleifr**, соответствующий немецкому **Gottlieb**), Рогволод (**Ragnvaldr**), и некоторые другие. Единственным языческим именем тюркского происхождения был, по-ви-

димому, Борис (из протоболгарского *Bogoris*); возможно, впрочем, что это имя было просто сокращением Борислава.

После принятия христианства Русью в 988 году каждый восточный славянин получал при крещении христианское имя, соответствовавшее имени какого-нибудь святого православной церкви. Это были, конечно, не славянские, а греческие имена, каково бы ни было их происхождение — чисто греческое, или еврейское, сирийское, латинское и под. Все эти имена восточные славяне получили из Византии через посредство Болгарии, принявшей крещение на столетие раньше. По своей форме имена эти были древнецерковнославянскими. Многие из них, хотя далеко не все, существовали также и в народной форме, фонетически отличавшейся от официальной древнецерковнославянской формы, как напр., Георгий и Юрьи/Егор, Димитрий и Дмитрий, Евстафий и Астахий Астах/Остап, Иларион и Ларион, Иосиф и Осип/Есип, Маркиан и Мартьян, Онисифор и Анцыфер, Евдокия и Авдотья, Параскева и Прасковья, и т. д. Эта народная форма была либо естественным приспособлением или искажением официальной формы в устах восточных славян, либо заимствованием болгарской народной формы, которая, в свою очередь, могла отражать греческую форму в ее устном употреблении.

Кроме народной формы, возникавшей чисто фонетическим путем, существовали также параллельные формы с усеченными окончаниями, как, напр., Ачтоний и Антон, Власий и Влас, Игнатий и Игнат, Панкратий и Панкрат, и т. д. под. Существование таких пар, где официальной церковнославянской форме с **-ий** соответствовала народная форма без этого окончания, способствовало иногда появлению окончания **-ий** в официальной форме, этого окончания не имевшей, как напр., Кондрат и Кондратий, Савел и Савелий, Филипп и Филиппий.

Частым явлением было также перенесение окончания с одного имени на другое. Под влиянием таких имен как Андрѣй, Матвѣй, имена Алѣксій, Гѣрдій, Сѣргій превратились в Алексѣй, Гордѣй, Сергѣй; это же окончание **-ѣй** могли принимать и другие имена, как напр., Корней (Корнилий), Пантелей (Пантелеймон), Веденей (Веденикт из Венедикт).

Многие другие окончания могли создавать все новые варианты одного и того же имени, напр.: **-ай** (из Николай, Ерма-
лай): Минай (Мина), Никитай (Никита); **-ан** (из Адриан, Иван,
Степан): Дорофан (Дорофей), Евгран (Евграф), Климан
(Клим); **-ьян** (из Касьян, Васьян): Аверьян (Аверкий), Гурьян
(Гурий), Устьян (Устин/Иустин); **-им** (из Ефим, Питирим):
Амврюсим (Амврюсий), Астафим (Астахий/Евстафий); **-ис** (из
Борис, Денис): Веденис (Веденикт из Венедикт), Иванис
(Иван); **-ман** (из уже параллельных форм, как Ефиман, Кли-
ман): Ильман (Илья), Юрман (Юрий). Некоторые, большей
частью короткие имена могли существовать в нескольких па-
раллельных вариантах, как напр., Зот: Зотий, Зотей, Зотим;
Иуда: Юдай, Юдан; Кирилл: Кирьян, Кирсан, Кирис; Сила: Си-
лай, Силан, Силантий; Фирс: Фирсай, Фирсан.

Все эти и многие другие формы с заимствованными окон-
чаниями встречаются в официальных документах, где они, по-
видимому, рассматривались как параллельные и равноправные
варианты, а не как уменьшительные формы имени. Впрочем,
встречаются в документах и явно уменьшительные формы, и их
легальный статус по отношению к полной форме не всегда
ясен. В этом отношении практика древней, и особенно Мос-
ковской Руси была, по-видимому, очень гибкой. В какой-то,
но значительно меньшей и еще не выясненной, степени это
многообразие имени признавалось и церковью, о чем свиде-
тельствуют старинные святцы.

Старые языческие имена, отмененные церковью, продол-
жали, однако, употребляться как второе имя, даваемое роди-
телями, рядом с христианским именем, а иногда даже и вместо
него. Это второе имя вначале называлось **мирское имя**, позже
прозвище. Менее употребительными были термины **прозвание**
и **прирок**. В русских ономастических трудах, и только в них,
встречается выражение **некалендарное имя**, т. е. имя, не вклю-
ченное в святцы, календарь святых православной церкви. Как
один из древнейших примеров двойного именования можно
привести послесловие к т. н. Остромирову Евангелию, перепи-
санному в Новгороде в 1056-1057 гг. для родственника князя
Изяслава, чье имя дается как «въ крщении Иосифъ а мирьскы
Остромиръ».

В качестве второго имени могли употребляться не только старые языческие имена, но и вообще любое прозвище. Судьба этих двух групп была различной. Как личные индивидуальные имена прозвища вышли из употребления в конце XVII века, но оставили многочисленные следы в русских фамилиях. Такие фамилии, как напр., Полованов или Утехин, являются историческими отчествами, образованными от прозвищ Голован и Утеха. Подобные прозвища могли легко образовываться и употребляться и их было огромное множество. Сами по себе они не были, конечно, ни языческими ни христианскими, и о них не будет речи в настоящей статье.

Судьба языческих — славянских и скандинавских — имен была совершенно иная. В общем они были заменены христианскими именами, т. е. именами святых православной, византийской церкви. Но были и некоторые любопытные и еще не совсем объясненные исключения. Первое место среди этих исключений занимают имена киевского великого князя Володимера (более известного под церковнославянской формой своего имени Владимир) и его двух младших сыновей Бориса и Глеба. При крещении им были даны христианские имена Василий, Роман и Давид. Все трое умерли в 1015 году, при чем двое последних, убитые своим старшим братом, были вскоре канонизированы под своими христианскими именами, как первые святые Киевской Руси. Их христианские имена были, однако, полностью забыты и, как святые, они, странным образом, известны лишь под своими языческими именами, как свв. Владимир, Борис и Глеб. При каких обстоятельствах это произошло остается пока неизвестным, т. ч. проникновение этих трех языческих имен в святцы остается невыясненным вопросом как русской церковной истории, так и русской юности. Оно произошло, по-видимому, довольно рано, и св. Владимир (Василий) упоминается церковью уже в середине XI века, т. е. меньше чем сорок лет после своей кончины, лишь как св. Владимир, (официально он был канонизован только в 1240 году). Христианское имя Мстислава Романовича, великого князя Смоленского, умершего в 1223 году, было уже Борис.

Языческие славянские и скандинавские имена могли употребляться и после крещения Руси, но только уже как вторые

имена, как, впрочем, и любое прозвище. В начале они были особенно популярны в Новгороде и Пскове. В общем же это были гл. обр. имена князей, известные в древней Руси как «княжие имена». Некоторые из этих имен стали впоследствии также и христианскими именами, тем же неизвестным и в сущности загадочным путем как Владимир, Борис и Глеб. Носителями этих имен были св. Всеволод, в крещении Гавриил († 1138) и св. Игорь, в крещении Георгий († 1147). Только одно женское языческое имя утвердилось в русской церкви — св. Ольги, получившей согласно преданию в Византии христианское имя Елены († 969).

Позже церковь признала еще четыре подобных имени — Ярослав, Мстислав, Ростислав и Святослав, хотя не существовало настоящих святых, носивших эти имена. Это были лишь местно чтимые «блаженные», правда, с празднованием своего дня в году, но никогда не канонизованные. Нужно однако заметить, что почитание местных и общерусских святых не было в древней Руси строго разграничено, тем менее, что многие местные святые были позже признаны общерусскими. Впоследствии в церковный обиход вошли еще два языческих имени: славянский Вячеслав, русское соответствие чешского святого X века Вацлава, и скандинавский Олег, — по-видимому, никогда не бывший именем святого православной церкви.

Проникновение всех этих имен в святцы православной церкви и их утверждение в церковной практике является во многом еще не ясным вопросом.

В качестве «княжих имен» древнерусские двусловные имена не пережили XIV века. Но они могли еще употребляться и позже в не княжеской среде. В севернорусских текстах можно, еще в XVII веке, правда, очень редко, встретить такие имена, как Даниславко (1609) ¹⁾, уменьшительное от Данислава, в Вологодской области, или Мирослав (1617) ²⁾, в Костроме. Чаще, по-видимому, и с самых древних времен, употреблялись уменьшительные или сокращенные имена, чему много примеров в текстах киевского и новгородского периодов, как напр., Вышата (т. е. Вышеслав) или Жидята (т. е. Жидислав). Следы подобных имен сохранились в некоторых русских фамилиях, как напр. Будилов, Будищев (Будило, Будище, из Будимир или

Будислав), Путятин, Путилов, Путилин (Путята, Путило/Путила, из Путимир/Путислав). Фамилия Радилов и Радищев, образованные от Радило и Радище, могут быть такого же происхождения, если они восходят к именам Радимир или Радислав. Но их можно также вывести и из христианского имени Родион, с частым в русских фамилиях отражением аканья. Характерно, что только ют трех полных языческих имен, вошедших в святцы как имена первых русских святых, были образованы юбычные фамилии: Владимиров/Володимиров, Борисов, Глебов. От юостальных полных славянских имен фамилии или вообще не были образованы, или юони чрезвычайно редки, как напр., Всеволодов или Ярославов. Некоторые из них могут быть и искусственного происхождения. Вся эта область русской ономастики еще совершенно не исследована.

Существовало еще три русских имени похожих на старые двусосновные славянские имена — Богдан, Боголюб и Боголеп. Имена эти, однако, просто переводы христианских греческих имен Феодот (Федот), Феофил и Феопрений. Богдан был, по-видимому, популярным именем, судя по частоте образованной от него фамилии Богданов. Два другие имени тоже сохранились в фамилиях Боголюбов и Боголепов. Однако, Богдан и Боголюб не смогли вытеснить своих греческих прототипов Федота и Феофила и, в конце концов, были ими заменены. Что же касается третьего имени — Боголеп/Феопрений, — то оно не удержалось ни в своей славянской ни в своей греческой форме. Единственное имя, переведенное с греческого и прочно вошедшее в святцы и в обиход, это Лев. Оно употреблялось и, возможно, еще употребляется и в своей греческой форме Леон (ср. фамилию Леонов). Вообще же перевод греческих имен, столь юобычный у сербов и болгар, был совершенно исключительным явлением в русской ономастической практике.

Христианские имена давались детям священником при крещении, и церковь поэтому с самого начала участвовала в отборе и сохранении этих имен. Но лишь в начале XVIII века ей было поручено юофициальное ведение актов гражданского состояния и с этого времени церковь неуклонно добивалась и в конце концов добилась более строгого порядка в употреблении личных имен. Прежде всего юона совершенно исключила

употребление второго, неофициального и не христианского имени-прозвища. Единственное имя, даваемое ребенку, должно было соответствовать имени какого-нибудь святого православной церкви, за немногими исключениями древних языческих имен, о которых речь шла выше. Кроме того, это христианское имя должно было ютныне облекаться в официальную, т. е. церковнославянскую форму, которая постепенно проникла и в живое, не церковное употребление. Таким образом исчезло большинство народных форм, столь широко употреблявшихся в допетровской Руси: Аксен был заменен Авксентием, Алфер — Елевферием, Анурий и Анур — Януарием, Гарасим — Герасимом, Данило — Даниилом, Лактион — Галактионом, Ларион — Иларионом, Никола и Микула — Николаем, Остап и Астах — Евстафием, Перфилий и Перхурий — Порфирием, Ульян — Юлианом, и т. д. Лишь для сравнительно немногих имен народная форма, отличная от церковной, продолжает существовать как в живом употреблении, так и в официальных документах. В следующих примерах церковная форма дается в скобках: Дементий (Домитий), Демид (Диомид), Демьян (Дамиан), Денис и Денисий (Дионисий), Дмитрий (Димитрий), Иван (Иоанн), Прокофий (Прокопий), Семен (Симеон), Степан (Стефан), Федор (Феодор), Федот (Феодот), Фрол (Флор), Юрий (Георгий). В других именах употребление народной формы, еще обычное в XIX веке, сильно сократилось или исчезло, как напр., Егор (Георгий), Осип (Иосиф), Авдотья (Евдокия).

Из имен с заимствованными окончаниями прочно утвердились лишь некоторые формы на **-ей**, как Алексей, Сергей. Совершенно исчезли параллельные формы с другими окончаниями, как Юдай, Климан, Аверьян, Астафим, Иванис, и под. Их исчезновению способствовало и то обстоятельство, что большинство параллельных форм было образовано от совершенно неупотребительных теперь имен. Кроме того, эти формы стали, по-видимому, восприниматься не как параллельные и равноправные, а как уменьшительные.

Таким образом, одновременно с упорядочением самой формы имени шло также и общее сокращение количества популярных имен. По сравнению с богатством и формальным раз-

нообразием христианских имен допетровской Руси, современное употребление сравнительно бедно количественно и строго ограничено формально. В этом отношении русский язык разделяет судьбу всех культурных языков Европы.

1. Русская историческая библиотека, XIV, столб. 593, 594.

2. Там же, XV, стр. 77.

RUSSIAN PAGAN AND CHRISTIAN NAMES

Old pagan — Slavic and Scandinavian — names used in Russian before Christianization were later replaced by Christian names taken from the calendar of saints of the Byzantine Church in their Old Church Slavonic forms. A few pagan names, however, were adopted by the Russian Orthodox Church and have consequently joined Christian names received from Byzantium. In addition, old pagan names could still be used as second, familiar and unofficial, names up to the end of the seventeenth century. At the beginning of the eighteenth century both the use of second names was abandoned and the great morphological variety of Christian names reduced to a more rigid nomenclature based on the principle of a single form for each name.

† М. А. Полторацкая *)

О ЯЗЫКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ ПЕТРА I. (Филологические заслуги Петра I).

В настоящее время Академией Наук СССР издаются многочисленные «Законодательные акты Петра I», по подлинным документам, хранящимся в Рукописном Отделе Публичной библиотеки (в Ленинграде) и в различных Государственных архивах Военного Министерства, Адмиралтейства, Юстиции и др.

В содержание 1-го тома входят акты о верховной власти, о высших государственных установлениях: о сенате, о коллегиях, о суде и челобитчиках и др.; в конце книги помещен Генеральный Регламент — в пяти редакциях, с собственноручными исправлениями самого Петра I.

В основу Генерального Регламента положен перевод с иностранных законодательств, главным образом — со шведского.

Для нашей, чисто филологической цели, остановимся на Регламенте, чтобы вникнуть в особенности ранних переводов XVIII века. В то время русское государственное управление только входило в обще-европейский курс; это были лишь первые шаги от старой приказной Москвы к административному строю Запада. Вследствие этого, для перевода иностранных законоположений зачастую не находилось соответствующих русских слов, так как в самой жизни не сложились еще соответствующих понятий. Переводчикам по необходимости при-

---

*) Professor N. Y. S. U-y, Albany, N. Y. † 1968.

ходило вставлять в русский текст иностранные официальные термины или же сочинять по их образцу новые слова-кальки. И нередко эти новые слова звучали для русского уха непонятно и неприемлемо.

И вот, в этих трудных условиях переводческой работы отчетливо выступает еще одна сторона многосторонней личности Петра Великого: его филологические способности и заслуги.

Возможно, что это утверждение вызовет у кого-нибудь сомнение. Скажут: «Как-то не вяжется образ Петра Великого с филологией; с корабельной верфью, с плотничьим верстаком — больше».

Но вспомним, что Пушкин в своих «Стансах» прославляя в Петре не только «царя-героя, мореплавателя и плотника», но и царя-«академика».

Итак, будем говорить о переводческой деятельности самого Петра I.

Прежде всего, нельзя не отметить, насколько рационален был наказ царя переводчикам (от 25 февраля 1709 года): «Не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сий выразумев, на свой язык уж так писать, как **внятнее**». Этот указ имеет уже почти 250-тилетнюю давность, а разве не подписалась бы под ним и наша современность? А когда рассматриваешь по главам переводный текст Регламента, то еще более оцениваешь разумность филологических взглядов Петра Великого и меткость его собственного языка.

Полное название Регламента: «Генеральный Регламент Государственных Коллегий, от 28 февраля 1720 года».

Главным переводчиком и составителем проекта Регламента был Генрих Фик, но редактором и корректором был сам Петр. Так, напр., во вступлении Фик, от имени государя, разъясняет народу, что Государственные Коллегии учреждаются для того, чтобы **«по возможности сохранять (царю) верных своих, а долго бывшую тяжкою войною оскуделых своих вассалов»**. Петр Великий исправляет: **«Ради возможного сохранения верных своих, долгопротяжною войной истощенных»**. Разве это не лучшая формулировка? Во-первых, стиль царя лаконичнее и выразительнее: вместо 14 слов в переводе Фика — только 8

у Петра. Во-вторых, в Проекте синтаксис крайне расплывчатый, с неуместно вставленным, по старинному, союзом «а». Синтаксис же Петра — сжатый, строго логичный: главное предложение, поясняемое причастным оборотом. Что касается подбора слов, то, несомненно, редакция Петра: «ради сохранения верных своих» более соответствовала обращению русского царя к своему народу, чем иностранное и высокомерное: «... своих вассалов». К этому добавим еще, что «истощенные войной» звучит совсем по-современному, в противоположность старую книжному стилю переводчика: «... войною оскуделые»... А Петровский образный эпитет «долгопротяженная война» напоминает звучные Гомеровские эпитеты, в то время как определение «долго бывшая война» (текст Фика) не включает в себе ничего художественного.

Улучшая язык Регламента, Петр вместе с этим улучшал и содержание его. Возьмем пример. В Проекте было представлено царю: «Каждый член по своей присяге и должности обязан о котором деле рассуждает мнение свое давать без рассмотрения персоны». Петр Великий перечеркивает последние строки сверху пишет: «... должно мнение явственно объявить **по лучшему, по совести, не взирая на челобитчика, чтоб** в том и впредь пред самим Богом ответ дать можно». Разве царь Петр не внес своими поправками и добавлениями больше демократичности и гуманности в новое законодательство? И уж, конечно, больше русскости в язык перевода.

Мы признаем, что литературный язык Петровской эпохи изобилует варваризмами, при чем особенно страдал от этого язык переводов.

Мы не отрицаем, что главной причиной этого была государственная политика самого Петра Великого, но, вместе с тем, мы утверждаем, что царь ценил и оберегал национальные основы русского языка. Модернизируя русскую лексику внесением «этранжизмов», он в то же время ограничивал их число путем целесообразного отбора и протестовал против хаотического нагромождения их. И разве, в принципе, Петр не был прав?

И в своих личных письмах и записях Петр Великий пользовался иностранными словами, но никогда не писал такими «попугайским» языком, каким писали некоторые его современники, как, хотя бы, князь В. И. Куракин: «... в Венеции был **инаморат** славную хорошеством одною читадинку... и расстался с великою плачью... и взял на меморию ея персону»...

Петр же Великий действует наоборот: на протяжении всего текста Регламента он борется против излишних варваризмов и старается сам сделать то, что оказалось не под силу профессиональным переводчикам (а ведь весь курс образования царевич Петр прошел только у приказного дьяка Зотова). Так, например, в главе XII «О ваканциях в коллегии» Петр Великий поясняет непонятное иностранное слово «ваканции» метким русским выражением: **«упалые места»**. И действительно, в этой главе речь идет не о вновь учреждаемых должностях, а о старых, освободившихся по причине — «упалости» должностного лица. Вот дословный текст: «Когда которой виц-президент или советник из Коллегии **умрет**, тогда Коллегиум имеет об **упалом месте** (у переводчика «о ваканции») донести царю.

Такое же старание царя найти или самому придумать подходящее слово взамен иностранного проявляется во всей корректуре Проекта. Например: Название должностей и обязанностей *):

В проекте :

Рентмейстер
Референты
Камериры
Куриры
Вахмистер
Ландсгевдны в провинциях
Фасады

Рукой Петра добавлено :

или Сборщик доходов
Докладчики
Надзиратели сборов
Служители
Канцелярский сторож.
Земские головы
совсем вычеркнуто и сверху
написано "Поданные"

и др.

---

*) В настоящей статье все тексты Регламента цитируются при помощи современной орфографии из-за технических особенностей печатания.

Иностранные названия служебных помещений царь также заменяет исконно русскими:

У Генриха Фина:

У Петра Великого :

Камера аудиенции

Судебное правление

Колегейная прихожая (камера)

Сени

Особенно тщательно Петр Великий переправляет официальную терминологию, чтобы она была понятна русским людям:

В Проекте :

У Петра Великого :

Резолюция

или Вершение

Реляция

Доношение

Ремиссы

Указы

Экстракт

Извлечение

Юстиция

Правопорядок

Табель

Роспись

Рентерий

Денежный Сбор

Портория

Окладные подати

Неисправные балансы

Недочеты денежные

Вышний градус

Вышний чин

Президовать дело

Вершить дело

Оной министр все контрасигнует

... подписывает и др.

Если только подумать, что 250 лет тому назад, при полном отсутствии иностранных словарей, при невыработанной еще русской грамматике, при малом еще общем (а тем более — филологическом) образовании в стране уже составляется переводный словарь по всем правилам русских корней и этимологии! И это делает молодой государь, обремененный государственными заботами!

Заключительная глава называется: «О комплементах президентам».

Царь зачеркивает «комплементы» и вместо этого пишет: «О почтении».

Текст Проекта был таков: «Когда президенты в Коллегии придут, то надлежит членам, встав с мест, **комплементовать**; также и при выходе их». Царь перечеркивает явный варва-

ризм «комплементовать», а сверху пишет старинное русское выражение «отдать поклон», а затем от себя твердо добавляет на народном наречии: «А встречать и провожать президентов — должности на то нету!» Этим царь пресекает холопство и поднимает гражданское достоинство младших по чину и должности.

Эта государственная переломная эпоха несомненно внесла перелом и в язык: русский светский стиль подпал под влияние Запада и отошел от старокнижного слога Московской Руси. Деловой язык Государственных учреждений, прежний Приказный, теперь видоизменился, восприняв обще-европейскую административную и юридическую терминологию. И в принципе мы признаем полезность этого, ибо русской государственности нельзя было оставаться и дольше в изолированном состоянии.

В общем же итоге, учитывая все: и положительное, и то, что было отрицательного в этом историческом переломе на грани двух веков, мы, при всех обстоятельствах, не можем не воздать должного филологическим заслугам Петра Великого.

Добавим к этому, что корректура Генерального Регламента — это только одна страница из филологической деятельности царя-преобразователя.

Н. С. Арсеньев *)

ОЧЕРКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

— * —

1. ОБРАЗ СТРАЖДУЩЕГО ХРИСТА В БЛАГОЧЕСТИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ.
2. БЛИЗОСТЬ БОЖЕСТВЕННОГО В РЕЛИГИОЗНОМ ОПЫТЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

*

Эти очерки затрагивают не только некоторые особенно яркие и интенсивные проявления религиозного чувства Средних Веков, но, вместе с тем, и ряд самых основоположных элементов христианского религиозного опыта вообще — в данном случае, как они нашли себе выражение в религиозной жизни Средних Веков на Западе. Тем самым эти очерки вводятся отчасти в круг мыслей и наблюдений, посвященных сравнительному изучению христианской религиозной жизни в различные эпохи и в различной исторической обстановке — тема большого значения именно в наши дни.

Страждущий Богочеловек всегда стоял и продолжает стоять в центре христианского благочестия (Страждущий и Воскресший!). Недаром уже апостол Павел пишет к Коринфянам: «Я решил ничего не знать у вас, кроме Иисуса Христа, и при том Распятого» (1 Кор. 2, 2). Так и Франциск Ассизский, уже полуслепой, на одре предсмертной болезни, говорит брату, пришедшему почитать ему вслух из Писания: "Non pluribus indigeo, fili: scio Christum pauperum, crucifixum". («Я в большем уже не нуждаюсь, сын мой: я знаю Христа бедного и распятого»).

---

*) N. S. Arseniev, Prof. U-ies of Saratov, Russia; Koenigsberg, Germ.; Warsaw, Poland; St. Vladimir's Theol. Seminary, N. Y.

Сходное говорит палестинский отшельник, старец Стефан, о котором повествует Иоанн Мосх (550-619) в своей книжке «Луг духовный».

Созерцание безмерного снисхождения Сына Божия, безмерно излившейся в Нем Любви Божией, заполнившей пропасть между нами и Богом, питает душу (как, напр., в изумительных Страстных песнопениях Православной Церкви). Целый ряд замечательных гимнов Западного христианства рисует с благоговейным трепетом муки и безмерность терпения и снисхождения Богочеловека. Ряд гимнов посвящается образу страждущей Матери, стоящей у креста — так, в первую очередь, знаменитый латинский гимн “*Stabat Mater*”, а также, напр., «параллельный» ему народно-итальянский стихотворный диалог, написанный тем же автором, что и “*Stabat*” — одним из величайших религиозных поэтов Италии, францисканцем Якопоне да Тоди (1230 [?] - 1306).

Целый ряд благочестивых сказаний и легенд о видениях мук Христовых, сказаний, которыми полны, напр., монастырские хроники (так, напр., “*Exordium Magnum ordinis Cisterciensis*” 12-го века, или “*Dialogus Miraculorum*” Цезария Гейстербахского von Heisterbach (1219 - 1226) или “*Das Leben der Schwester zu Toesz*” 14-го века), сплетаются вокруг этого основоположного молитвенного опыта.

Очерк I заканчивается указанием на значение неослабного молитвенного созерцания Страждущего Христа в религиозном опыте величайших святых Западного христианства, как, напр., Франциска Ассизского или напр., в этом замечательном памятнике английской религиозной жизни конца 14-го и начала 15-го века — «Откровениях Божественной Любви» (“*Revelations of Divine Love*”) Юлиании из Норича (“*Julian of Norwich*”).

Второй очерк — «О близости Божественного в религиозных переживаниях Средних Всков», начинается с указания на многочисленные средневековые примеры трепета и ужаса перед близостью темных демонических сил, со всех сторон окружающих человека. Особенно полны таких страшных рассказов уже названный нами выше «Диалог о чудесах» Цезария Гейстербахского. Еще страшнее — доходит уже до крайней демонии, до граничащей с мрачным безумием безудержной

запуганности¹ всепроникающим присутствием темных сил — то, что пишет тюрингенский аббат Рихальм в своей книге «О кознях демонов . . . » ("De insidiis daemonum") 13-го века. Но ощущается — и с еще бóльшей силой — близость и другого мира: благодатного и божественного . . . Господь здесь, среди нас — не только в литургической жизни Церкви, в таинствах — Он здесь, с нами, и в образе страждущего брата. Каждый бедный, каждый страждущий, нуждающийся в нашей помощи, требующий нашей помощи, есть носитель для нас реального присутствия — «Старшего Брата», страждущего Сына Божия (согласно 25-ой главе Евангелия от Матфея: «Так как вы сделали сие одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне»). Это сознание близости к нам реального мистического присутствия Христа в лице страждущего брата глубоко вошло в душу христианства, даже в самых простых народных кругах, и на христианском Востоке и на христианском Западе. Об этом свидетельствует ряд трогательных народных сказаний и на Востоке и на Западе (целый ряд таких рассказов имеется, напр., в том же «Диалоге чудес» Цезария или в повествованиях о Франциске Ассизском).

Мать Божия, как молитвенная Заступница, как скорая Помощница и Источник Милосердия, близкая к жизни человека, является одной из самых излюбленных тем для благочестивых средневековых сказаний, так, напр., в сборниках о чудесах Божией Матери, начиная с благоуханных легенд Готье де Куанси (Gautier de Coincy) 13-го века.

Есть еще одна черта или тема в религиозных переживаниях Средних Веков, которой следует здесь коснуться. Это — жажда преображенной, очищенной, сияющей красоты Божия творения, жажда п р е о б р а ж е н и я т в а р и . Она проявляется, напр., в ряде трогательных по своей детской простодушной красоте легенд об исканиях Земного Рая, о путешествиях в Земной Рай, — легендах, напитанных глубоким религиозным томлением, и особенно в ряде средневековых сказаний, связанных с ролью Таинства Евхаристии в религиозном опыте христианской Церкви.

Николай Арсеньев .

SOME LEADING TRENDS IN THE RELIGIOUS EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES.

Introduction.

— - * - —

It is sometimes of great, yea entrancing interest and charm to try to follow up the main stream of Christian experience through the centuries. This brings us nearer to one of the chief problems as well of our time: the essence of the Christian Message and its impact on men of different ages and culture and in different surroundings. From this point of view these sketches of some leading currents of the religious life in the Middle Age may present a more general interest than only that of a description of some characteristic traits of medieval life and piety. As a matter of fact these trends are widely spread throughout the history of Christianity, more than that — to some of them belongs the absolutely decisive and central place in Christian experience. For the essential unity of Christian experience in its depths and sources is, in spite of all the variety of its manifestations, much greater than it is generally assumed or admitted ¹⁾.

This brings these short, rather summary and elementary, historical sketches in connection with problems that deeply occupy us to-day.

* * *

IMAGE OF THE SUFFERING CHRIST IN THE PIETY OF THE MIDDLE AGES.

— - * - —

I

We know this story. Francis of Assisi whilst lying down with sore eyes during his last illness (that lasted many months) was once asked

---

1) See my new book "Fed from One Source".

by one of his brethren, whether Francis wanted that he should read him something aloud from the Holy Scriptures. We know with what burning love Francis always turned to the Scriptures and how he was inspired by them. But this time he said: "I do not need anything except the one: I know Christ poor and crucified (*Non pluribus indigeo, fili: scio Chricum pauperum crucifixum*)" ²⁾.

There is a rather similar story in the beautiful little book of John Moschus (ca 550-619) "The Spiritual Meadow (*Pratum spirituale*)" dedicated to the sayings and deeds of the monks and anachorites of Palestine of the 5th and 6th centuries. There was a holy recluse — Abbas Stephen living in a Palestinian monastery. Once two young monks entered his cell in order to receive some spiritual exhortation. But he remained silent as if he had not seen them coming. Pressed by them once more to bestow upon them some spiritual admonition, he answered at last: "What can I bestow upon you? I have nothing. Well, what I have I will tell you: night and day I cannot detach my gaze from the Lord Jesus Christ hanging on the Cross" ³⁾.

We are reminded of Paul's: "I have decided to know nothing except Christ and Him crucified" (1 Cor. 2, 2). This is Christianity, the root and essence thereof manifested in the Cross and the Resurrection (As the same Paul says: "... if Christ is not risen, our preaching is vain and your faith is vain ... But Christ is risen, the first fruit of the dead ones". The sense, the moving force both of the Cross and Resurrection is the boundless, unfathomable condescending and self-offering love of God ... "So has God loved the World that He gave His Only-Begotten Son in order that very one that believes in Him, should not perish, but have life eternal". (John, 3, 10).

2

The Western Middle Ages, as well as the Christian East, were profoundly impressed and struck by this Message and often felt its immense impact and deeply-moving power: incisive, disturbing, conquering, softening and regenerating altogether.

---

2) **Thomas Celano.** "Vita secunda", cap. LXXI.

3) **J. Moschus.** *Pratum spirituale*, cap. 64.

Splendor in humility, Majesty in deepest, freely chosen humiliation, but even more than that: the overwhelming, bewildering reality of God's boundless, conquering and humble love revealed in the passion and death of the Son of God — this has always attracted with utmost power and poignant incisiveness the heart of the Christians at all times and in every place. So it did also in the Middle Ages in the Christian West.

The Christian Church cannot turn away her gaze from the tragedy and the victory of Golgotha. With overflowing compassion and trembling love she watches the passion and the death in the Cross.

"Salve, caput cruentatum" ⁴⁾

— so begins one of the most known latin medieval hymns. "Hail to Thee, o Head overflowed with blood, crowned with thorns, wounded, beaten with the reed!"

"In hoc legno tamquam reus,
Pendit verus homo-deus
Caducis nutans genibus" . . .

"On the Cross is hanging like a criminal the true God and Man trembling with shaky knees. O, how poor, how naked didst Thou appear on the cross as the object of derision and insults . . . and this voluntarily, weakened in all Thy members! All overflooded with blood Thou art motionless in Thy pain, girded with a miserable rag. O, boundless majesty! o, unheard of poverty!" ⁵⁾.

Or here another hymn, less known (from the handwritten collection of hymns of the 14-15 centuries):

"Weep, o daughter of Sion, lift thy eyes and behold Christ Jesus wounded, pierced through the chest and bowels and His graceful limbs crippled with heavy blows.

The sharp reed and the crown of thorns lacerate His holy limbs. The Mystical Vine brings forth bloody wine to its Planter, and Nature weeps whilst Jesus is agonizing" ⁶⁾

---

4) Imitated in the celebrated German Lutheran hymn of Paul Gerhardt (1656): "O Haupt voll Blut und Wunden! . . ."

5) Composed by Arnulph of Leowen (circa 1200-1250), abbot of one of the Brabantian monasteries. This hymn was widely spread in the Middle Ages. See **Drevis-Blume** "Ein Jahrtausend lateinischer Kirchendichtung", 1909, vol. I, p. 323. Of the lyrical contemplation of the various parts of the suffering body of Christ, see **Remy de Gourmond** "Le Latin mystique", 1913, 235 p.

6) **Analecta hymnica medii aevi** II 139 (= Dreves-Blume II 65). Cfr. **Analecta Hymn.** XV 37 (= Dreves-Blume II 72-73).

"Plange, Sion filia,
Leva supercilia,
Vide Christiam Jesum,
Per pectus et ilia,
Per membra gracilia
Vulneratum, laesum
Graviterque caesum,

Cuspis arundinea
Cum corona spinea
Sacra membra forat.
Fundatori vinea
Vina dat sanguinea,
Naturaque plorat
Dum Jesus laborat" . . . ⁷⁾

And other innumerable hymns and meditations join the choir.

The immense sacredness of this self-sacrificing love strikes with deep gratitude the soul.

"O let all my knowledge, all my wisdom be enclosed in Thy wounds!" — so exclaims a German mystic of the XIV century, "that I might be wholly immersed myself in Thee, the true Book of love, and in Thy death!" ⁷⁾.

In the Eastern Orthodox liturgical hymns, especially during Lent-time and Holy Week, we have a similar trembling and thankful contemplation of the passion of the Lord.

"To-day there is hanging on the Cross" — so the Orthodox Church is singing on Good Friday — "He who has suspended the earth on the waters. With a crown of thorns is being crowned the King of Angels. With a mock-purple is clad He that clothes the sky with clouds; is struck in the face He that freed Adam in the Jordan. With a lance is pierced the Son of the Virgin. We worship Thy sufferings, o Christ! We worship Thy sufferings, o Christ! We worship Thy sufferings, o Christ! Show us also Thy glorious resurrection!"

"When Thou wast nailed to the Cross, o Christ, all creation trembled. The foundation of the earth shook from fear of Thy power! The stars hid themselves and the veil of the temple was rent, the mountains and the rocks split asunder. And the good thief on the Cross cries out with us: O, Saviour, remember me in Thy Kingdom!"

---

7) "*Minnenbuechelein*". This treatise is sometimes also attributed to Heinrich Seuse see the modern German edit. Dieterichs vol. 2. Compare also "*Vita mystica, seu tractatus de passione Domini*". It was attributed (wrongly) to St. Bernard of Clairvaux (Migne, t. 184, col. 643) .

“To-day there stands before Pilate the Lord of the creation; on the Cross is hung the Author of the Universe; He was brought to it like a willing lamb. With nails is He fastened and is pierced through the side. He that made manna rain down, is given to drink with a sponge. The Saviour of the world is struck in the face, the Shaper of the Universe is insulted by His servants. O the Lord’s love to mankind! For those who nailed Him to the Cross, He prayed to His Father”: (From the evening service of Good Friday).

There is a striking feature, not absent from Western hymns, but much more elaborated, in the liturgical vision of the East — the simultaneous contemplation of the *t w o p o l e s* — the Divine and the Human and this presence of the Divine inmidst of the most genuine human pain and anguish is stressed with great force, again and again.

* * *

3

There is a passage in St. John’s narrative of Christ’s passion that appealed with compelling power to the hearts of the faithful, seizing them with an immense compassion and an admiring tenderness: the Mother at the foot of the Cross whilst the Son was hanging on it in deadly agony. Innumerable works of art, masterpieces of painting and sculpture, of painted glass and illumination and also homely products of plain popular workmanship, prayers, meditations and visions of the pious, church hymns and popular hymns and songs are dedicated to the Passion of Christ and to the suffering Mother.

A disciple of Francis of Assisi (of the second Franciscan generation), Jacopone da Todi (circa 1230-1306), one of the greatest religious lyrical poets Italy ever produced ⁸⁾, the author of the magnificent “Stabat Mater“, writes on the same subject — the Mourning of the Mother of God — a piece of popular poetry in the language of the simple folk, in plain italian words of grief and tenderness, such as a simple Italian mother would have made use of. It is also a master-piece, one

---

8) **Jacopone da Todi**. *Laude*. — Edited by G. Ferri, Bari, 1915.

of the finest, most spontaneous, deeply moving poems in Italian popular language. Is here the Mother standing at the foot of the Cross? or is it a "Pietà" — the mourning over the dead body of the Son, ready for burial? I will quote here some passages.

"O figlio, figlio, figlio,
Figlio, amorose giglio,
Figlio chi da consiglio
Al cor mio angustato?
Figlio, occhi giocondi,
Figlio, co non respondi?
Figlio, perché T'ascondi
Del petto ove sé lattato?"

("O my Son, my Son, my Son — my Son, beautiful as a lily flower — My Son, who will give comfort — to my anguished heart?
Oh my Son of joyous eyes — o my Son, why do you not answer me?
My Son, why do you hide yourself — from the breast that has nursed you?"

When He gives up His spirit, her sorrow breaks faster in a new stream of mourning:

"Figlio, l'alma T'é uscita,
Figlio de la smarrita,
Figlio de la sparita,
Figlio attossicato!
Figlio bianco e vermiglio,
Figlio senza simiglio,
Figlio, a chi m'appiglio?
Figlio, pur m'hai lassato.
Figlio bianco e biondo,
Figlio volto iocondo,
Figlio, perché T'ha il mondo
Figlio, così sprezzato?
Figlio, dolce e piacente,
Figlio de la dolente,
Figlio, hatte la gente
Malamente trattato!"

("My Son, your soul is departed, — My Son of the mourning Mother — O Son of the destroyed one — Son that has been poisoned to death! — O my Son, white and rosy — o my Son, having no equal! — My Son, who will be my support? — My Son, you have yet abandoned me. My Son white and fair — My Son with the radiant face — My Son, why has the world — so badly treated you ? . .").

Likewise in German medieval literature there is a number of similar "mournings" of the Blessed Mother:

"Owe Kint, din wengel sint
Dir so gar, erblichen;
Al din kraft, al din macht
Ist dir so gar entwichen".

"Alas, my Child, your cheeks have turned so pale. And your strength, all your power is fled from you").

"O Death, alas Death",
continues the disconsolate Mother,

"o Death, take both of us, that He should not be so lonely, so separated from me" 9).

The world-famous 'Stabat' — the latin hymn of the same Jacopone da Todi has achieved undouptiedly the highest perfection among all religious songs and hymns of the Middle Ages dedicated to this scene. It impresses — and has impressed — numberless thousands of persons by its sober beauty, its trembling overflowing poignancy and the spirit of awe-struck loving wonder and grateful tenderness. It is majestic and deeply moving in its simplicity. The eye and the heart are subjugated by the vision of something incredible and terrible. But it means: His inexhaustible Love and our salvation.

"Stabat Mater dolorosa
Juxta crucem lacrimosa
Dum pendebat Filius.
Cuius animam gementem,
Contristatam et dolentem
Petransivit gladius".

("The sorrowful Mother stood at the foot of the Cross a-weeping, and her anguished soul, mourning and painful, was being pierced by the sword").

"O quam tristis et afflicta
Fuit illa Benedicta,
Mater Unigeniti!
Quam maerebat et dolebat
Et tremebat, dum videbat
Nati poenas incliti".

("O how sad and sorrowful was this Blessed One — the Mother of the Only-begotten Son. How did she grieve and suffer and how she trembled whilst she saw the pains of the glorious Son").

"Pro peccatis suae gentis
Vidit Jesum in tormentis
Et flagellis subditum.
Vidit suum dulcem natum
Sangrientem, desolatum
Dum emisit spiritum".

---

9) See Dr. Anton Schoenbach. "Ueber die Marienklangen", 1874. pp. 3-4.

("She sees Jesus in torments for the sins of His people and maimed by flagellation, She sees her sweet Child bloody and dsolated, as He gave up His spirit").

.....
"Sancta Mater, istud agas,
Crucifigi fige plagas,
Cordi meo valide
Tui nati vulnerati,
Tam dignati pro me pati
Poenas mecum divide".

("O Holy Mother, do thus: impress strenuously the wounds of Thy Son into my heart. Divide with me the pains of Thy lacerated Son who condescended to suffer for my sake!").

It was of course unnecessary to quote these few strophes from the "Stabat": it is so well known — not only to pious Catholics, but generally also to lovers of Christian hymnology and of masterpieces of music. But I felt that we had to dwell a little upon it — as on one of the most marvellous expressions of Christian piety in the Middle Ages.

It is perhaps appropriate here to remind us of some hymns and short contemplative verses (Troparia) of the Eastern Church, sung or read during the Lent time. There is e. g. a hymnical "canon" by Joseph the Hymnwriter (IX century) that is being sung on Friday of the Fourth week of Lent:

"When I gave Thee birth, o my Child, in unutterable way, I felt no dolour whatsoever. But how is it that now I am overwhelmed with pain?" ¹⁰).

---

10) Compare these words from a medieval latin hymn:

"Tempus nacta trux natura
Nunc exposcit sua jura,
Nunc dolores acuit.
Nunc extorquet cum usura
Gemitus quis partitura
Naturae detenuit.
Nunc, nunc partit, nunc scit vere
Quam maternum sit dolore
Quam amarum parere.
Nunc se dolor orbitati
Dilatus in partu Nati
Praesentat in funere".

("Analecta hymnica Medii Aevi", VIII, 55; cfr. Dreves-Blume, 1. c. II, 2480. "Now at last has the inimical Nature found the occasion to make valid her rights. Now she starts the pain, now she exterts with interest the moans of pain that the Mother had denied her in the birth of the Child. It is now that she suffers these dolors, now she comes to know that dolors do belong to motherhood").

For I see Thee hanging on the Cross like an evil-doer, Thee that has hung the earth over the abyss, — so said the All-Pure One, weeping . . . Now I see Thee, o my dearest Son, as a guileless lamb hanging on the Cross and being nailed to it by lawless men, and I am torn by weepings and overcome by motherly dolors, — so mourned the Ever-Pure One”.

And we hear similar tones in the liturgical poem (“canon”) by Simeon Logothetes that is read in the Orthodox Church at the Evening Service of Good Friday.

Does it not mean that the Christian East and West meet (and always did so, but often preferred to ignore it) at the foot of the Cross.

* * *

4

It is most interesting and instructive to see, how the image of the Suffering Son of God was the real center of the piety of the Middle Ages and took hold of the heart of the Christian people — not only of the leading Saints and Justs, but also of the rank and file.

In first place it was the goal of permanent religious concentration in the great monastic movements (especially perhaps the Cistercian and the Franciscan one) and in the communities that issued of them. Monastic chronicles and collections of pious tales and legends are full of descriptions of visions of the Suffering Christ vouchsafed to certain members of the congregation, often to the rank and file. Such pious stories we find e. g. in the already quoted “*Dialogus miraculorum*” of Caesarius of Heisterbach (circa 1180-1240).

Caesarius speaks e. g. of a pious virgin who often saw in her visions the Saviour hanging on the Cross with bleeding wounds. When, overcome by grief and compassion, she closed her eyes, she continued to see Him. In connection with these visions, she “could not think or speak anymore of the Passion of Christ without tears and contrition”¹¹). Likewise the priest of a certain monastery, Daniel, sees the Crucified

---

11) Caesarius Heisterbach., dist. VIII, cap. 10.

Christ and receives from Him the blessed gift of tears. "Whenever he started thinking of the Passion of Christ or to speak about it, tears immediately flowed from his eyes" ¹²). Konrad, a novice in the monastery of Heisterbach, being in rapture, hears even words of the Crucified Lord addressed to him: "Konrad, do you see, how much I have suffered for your sake?" ¹³). Similar visions and experiences are related also e. g. in the collections of stories and legends connected with the first heroic time of the Cistercian order, "*Exordium magnum ordinis Cisterciensis*". A certain aged monk of the monastery of Clavaux sees on the day of Good Friday a vision: Christ with hands and legs spread on the Cross. "The most blessed vision, although it lasted a very short time — just a twinkling of the eye — impressed itself with such power on his mind that the reverential memory thereof could never be erased from the heart of him, who saw it". "As if one, in pouring oil into the burning oven" — so continues the author of this collection — "causes it to flash up, so likewise the grace of this revelation illuminated with a still brighter and more perfect fire of yearning for the Lord, the heart of the old man already burning with heavenly love" ¹⁴). In the same book of Cistercian tales there is the story of another man who sees in a dream, as if he were introduced by an angel in a "noble mansion" in which he saw Our Lord Jesus Christ hanging on the Cross and His most Holy Mother, the Virgin Mary standing at the foot of the Cross in company of the Blessed John the Evangelist" . . . And he fell to the earth and began with all his forces, all the yearning of his heart to implore the Crucified to give him His blessing. And having received the blessing he awakes, but long time after his vision he felt "his inner man all permeated with a wonderful and sweet fragrance", and felt himself renewed and illuminated by the blessing of Christ. Another time during the Easter Service he has the vision of the Risen Christ who showed him the wounds on His blessed hands. "And he wept abundantly and his heart was melting in itself with compassion because of the immense sweetness of his love to Him whom he saw. And this vision lasted all the

---

12) Ibid, cap. 11.

13) Ibid., cap. 20.

14) "*Exordium magnum ordinis Cisterciensis*", dist. IV, cap. V. (Migne, Patr. Lat., t. 185, col. 1095). Cfr. Herberts' "*De miraculis*", lib. 1, c. 23 — Migne, Pat. Lat., t. 185, cil. 1292).

time that the following words were being sung in the feasts responsum: "He is risen from the dead, come and see" . . . " ¹⁵⁾.

One could easily increase the number of such stories that are very characteristic for medieval piety, especially, but not exclusively, in monastic circles. Thus is perhaps a certain trend towards emotionalism in these stories (a trend of which the spirituality of the Eastern Orthodox Christianity, but also some great teachers of the Western mystical spirituality, like Juan de la Cruz, show a certain suspicion). But here we are not to pronounce verdicts on the different forms of the manifestation of the religious experience, but to emphasize, how deeply the interior vision of Love Crucified — Christ willingly suffering for our sake, has struck the hearts of innumerable faithful — great and small, of all rank and profession — in the Christian Middle Ages.

These are the same feelings that made the aged bishop and martyr St. Ignatius of Antioch (beginning of the II cent. A. D.) exclaim in his letter to the Romans: "My love is crucified! . . . And there is a living water in my heart that shouts: Go to the Father!" And this also made Paul say: "I have decided to know nothing except Christ and Him — crucified" (1 Cor. 2, 2). This concentration on the Suffering Lord and this supreme revelation of the unfathomable and overwhelming depths of God's love to us are central and fundamental for Christian experience, Christian faith and life, be it Eastern or Western. Here the Christian West treats the same ground as the Christian East.

Sometimes such meditations and such visions were expanded into detailed narratives or visions describing to us in a most vivid way all the particulars of the Passion of Christ, such as have not been dwelt upon at length or even mentioned in the Gospels. The admirably sober and reticent narrative of the Gospels, giving the general outlines of the Passion, have been retold with many realistic details, and one feels how the voice of the narrator is half-choked with compassion and trembling with emotion. One feels it when reading the visions of St. Brigitta of Sweden (end of the 14-th cent.) in which the Mother of God gives her a most moving picture of what she had seen¹⁶⁾.

Likewise strikingly vivacious and pathetic are the realistic evocations of the Crucifixion of Christ in all its details are the celebrated

---

15) *Exordium magnum*, dist. III, c. 16.

16) *Beatae Brigittae Revelationes celestas* (I used a copy of the edition of 1517).

"Meditationes vitae Christi" (e. g. ch. 78 and ff.), the work of an Italian Franciscan of the end of the XIII century, attributed (as it seems, wrongly) to St. Bonaventura ¹⁷⁾. They were widely read in the Middle Ages throughout the West-European countries and they seem to have a strongly influenced the development of the French religious dramas ("mysteries") of the Middle Ages (as shown by Emile Mâle in his wonderful book "L'Art religieux du Moyen Age en France") ¹⁸⁾ and also of the Italian religious drama ¹⁹⁾.

We have seen already that this concentration of the heart and mind upon the Passion of the Saviour was widely spread among the masses of the believers, the rank and file, standing and living among the turmoil of the world, and was not limited to the area of monastic contemplative life. The Church art is an eloquent proof thereof: carved sculptures of the Lord's life and His passion filling the cathedral and attracting the attention of the faithful. A striking example of this popular piety concentrated on the Lord's Passion are e. g. the songs of the "Flagellants" (the Italian "Battuti") that in procession and crowds counting up to tens of thousands, went from village to village, from city to city, across the whole country, chanting pious hymns and doing repentance. In Italy where it received great extensions (but also spread through the Netherlands, the Rhine country and other countries) it was connected with the immense impulse given to popular piety by the preaching of St. Francis of Assisi (1181-1226). Those flagellants themselves, sung loud hymns in popular language dedicated to the Passion of Christ and the suffering and mournings of His Mother.

"Eo Maria dolorosa
Vego lo mio fiolo pennare,
Oy me, fiolo glorioso,
Lassami. che doe fare? ^{19a)}

This is quite simple popular language, quite plain popular words put in the mouth of the Holy Mother. "I — the sorrowful Mary, I see how my Son is in anguish. Woe me, oh my glorious Son! Me hopless, what shall I do?" These artless words put into the mouth of Mary, by

17) "Meditationes vitae Christi", printed in **Sancti Bonaventurae Opera**, vol. VI of the edition of 1668 (vol. X of the edition of 1902).

18) 1908, p. 29.

19) See **D'Ancona**. "Origini del Teatro Italiano", I, 1891, p. 124.

19a) "Il Laudario dei battuti di Modena" (publ. in "Beitraege zur Zeitschrift f. Romanische Philologie", Heft 20, 1909. Hymns 37, 35 cfr. 36, 41.

this popular litany reflect the immense emotional and more than that: often deep religious — upheaval that shook the soul of the widest circles of the Italian people under the impact of the missionary preaching of Francis of Assisi. He brought the Good News quite near to the heart of the simplest people. It was living anew the primitive Christian Message.

* * *

5

We have to add a few words about the experience of the Saints in the Middle Ages. The ideal norm of the Christian life to which it has to look up, has been formulated by St. Paul: "I have been crucified with Christ (Gal. 2, 19): it is no longer I that live: Christ lives in me" (Gal. 2, 20). The Cross of Christ has to be received in our inner life, we have to share His death in order to participate in His new life (Romans, ch. 6). The Cross is not only an object for pious and grateful contemplation, but a reality that has to rule our life. History, that what really took place once for ever (cf. Hebrews 10, 10) and Mystical Presence join here in one Reality.

The Cross of Christ, the suffering, the humility, the perfect obedience of Christ — how it enters our interior life and shapes it, becomes the creative force of our new life in God — that is the theme of the life of the Saints, the meaning of their lives. All Christian saints and justs live by it, **a**ll Christians are called to live by it. This makes the Cross of Christ and His Self-surrender in "obedience untill death" (Phil. 2, 9), the **i**nspiring force in the lives of the Saints. So it is in the Christian East as in the Christian West. There is no other law of the Christian spiritual life: to enter into the dying of Christ and into His resurrected life.

We find this in many examples of piety and sanctity in the West, in the Western Middle Ages, as well as in the East. A striking example of this conscious concentration upon the boundless humility, poverty and suffering of Christ we find e. g. in the life of Francis of Assisi. He cannot detach his mind from the humility, the poverty and the suffer-

ring of his Lord. On Christmas day on which the new-born child has been put in the manger, Francis cannot accept a place at the festively decorated Christmas table of his protector and friend, the Cardinal of Ostia, but sits down on the slabs of the floor overwhelmed by the thought of the poverty of the Divine Child, and sitting there he took some food. And after that he sang praise of the Passion of the Lord, overflowed with tears. But this was not a morbid high-strung emotionalism, a self-complacent revelling in feelings of pity and pain. There was something greater than only scenes of pity and horror revived by a pious compassionate imagination; there was the sense of being overcome and conquered, laid hand upon by an unutterable, boundless power of condescending and creative Love, the love of which Paul says: "The Love of Christ takes hold of us" And this changes the whole outlook, the whole climate. Poverty, derision, homelessness, suffering become joy: because it is sharing His passion, His poverty, His homelessness. And this love of His takes hold of the soul of the saints, overflowing with love — His love, the love revealed in Him — for all brethren and the whole creation. It is already now the foretaste, the preface of the new life that flows out from self-renunciation, out of love for Him who loved us, and by the power of His love.

I will wind up this short presentation of the central role of the image of the Crucified in the spiritual life of the Middle Ages by a short quotation from a most remarkable book dating from the closing of the XIV century — one of the most remarkable — so far as I can judge — documents of this time presenting to us certain summits of spiritual experience. I mean the little book "Revelation of Divine Love" by Lady Julian of Norwich (recluse at Norwich). She was in the year 1373 dying, and the parish priest came to prepare her for death and offered her a Crucifix. And she had a vision. It was rather of short duration and there was nothing very striking, "sensational", exorbitant about it. She saw, as if face of the Crucified was losing colour, as if He was dying before her eyes in deadly agony. And she heard a few words addressed to her by the dying Saviour: "Art thou well pleased that I suffered for thee? I said: "Yea, good Lord. I thank Thee". Then said Jesus: "... If thou art pleased, I am pleased; it is a joy, a bliss, an endless satisfying to me that ever suffered I passion for thee; and if I might suffer more, I would suffer more". And Julian

commends in the following way these words of Christ: "And here saw I . . . the love that made Him to suffer passeth as far all His pains, as Heaven is above Earth. For the passion was a noble, worshipful deed, done in a time by the working of love; but Love was without ending. For which love He said full sweetly these words: "If I might suffer more, I would suffer more". He said not: "If it were needful to suffer more, for though it were not needful, if He m i g h t suffer more, He would" ²⁰). But it was not possible to suffer more.

M o r e c o u l d n o t b e d o n e . This is the whole immense purport of this vision: the boundlessness of the condescending love revealed to us in Christ. It reminds us of a verse from a prayer of the Eastern Orthodox Church (Saturday of Holy Week) contemplating the immense condescension shown to us in the death on the Cross: "Thou camest on the earth to save Adam, but as Thou didst not find him on the earth, Thou descendest even into the depth of the Hades, in search of him". Condescension knowing no limits, no boundary in quest for our salvation. (That is also shown in the part of the book concerned with sin and moral struggling and the ultimate transfiguration).

Julian yearned during many years after her vision to get a fuller understanding of what she had seen. "I desired often times to learn what was our Lord's meaning. And fifteen years after, and more, I was answered in ghostly understanding saying thus: "Wouldst thou learn thy Lord's meaning in this thing? Learn it well: Love was His meaning. — Who showed it thee? — Love. — What showed He thee? — Love. — Wherefore showed He? — For Love" . . . This was how I learned that Love was our Lord's meaning!" ²¹).

---

20) **Revelations of Divine Love** by Lady Julian of Norwich, Edited by Grace Warrack, 13th edition, with Prefactory note of Rev. P. F. Chambers, London, Methuen, chap. XXI, pp. 46-49.

21) *Ibid.*, ch. 86, p. 202.

II

THE NEARNESS OF THE DIVINE IN THE RELIGIOUS EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

*

1

The promise of Christ to His disciples: "And behold, I am with you always to the close of the ages" (Math. 28, 20) has deeply impressed the hearts of His followers. Amidst tribulations, in sorrow, death and persecutions they were not separated from Him. "No created thing", says Paul, "can separate us from the love of God in Christ Jesus our Lord" (Rom. 8, 39). "Not I live, Christ lives in me", exclaims the same Paul. And "where two or three are gathered in My Name, I am there in midst of them", said the Master.

These fundamental Christian experiences, these beacons of Christian life had not lost their power and inspired the life of the Saints and Justs. But Christianity spoke also to sinners and that too with incisive power and impressiveness. Christ — the Saviour of sinners remained the tremendous spiritual reality also for the experience of the Middle Ages among all the cruelties and injustices perpetrated in the surrounding world. His invisible presence remained an island of peace and refuge in the sea of sin and troubles. And thus another truth proclaimed in the Primitive Message became a permanent part of the historical experience of Christianity: "The Light shines in the darkness, and the darkness could not master it".

The Middle Ages, as all historic periods of great intensity and creative power, is full of contrasts and contradictions. Some contrasts are very striking and can be followed up and studied even in the religious life of the widest circles of the population.

The intense moral fight as warriors of God (see Ephes. cap. 6) against the powers of Evil, the consciousness "that we are from God and the whole world lies in the evil" (1 John, 5, 19), and simulta-

neously the joyful, triumphant consciousness of the Victory that has been achieved ("This is the Victory that vanquished the world — our faith" — Ibid., 5, 4) — this forms from the beginning the most fruitful and necessary tension in the Christian Message. But the certitude and joy of the Victory achieved by Christ is dominating. This fruitful tension, essential to the Christian Message, could be distorted. So it happened e. g. also in the Middle Ages — through the onesided emphasis laid upon the power of the Evil as still reigning over the world.

* * *

2

"Daemon ubique!" — "the Devil is everywhere!" — these words of horror have been uttered already in the 5th century by the Massilian (Massilia-Marseille) priest Salvianus ¹⁾. These words represent a feeling that found a mighty repercussion throughout the mentality and the outlook of the Middle Ages. The Devil has been often represented and sensed as intruding at every step, in every circumstance of man's life, as dominating the whole of surrounding nature — that is the key-note of what may be called the dualistic spirit of the Middle Ages. The beauty of the world is temptation, a snare laid by the devil to catch souls. There was, for instance, a cleric who possessed a voice so beautiful that to listen to him was rapture — but this was the devil who had entered into the body of a dead cleric. When he was driven out by exorcism, the body fell to pieces and stank ("exivit, cadavere mox corruiiente ac foetente") ²⁾. The cuckoo calling in the monastery garden is a device of the devil's cunning ³⁾. Even the temple of God,

---

1) But the same Salvianus speaks also of the omnipresence of God and His sovereign rule over life and history — "**Salvianus Massiliensis presbyter**" — "De gubernatione Dei" (Migne, Patr. lat., t. 53, col. 130).

2) Caesarius Heisterbacensis, *Dialogus miraculorum*, Dist. XII, c. 4.

3) Ibid. IV, 17: "De converso, qui voce cuculli deceptus in apostasia mortuus est". How totally different — illumined by joy — is this voice of the cuckoo calling in spring, felt by Wordsworth:

"O blithe new-comer! I have heard,
I hear thee and rejoice.
O cuckoo! shall I call thee bird,
Or but a wandering voice?" etc.

even divine service provide no security from the countless hosts of demons that circle round us. To many monks it was given to see them creeping about in the church in the form of toads, cats, dogs, apes or swine, or of innumerable little black men with fiery faces ⁴). Or Satan would appear suddenly in the form of a flying dragon or of a gigantic, fiercely gleaming, lurid eye ⁵). The demons hover in the air, the bear down upon us in serried ranks, they fill the whole atmosphere — numberless, endless! ⁶). They pester the celebrants and the monks singing in the choir and throw them into confusion; they cause them to make mistakes in the singing and in the performance of the ritual; they compel the monks to cough, sneeze and spit and thus lead the surrounding congregation into temptation ⁷). Even the consummation of the Holy Sacrament does not drive the demons out of the church ⁸). And outside the consecrated walls it is worse still. Particularly terrifying are the nightly apparitions of demons, the nightmares and terrors, with which they persecute the monks in their dormitories where they swarm round the beds of the sleepers ⁹). And often out of the darkness will suddenly rise the form of a loathsome monster or black giant ¹⁰).

If this is the state of affairs within the precincts of the monastery, within the church walls, what must it be in the world outside? The devil is not infrequently regarded as the overlord dwelling in visible nature. The holy penitents and men of God in building their cells, their monasteries and churches, have often to wrest the land in battle,

---

4) Vide also Caes. Heist. IV, 5, 6, 7. 33, 48 (1. c.); Catharinae de Geweswiler. De vitis primarum sororum monasterii sui (Pex, Bibl. ascetica, vol. vjij, 1725), c. 13, 28.

5) Caes. Heist. IV, 5: "Statim affuit inimicus in forma lucidissimi oculi habentis quantitatem pugni, in quo quisquid erat videre putabatur".

6) E. g., Exordium magnum ordinis Cisteriensis, Dist. IV, c. 4 (Migne, Patr. lat. t. 185, col. 1099; Herberti, De miraculis, 1, 19 — Mi. 185, col. 1291, end of XII cent.); cf. also quotations below, from the work of Abbot Richalmus, also Agnetis Blannbekin (end of XIV cent.), Vita et Revelationes, c. 200.

7) Richalmi Abbatis (about 1270), Liber Revelationum de insidijs et versutijs daemonum adversus homines (Pez, Thesaurus anecdotorum novissimus, t. 1, par. 2), c. 1, 3 passim.

8) Ibid. c. 1: Agnetis Blannbekin, c. 66.

9) Vide e. g. Petri Venerabilis (XII cent.), De miraculis, 1, 14 (Migne 189, col. 877); Richalmus, c. 15; Caesarius, c. 33.

10) E. g. Caes. Heist., IV, 28.

so to speak, from the clutches of demons ¹¹). The sinister and gigantic in nature, such as strangely shaped masses of rock, are declared to be the work of the devil; and even outstanding creations of human art, which excite the imagination, are also frequently traced to the same mysterious demonic origin. The life of the outside world, too, is set constantly with the snares of the devil, but already here he often works more ruthlessly and openly than within the monastery walls. In the medieval collections of didactic stories there are many examples of the devil's interference in the lives of men, amounting even to acts of violence ¹²).

This not infrequently gave rise to an oppressive, terrifying feeling of enslavement, a fearful spiritual obsession. "I am seized with a sudden terror", says the novice in the "*Dialogus miraculorum*" of Caesarius von Heisterbach, "and that even in the choir as well as in other places. What is the cause of this shuddering (*hujus horripilationis*)?" And the older, more experienced monk answers: "It comes from the presence of the demons (*ex praesentia daemonum est*)" ¹³). This obsession of the spirit is revealed with particular force in the "*Revelations of the Abbot Richalmus concerning the Craft and Cunning of the Demons*" (late XIII cent.) in its way a classic. Here terror of demons becomes an actual, indescribable frenzy, a real mania, reaching a point of grotesque absurdity which borders upon dementia ¹⁴). "As a man sunken in the sea is surrounded by water — above, below, and on all sides" ¹⁵), so the demons beleaguer men (*sic et daemones homini undique circumfunduntur*). "They are ever, ever with us!" ¹⁶). "They are like a mist, enshrouding men on all sides" ¹⁷); "countless are they, like the grains of dust which dance in the sunbeams; they surround man like a dense, impenetrable wall (*circumvallant hominem*)" ¹⁸). The whole world is full of them! The whole air is nothing but a dense mass of demons (*quaedam spissitudo eorum*)" ¹⁹).

---

11) There are a number of examples in A. Graf's "*Geschichte des Teufels*".

12) Cf. e. g. Caesarius, IV, 30, 31.

13) Caes. IV, 54.

14) Richalmus, 1. c. especially chapters 28, 21, 22, 12, 37.

15) *Ibid.*, cap. (col. 385).

16) *Ibid.* c. 10 (col. 395).

17) C. 11 (col. 395).

18) C. 12 (col. 396); c. 41 (col. 421).

19) C. 22 (col. 410).

3

But we must not exaggerate. This is only one side of the picture, this outlook, this mentality is full of tensions and there are other and stronger and more decisive, deeper going experiences not only in the life of the Saints and Justs of the Middle Ages, but also in the religious life of quite ordinary people. We are redeemed by His Blood and His condescending kindness and by the nearness of the Divine already now, here; the Son of God became our brother for our sake, and His presence has remained among us. It is especially felt during the Divine Service of the Church. The words of St. Benedict's "Regula" (Monastic rule): "Ubique credimus divinam esse praesentiam — maxime tamen hoc sine aliqua dubitatione credamus cum ad opus divinum adsistimus" ("We believe that the presence of God is everywhere, but let us quite specially believe it without any doubt when we attend the divine service" ("Regula S. Benedicti" 19), represent well this conviction and — more than that — this experience.

The monastery chronicles or collections of pious legends, for instance, tell us of many appearances of these heavenly powers descending to commune with man. Many of these narratives are full of profound religious pathos and mystic fervour. Thus it was granted to some pious monks during a service at night, to see the Mother of God, with the Child in Her arms pass through the rows of brothers singing in the choir and stand still in front of those who were fervent and vigilant in prayer, hold out the Divine Child towards them and bless them ²⁰) or give them from a chalice a wondrous draft of inexpressible sweetness (which drink, the pious narrator declares, "signifies the grace of devotion — gratia devotionis — for by its power the singers are strengthened, by its sweetness the weariness of the vigil is changed to joy" ²¹). Or they would see, as though keeping faithful watch, the Saviour or His Blessed Mother walk through the dormitory by night and bless the sleepers ²²). Even death is rich in grace within

---

20) Caes. Heist, VIII, 12; cf. the "Diessenhofensche Chronik", "Leben heiliger alemanischer Frauen des Mittelalters, V. die Nonnen von Kataintenthal bei Diessenhofen", ed. A. Birlinger (Alemania, XV, 1887); also Elsbeth Stägel, "Leben der Schwestern zu Toess", ed. F. Vetter (Deutsche Texte des Mittelalters, Bd. VI, 1906", p. 21.

21) Caes. Heist, VII, 47.

22) Ibid. VII, 13, 14; cf. Diessenhofen, p. 159.

these consecrated monastery walls during these night hours which are glorified by the descent of the heavenly powers ²³).

But these hopes and feelings were not restricted to the pious members of the monastic community, but they were in some measure shared by innumerable masses of ordinary people, remaining in the world, given to secular profession, people of orderly, pious lives or people sinful, but conscious and often repentant of their sins and clinging to the help of the Holy Church and invoking God's mercy.

You find often in popular legends and traditions and popular devotions of the Middle Ages the reassuring, poignant and moving sense of the nearness of the Divine, of the boundless condescendation and saving love of God that make eruption into this our every-day life. There are heavenly "oases" in the life of ours where the Divine comes so near to our poor human existence. In the first place stands forth the Sacrament of Sacraments, the Holy Eucharist. There are prayers of loving and trembling contemplation of this Sacrament of supreme condescending Love like the beautiful hymn of Thomas: "Adoro te devote, latens Deitas" . . . ²⁴) or these words of Francis of Assisi: "O humilitas sublimis! O sublimitas humilis!" ("O sublime humility! O humble sublimity!") ²⁵).

---

23) Vide e. g., a vision described in Ven. Joannis de Ellenbogen . . . "De vita venerabilium monachorum monasterii sui liber" (beginning of XIV cent.): a monk once sees at night "gloriosam processionem albatorum de summo altari quasi per ambitum procedentem. Et ipsa, visione (durante) tabula pro mortuo percussa fuit, et Conventus in Infirmatorio unum Monachum, trahentem ultimum Spiritum, invenit, Et sic arbitror, animam ipsius Monachi albatos, id est Sanctos in ipsa hora, qua expiravit, in suum consortium feliciter assumpsisse". (In Peř, Biblioteca ascetica, VIII, 1725, v. 478-479).

24) "Plagas sicut Thomas non intueor,
Deum tamen meum te confiteor;
Fac me tibi semper magis credere,
In te spem habere, te diligere.
Pie Pelikane, Jesu Domine,
Me immundum munde tuo sanguine,
Cujus una stilla salvam facere,
Totum mundum possit omni scelere".

. . . (Thom. Aquinas)

("I worship Thee devoutly, o hidden Godhead . . . I do not see, as Thomas saw, Thy wounds, but nevertheless I confess Thee as my Lord, Let me more and more believe in Thee, have hope in Thee and love Thee! . . . O holy Pelican — Jesus Christ! Cleanse me impure with Thy Blood, one drop of which can purify the whole world from every transgression!").

25) "Epistola ad Capitulum Generale" (See Boehm, "Analecta zuer Geschichte des Franz von Assisi", 1904).

But there is also a wreath of touching tales and legends woven by popular piety around this Supreme Sacrament. So a pious sister of the German convent of Diessenhofen falls on her knees in the snow when she hears the distant ringing of the bell that announces the Elevation, and, behold, in the middle of the snow in the depth of winter green grass immediately springs up in the place ²⁶). There are many legends and traditions connected with the relic of the Holy Blood (so in Heiligenblut in Karinthia and in a series of other religious centers in Central Europe).

There is a nostalgia, a quest for the nearness of the Divine which runs through manifestations of the medieval mind. The yearning for salvation, the desire for a safe shelter, a place of refuge where one can adore in undisturbed silence the Real Presence of the Suffering and Self-offering Lord, as revealed in the Sacrament, has also inspired the creation of the half-secular, half-religious beautiful legend of the Holy Grail, permeated by a profound yearning for the presence of the Holy.

Among medieval literary products dedicated to the Grail story one feels especially impressed by the two prose romances by Robert de Boron (circa 1220): "Lestoire del Saint Graal" and "La Queste del Graal". Here the religious inspiration breaks forth with genuine power (in the mystically tinged scenes of Eucharistic worship) ²⁷).

A deep sense of nearness of the Divine that is not limited to the interior of the church of the monastery, but streams also outside and penetrates the world, is connected with the worship of Our Lady the Mother of Grace, the warm Intercessor for us sinners. It gives also rise to a great number of religious tales and legends, often of fragrant beauty and religious power. If for instance we open the old French collection of the miracles of the Holy Virgin written by Gautier de Coincy (XIII century), one of the most fragrant books of the Middle Ages, or the old English collection of similar tales, we feel ourselves enveloped by an atmosphere of genuine faith and touching beauty. There was, f. i., a simple-hearted, but pious monk who worshipped fervently Our Lady. He wanted very much to praise her, but he was unlearned; the

---

26) **Diessenhofen**, p. 155 (the story is told of sister Adelheid von Offingen).

27) Vide "**Lestoire del Saint Graal**" (The Vulgate versions of the Arthurian Romance, ed. H. O. Summer, vol. 1, 1909, pp. 32-35, 40-41) and "**La Queste del Saint Grael**", ch. XII (ibid. vol. VI, 1913, pp. 189 and sequ.).

only thing he knew by heart, was seven psalms. So he decided to recite in the honour of the Mother of God five of these psalms the first letters of which — so he found out — formed Her glorious name — MARIA. And when he died, in his mouth were found five beautiful red roses, fresh as if they had been just plucked from the stem.

"Et quant Dieu plout qu'a sa fin vint,
Moult biau miracle en evint,
Quar trouvées furent encloses
En sa bouche V fresches roses
Cleres, vermeilles et foillues,
Come s'il fussent lors droit coillues".

There are many other tales of touching piety showing the nearness of the mercy of the Lord vouchsafed to suffering man through the kind intercession of His Blessed Mother.

One legend is of special interest as combining the intervention of the merciful Mother of God with a still greater Presence: the coming of the Lord Himself in the Holy Eucharist. A poor old woman is dying alone in her poor hut. The priest does not bother to come and sends the deacon with the Holy Gifts. He enters the hut, and what does he see? The old woman is not alone: There is a great light that illuminates the room and twelve beautiful shining heavenly damsels surround the old woman's bed. At the head of the bed stands Our Lady and with a towel that is whiter than the lily, wipes the death-sweat out of the face of the agonizing woman. But when he approaches bearing the Sacrament, Our Lady and the heavenly damsels sink reverentially down on their knees before the Body of Our Lord.

"Si clers a cui li cuers revint,
Moult humblement vers le lit vint,
La Mere Dieu et Ses puceles
Qui tant sunt avenans et beles,
Levées sunt isnelement,
Si s'agenouillent humblement
Contre le Cors au Sauver" . . . ²⁸⁾

---

28) **Gautier de Coincy**, "Les Miracles de la Sainte Vierge", publiées par l'Abbé Poquet, Paris, 4-me édition 1857, p. 434.

4

The center of this medieval piety is, as we said, the Suffering Lord. He meets the soul everywhere — in the prayer of contemplation, in the Eucharist, but also in the person of the suffering brother.

The Middle Ages were deeply imbibed by the sense of this His Presence, His revelation to us in the poor and suffering ones, according to His words: "Because you have done it to one of these least among My brethren, you have done it to Me" (Matth. 25, 40). This lends a quite peculiar ring to many stories of humble love-service in the lives of the saints. There is a mystical ring in this compassion and again — a poignant, overwhelming religious beauty. But this fundamental Christian experience belongs to all times.

The chief feature here is *t r a n s p a r e n c e*. The Divine beautifying Presence shines through all horrors of human misery and suffering, as the transfiguring background, not changing the external earthly conditions, but uplifting them into another dimension.

There is a great number of popular folk-tales and legends in Western as well as in Eastern Christianity about Christ appearing in the shape of a beggar, a poor nameless wanderer or a sick man, sometimes even a leper. A whole section of the "Dialogi miraculorum" of Caesarius of Heisterbach is, *exempli gratia*, dedicated to such legends. So the pious Count Thilaut of Champagne used, riding past the hut of a leper, to jump down from his horse to wash the feet of the leper and give him some alms, and then to continue his journey. Once, after a long interval, he did it again and then, riding farther with his companions, he said: "How glad I am that I have again seen my good leper". But it appeared that the leper had died some time before and there was nobody living in this hut. It was Christ Himself who appeared to Count Thibaut in the shape of a leper ²⁹).

A similar story is told of St. Francis of Assisi ³⁰), or of Giovanni

---

29) Caesarius Heisterbachensis, "Dialogus miraculorum". Dist. VIII, c. 31.

30) See **Tomaso da Celano** "Legenda Secunda", cap. 5; see also **Bonaventura**, "Legenda Sti Francisci", cap. 1.

Colombini of Siena ³¹). The biographer of Francis, Thomas of Celano tells us that Francis had a natural horror of the lepers ("... inter omnia infelicia monstra mundi Franciscus naturaliter leprosos abhorrens" ³²), but he overcame it and meeting a leper on the road, he gives him alms and at the same time kisses him. And suddenly the leper disappears. It was Christ in the shape of a leper.. Francis felt very strongly the Presence of the Son of God behind the person of the poor or suffering brother and exhorted his disciples accordingly ³³). One could bring many other examples of how strong this feeling was in the Middle Ages ³⁴).

So also in the Christian East. Certainly this is the most fundamental feature of the Christian experience in all times and among all nations. A great wave of active Christian compassion came also up in our times at the end of the Second World War. Many of those who were engaged in active charity towards the suffering fellow-men felt the contact with a Higher Reality ³⁵).

I will close with a quotation from the Great Chronicle of the Cistercian Order (*Exordium magnum ordinis Cisterciensis*): There was a pious monk Alquirin from the monastery of Clairvaux. He was a skilled physician and full of love for the suffering, especially the poor. He dressed their often repulsive festering wounds, their putrid limbs "with such care and attention, as if he were dressing the wounds of Christ. And so was in truth.. For he did all for Christ's sake, and Christ accepted it as offered to Him" ³⁶).

---

31) See **Belcari** "Vita del Beato Giovanni Colombini di Siena" (written in the XV cent.), cap. 5, p. 20 ("Scrittori nostri", No. 43, Lanciana 1914).

32) **Tomaso da Celano**, "Vita Seconda", cap. 5.

33) *Ibid.*, cap. 52.

34) See e. g. **H. Wilms**, "Das Beten der Mystikerinnen" dargestellt nach den Chroniken der Dominikanischen Kloester", 1916. p. 139; "**La Vie de Sainte Douceline**", publiée par l'abbé Albanes. 1879, pp. 7, 9, 6.

35) Compare e. g. the remarkable little book; **P. Perrin**, "Memoires d'un pretre catholique ouvrier en Allemagne", Paris 1947.

36) "**Exorcium Magnum...**", Dist. IV, cap. 1 (Migne, Patr. lat., t. 185, col. 1095).

5

There was yet another thing: the nostalgia for a redeemed nature, for a redeemed and sinless beauty of the creation of God that permeates the Middle Ages³⁷).

It runs through the fragrant legends about the Earthly Paradise³⁸). So St. Brandan and his companions are taken by one yearning: to visit this "terra della promessa dei santi" ("the land of the promise of the Saints"). "My heart and all my thoughts are concentrated on one desire and I have decided — so God wills it — to visit the earth of the promise of the Saints and not to know rest until I arrive there" ("Imperché lu cuor mio e il mie impensieri si e tuti asunady in una voluntade, pur ch'ela sia la voluntade de Dio, la terra . . . de promision deli Santi, io si o proponudo de andar e no calar may, fin de sera" — so reads the Venitian version of the old irish legend of the "Navigation of St. Brandan"³⁹). The garments of the saintly abbot Barint who had visited before Brandan this far-off paradisiac country, are permeated with fragrance: "Nonne cognoscitis in odore vestimentorum nostrorum quod in Paradiso Dei fuimus?"⁴⁰). And there is another legend of exquisite beauty, this time not of celtic, but of eastern origin, known e. g. in old italian version of the XIV century — "La leggenda dei tre monaci", the legend of the three monks that lived on the banks of the river Gihon and were one day struck by the extraordinary sweet fragrance of a blooming bough that swom down the

---

37) See about it my little book: "**Die Verklaerung der Welt und des Lebens**", Bertelsmann Verlag, Gueterslorch 1955. pp. 60-75, my book "**Preobrazenie mira i zisni**" ("Transfiguration of the World", in Russian), New York 1959, pp. 20-26.

38) See **COLI** "Il Paradiso terrestre dantesco", Firenze 1897; **A. Graf**, "Miti, leggende e superstizioni del Medio Evo" ("Opere critiche", 3), 1925.

39) See **Francesco Novato** "La Navigazione Sancti Brandani", in antico Veneziano, Bergamo 1896 ("Biblioteca storica della literature italiana") p. 6-7.

40) "Have you not understood from the fragrance of our garments that we have been in the Paradise of God"? I am quoting here the latin text of the legend XI cent.) published by **A. Juvinel** "La Légende latine de St. Brandan", Paris 1836, p. 4.

river and passed them. And they decided to ascend the course of the river up to its sources because they understood that the river flows from the Earthly Paradise. In the following description of the beauty of the Paradise there are tones of ecstatic rapture naively worded in popular Italian that make the whole story a little jewel. The beauty of the caroling of the paradisiac birds and the scent of the flowers were so overwhelmingly beautiful that "any human mind that would have felt it, would have been at loss and become as if it were consciousnessless". So great is the charm of the paradisiac stainless beauty. And these words are repeated again and again, like the burden of a song, in naive rapturous amazement throughout the story, — "et era tanto delettovole e dolce e soavo quel canto che ogni mente umana vi sarebbe venuta meno e divenuta quasi insensibile" ⁴¹).

A similar rapture runs through the reported story in the letter of archbishop of Novgorod Vassili (1331-1352) to bishop Feodor of Tver. Three Novgorodian ships put to sea. One went lost the others after heavy storms have been carried to the foot of high mountain. There was a beautiful picture of Christ enthroned, painted not by human hands on the mountain and a wondrous light brighter then then the sun shone around; there were voices of joy and gladness. The Novgorodian sent out a man from their crew to investigate the whole thing. He ran up to the top of the mountain and then he clasped his hands laughed and ran away from his friends towards the wonderful voices. So did the second, clasped his hands, laughed joyfully and ran away. A third was sent with a string attached to his foot. When dragged back he was found dead ⁴²).

---

41) The text of this legend is brought in "*Miscelanea di opuscoli inediti e rari id secolo XIV e XV*", Torino, 1861, pp. 165-178; cfr. "*Legende del secolo XIV*", Firenze, 1863, vol. I, p. 489; A. Coli, op. cit.; A. Graf, op. cit.

42) The text in slavonic e. g. in Buslayeff, "Chrestomathy of Ancient Russian Literature", Moscow, 1891, pp. 169-170.

6

Such dreams of a “better land” are widely spread, through the religious history of humanity. These dreams having taken often beautiful shapes, give rise to fanciful stories and legends. We are not so much concerned with the history of the poetical visions and creations of the medieval mind, with the entrancing and beautiful stories of the adventurous travels in quest of a land of undisturbed purity and beauty, as with the underlying tendencies, the underlying yearnings and ideas. In the Middle Ages these popular stories of the search for an unpolluted beauty of the creation have often a Christian setting, a deeply Christian inspiration. Of greater importance than these stories and poetical aspirations, as speaking of deeper and greater realities is the experience of the Saints. To them, purified more and more from our weakness and self-centricism, the world and the creatures became really the places where they met God — His greatness, His bounty and His beauty. Not only God the Creator was revealing to them His glory through the creature, but — and this is the most remarkable and overwhelming in their experience — the World that became Flesh and entered the creation and became a brother to us and the Redeemer of the Creation.

One of the greatest spiritual fathers of the Eastern Church, St. Isaac of Nineveh (“Isaac the Syrian”) called this “a burning of heart on behalf of all the creatures”. We find in the lives of the great Desert Fathers of the East — in the Egyptian, Palestinian and Syrian deserts — in the lives of the great anchorites and saints of North Russia, in the lives of the holy Irish saints striking features of such concern and brotherly care and kindness shown by these great servants of God not only in relation to the fellow-man, but also to animals — meek as well as ferocious. And the ferocious became mild. One should read e. g. the old VI century collection of stories about Palestinian Saints and hermits (“The Spiritual Meadow” by John Moschus) or the life of St. Serge of Radonesh (XIV century), written by his disciple Epiphanius, or the lives of some forest-hermits and monastery-founders of North Russia (e. g. of St. Serge of Obnora).

The Christian piety of the Western Middle Ages appeals strongly to us in the meek and beautifully humble image of the "poverello" — "poor man", of Assisi — St. Francis of Assisi. Francis' love for the creature is deeply rooted both in God the Creator and God the Redeemer. The image of Christ the Saviour is always present to his mental eye, also in his relation to nature. It is a relation to nature and to the creatures that bears a decisively christocentric character. But the love to the members of the created world becomes — because of that — much more burning. The more it is turned to God and centered in Christ, so more this love radiates into creation and illuminates the Creation by the rays of God's purpose concerning these creatures and God's love for them.

Let us in a short summary way bring back to our minds facts well known to us. In first place comes of course the meek, humble, active conquering love towards the fellow-man. This is also characteristic of the Christocentric experience of Francis: everything beautiful and moving, tender, humble, chaste, but, also just and strong reminds him of the Lord, of His power, splendour and goodness, but especially of the humble image of Jesus Christ, Son of God, Divine Master and Saviour, in His humility. "Supra petras etiam quum ambularet cum magno tremore et reverentia ambulavit amore illius qui dicitur petra" — "When he walked upon stones, he did it with awe and reverence for love of Him who is called the Corner-stone" ⁴³).

The lilies in the valley remind him of Christ, the lambs, the turtle-doves, but also the little worm on the earth, because of words of the Scripture ⁴⁴). But these are not cold allegorical combinations; a burning love of God, a burning love of the Saviour who became man and poor and humiliated Himself, takes hold of the whole being of Francis. In this love he sees the traces of the presence of God, Who became our brother, in the whole creation. The dignity of all created things — animated or what we call inanimated — is enhanced: they become an immense joyful company of brethren and sisters in God and companions in the praise of God. "Wholly absorbed in love of God . . . the blessed Francis saw in a per-

---

43) *Speculum perfectionis*, capist. 120.

44) **Celano**, "Legenda Prima", pp. 77-79; **Fiiretti**, ch. 22; 1 **Celano**, par. 80; cfr. II **Celano**, par. 165.

fect way in every creature the goodness of God" ("Absorptus in amore Dei beatus Franciscus . . . in qualibet creatura bonitatem Dei perfecte cernebat") and therefore he was possessed by an extraordinary and tender love for created things ("propter quod singulari et visceresa dilectione afficiebatur ad creaturas"), especially these that as living figures or symbols reminded him of God" ⁴⁵). In the last years of his life he composes, as we know, his "Hymn of the Creation", in which God is praised because of the beauty of all created things.

"Laudato sia, Messignore, cum tuete le tue creature,
Spetialmente messer lo frate Sole" . . .

("Praised be Thou, my Lord, with all Thy creatures, especially the lord brother Sun");

"Et ello e bello e radiante cum grande splendore;
De te, Altissime, porta significatione" . . .

("And he is beautiful and luminous with great splendour; of Thee, oh Highest, he is a figure")

"Praised be Thou, Lord, for sister Moon and the Stars:
Thou hast formed them in the sky clear and pretious and beautiful..
And for the sister Water; she is very useful and humble
and precious and chaste" . . .
(" . . . multe utile et humile et pretiosa et casta" ⁴⁶).

All life and all creatures, notwithstanding Suffering, Evil and Death, are uplifted, encompassed, engulfed in this atmosphere of praise and benediction. Francis has given all up, and therefore he received all again as a joyful gift from the hands of God, and he has found himself surrounded by a family — a host of brothers and sisters that he recognized as such in the rays of self-renunciating love, not his own love, but the love of Christ that conquered him, that took hold of him (as St. Paul puts it: "The love of Christ takes hold of us" — II Cor. 5, 14).

This burning love for the poor, homeless, wandering, suffering Son of Man, who is the Son of God, is the center and the source of inspiration of all the life of Francis. From this total surrender he re-

---

45) *Speculum perfectionis*, ch. 113.

46) "*Speculum Perfectionis*", cap. 120; Edit. by P. Sabatier, 1898, pp. 234-235.

ceives these immense riches of joy and jubilation; from this boundless love of Christ that has conquered him, he receives that love that is streaming forth over all creature (as we find it also with St. Isaac of Syria).

For Francis, the whole creation is living and close to his heart. He preaches not only to the birds, but also to the flowers. He summons the rocks and vineyards, the gardens and the springs to join in common praise of the Lord ⁴⁷). He cares for the bees ⁴⁸), and swallows ⁴⁹); he plays with "sister cicada" and "brother pheasant" ⁵⁰) and lifts the worm carefully out of his path, lest the feet of the wanderer crush it: "circa vermiculos etiam nimio flograbat amore" — even "the worms kindled within him infinite love", says his biographer ⁵¹). And then there is the ardent love of Francis for mankind, which is revealed in his preaching and missionary work.

"And there is indeed no cause for wonder" — we read in the recollections of his disciples — "that the fire and other unreasoning creatures should always obey and honour him, for we who were with him have ourselves very often seen how he was so filled with love towards them, how he felt such delight in them and how his spirit was moved by such compassion and sympathy for them ('ipse tantum officiebatur ad eos et in eis tantum delectabatur et circa ipsos tanta pietate et compassione movebatur spiritus eius'), that he could not bear that they should be despised. And possessed by inward and outward extasy, he would converse with them as though they had understanding, whereby his soul was often filled with rapturous love of the Lord" ⁵²).

All living creatures approach him with confident love. The birds listen eagerly to his preaching and await his blessing ⁵³). The grasshopper perches on his hand and at his bidding sings its joyful praise of

---

47) I Celano, par 81 (Legenda prima)

48) Ibid., par. 80; cfr. II Celano, par. 165.

49) Speculum, cap. 114.

50) II Celano, par. 170, 171.

51) I Celano, par. 80; cfr. II Celano, par. 165.

52) "Speculum", c. 115.

53) I Celano, par. 58; Fioretti, c. 16.

the Lord ⁵⁴). A river bird hides in his hands and refuses to fly away ⁵⁵). A captured fish which he sets free in the water, plays in the water near him and does not swim away until Francis dismisses it with his blessing ⁵⁶). A wild hare nestles to him, hops into his lap under the folds of his robe and will not leave him ⁵⁷); and before his death there collected an "immence flock" of the swallows he had loved so dearly and had cared for so greatly throughout his life ⁵⁸) and, circling round the roof of the house in which the dying Francis lay, seemed to praise the Lord with their sweet notes ⁵⁹).

Middle Ages or no Middle Ages, West or East do not play here a role. The new life of transfiguration starts already now: where the Cross of Christ enters into the life of men and the rays of His Presence illuminate with a new light our life and the creation. This is the experience of Saints.

Similar experiences we find — as we have indicated already — with the great saints, ascetics and mystics of the Eastern Christianity. Symeon the New Theologian, the great Byzantine mystic (XI cent.), speaks of a new power of perception in a man who lives in the Spirit of God; "He is made worth to behold the revelation of great mysteries . . . I say mysteries, whereas all can see them clearly, they cannot understand. He who is glorified by the newly creating Spirit, receives new eyes and hearing" ⁶⁰).

The seed of the beginning transfiguration which has to be achieved by the power of the Spirit, is given — according to these Christian saints — in the Incarnation, Passion and Resurrection of the Son of God. The universal cosmic significance of the coming of the Son of God is the chief subject of the thought and the teaching of the great Fathers of the Church — an Irenaeus, an Athanasius, a Basil, a Gregor of Nyssa, an Ephrem of Syria. This is, as we know, the basis of what can be called "mystical Christian Rea-

---

54) II Celano, par. 171.

55) Ibid., par. 167.

56) I Celano, par. 61.

57) I Celano, par. 60.

58) Cf. Speculum, c. 114.

59) Ibid., c. 113.

60) Or. 26 (Quoted in **Holl** "Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Moenchthum", 1898, p. 81; also **Migne**, Patr. Graec. t. 120, col. 449.

lism". The same experience is translated into verses by St. John of the Cross, the greatest lyrical poet and mystic of Spain (1542-1591) in his "Dialogo de Cristo e del alma su esposa". What Francis of Assisi felt and other Christian mystics felt, he describes in these words:

"Mil gracias deramanda
Passeo por estos sotos con presura
Y yendolos mirando
Con sola su figura
Vestidos los dejo de Su hermosura".

("Pouring down streams of grace, Christ passed with speed through these woodlands of ours, and solely by looking at them He left them clad with His glory").

The final transfiguration of the whole creature in the rays of His Incarnation and Victory is the central hope and expectation and certainty of Christianity ⁶¹). As is the new dignity into which the creature has been raised by the coming of Christ ⁶²).

---

61) Romans, (18-23).

62) Compare E. G. The Pascal Songs of the Eastern Orthodox Church or the following words from an ancient Eastern Eucharistic prayer: "Verily heaven and earth are full of Thy holy Glory —**through the Coming** of our Lord and Master and Saviour — Jesus Christ" (Liturgy of St. Marci — **Brightman** Liturgies Eastern and Western, I (1896) 176; **Renaudot** Liturgiarum orientalium collectio, 1847, I 45). See my Russian Book "Preobrazhenie mira i zhizni", N. York, 1959, pp. 244-249).

Nicholas Arseniev . .

Е. В. Спекторский *)

Три типа реальности.

Блаженный Августин писал: когда меня не спрашивают, что такое время, мне кажется, что я знаю, что это такое. Но когда меня спрашивают, то оказывается, что я не знаю, что такое время. Подобным же образом в действительности нет ничего загадочного, пока мы не задумываемся над тем, что собственно она представляет. Тогда нам кажется, что действительность это все то, что мы воспринимаем с помощью зрения, слуха, обоняния, осязания. Дюринг уверял, что действительно только то, «что покоится на глазах, ушах и заключениях рассудка». Все прочее, мол, глупость.

Всем своим существом мы включены в такую действительность. Среди нее мы движемся и вообще существуем. С нею мы соприкасаемся на каждом шагу во все дни нашей жизни. Правда, есть немало чудаков, которые называют ее иллюзией. А мало мальски критически настроенные умы именуют наивным реализмом признание такой и только такой действительности единственно подлинною и истинною. Однако в своей повседневной жизни и чудаки и критики не отказываются от этого реализма. И хорошо делают. Без этого они не могли бы прожить и одной минуты. Так, например, при переходе через улицы большого города очень рекомендуется глядеть в оба во избежание катастрофы, стоявшей жизни Кюри. И при падении в колодезь — надо просто хвататься за опущенную для спасения веревку, не вникая даже в аналитическое суждение, что «веревка — вервие простое». Выражаясь языком прагма-

---

*) E. V. Spectoraky, Dr. Jur., Rector of Kiev U-y; Prof. of U-les in Prague, Belgrad, Lubliana, St. Vl. Seminary, N. Y.

тистов, наивный реализм житейски окупается. Но признать его принципиально и окончательно истинным это значит снизойти до уровня животных, этих наивных реалистов и прагматистов. У них нет скептической и критической философии, нет академий и исследовательских институтов. Зато их органы внешнего восприятия нередко совершеннее, чем у людей. Орлиный взор куда острее взгляда человека, глаз которого, как жаловался Гельмгольц, устроен далеко не идеально. Собачий нюх значительно развитее человеческого обоняния. Ловкость и точность прыжков обезьян Мечников считал выше глазомера и акробатического искусства человека. Однако Гераклит недаром заметил, что чувства это плохие свидетели. Если доверять только им, то следовало бы признать, что земля неподвижна и что солнце восходит и заходит. По свидетельству чувств прямая палка, погруженная в сосуд с водою, кажется сломанною, а вода при погружении в нее руки кажется то теплою, то холодною. Нередко воображение дополняет чувственные восприятия совершенно фантастическим образом. Так, например, в плавном движении небесных светил пифагорейцы чувляли какую-то неземную музыку. Один старый николаевский служака, показывая в Новороссийске знакомым закат солнца, как бы погружающегося в Черное море, спрашивал: «слышите? шипит!». Тютчев восхищался теми древними эллинами, которые «книгу матери природы читали ясно, без очков». Но то, что они в ней вычитывали, было преисполнено заблуждений или очень наивно. Вольтер издевался над современниками Анаксагора, признававшими его божественным за разъяснение, что снег черен и что луна больше Пелопонеса. Когда же более пытливые люди, не довольствуясь тютчевским чтением, так сказать надевали очки, то они усматривали в действительности какие-то совсем особые, необычные письмена. Так, Гераклиту показалось, что кругом нас все течет. Это казалось до того непонятным, что за Гераклитом на много веков закрепилось наименование Темного. Вместо зоркости ему приписали слепоту. Когда Демокрит надел очки, ему показалось, что весь мир состоит из мелких и неделимых кусочков вещества, которые он назвал атомами. Идя по тому же пути, Платон пришел к убеждению, что существуют два мира: один всегда бывает,

но никогда не есть; а другой, напротив, всегда есть, но никогда не бывает. Он же утверждал, что мы как бы сидим в пещере и принимаем за действительность только отражение на ее стенах того, что по настоящему существует и движется вне ее. Впоследствии Бэкон предупреждал, что мы слишком часто принимаем за подлинную действительность наши пещерные образы.

Когда удивление, которое и Платон и Аристотель считали первоначальным познавательным пафосом, сменяется сомнением, то вера в непосредственную действительность подрывается, а иногда и совсем уничтожается. Софист Горгий учил, что ничего нет; если бы что и было, то этого нельзя познать; если бы кому-либо и можно было познать, то он не мог бы передать это познание другим. Когда сознание встревожено сомнением, то одни отмахиваются от него и ничтоже сумняшеся продолжают пробавляться непосредственною эмпириею. Так поступил Юм. Он жаловался: «я обедаю, играю в шашки, весело болтаю с приятелями, и когда после двух-трех часов развлечения я возвращаюсь к этим умозрениям, они представляются мне такими холодными, натянутыми и смешными, что я не чувствую ни малейшей охоты далее углубляться в них». Многие, как Монтэнь, лениво кладут свою хорошо устроенную голову на подушку скептицизма и на этом успокаиваются. Иные пускаются в безбрежную область метафизики и мистики и начинают то сами фантазировать, то верить чужим фантазиям, причем нередко становятся жертвами мистификации. Так появляются всякого рода теософии, антропософии, спиритизмы и тому подобное. Но те, которые стараются оставаться трезвыми среди пьяных, пробуют исправить наши непосредственные впечатления с помощью опыта, проверяемого доказательством. Тогда начинается работа науки. И она устанавливает свою собственную действительность, совсем непохожую на феноменологию наивного реализма. Она превращает в иллюзию наши зрительные впечатления о восходе и заходе солнца. Столы, за которыми люди работают или обедают, разлагаются ею на атомы, эти солнечные системы в миниатюре. И Эддингтон уподобил всякий стол рою пчел. Чувственный мир, *mundus sensibilis*, вытесняется миром умопостигаемым, *mundus*

intelligibilis. Несоответствием научной действительности наивному реализму оправдывается рассеянность ученых, вызывающая столько насмешек. В мире и жизни они усматривают совсем не то, чем пробавляются люди, довольствующиеся только непосредственными впечатлениями и так называемым здравым смыслом. Но из этого совсем не следует, что смысл ученых нездравый. Совсем напротив, это проясненный и углубленный смысл, поднимающий наше познание действительности на какую-то высшую ступень.

Однако, сильно ошибаются так называемые позитивисты, верящие в то, что наука может и действительно дает вполне адекватное, однозначное, окончательное и абсолютное знание действительности. Научное познание складывается из эмпирии и теории. Эмпирия без теории слепа, а теория без эмпирии пуста. Всякая теория субъективна. А посему и всякая эмпирия относительна. Благодаря этому все науки преизбыточествуют гипотезами, на чем настаивает Пуанкаре, а как уверял Фанингер, даже фикциями. Для частичного объяснения устанавливаемых наукою фактов или, точнее, явлений иные гипотезы более или менее удовлетворительны — вроде учения об эманации или колебания волн, как источнике световых явлений. Описать их более или менее точно и объяснить их более или менее субъективно, это еще далеко не значит действительно понять их объективный, тем более абсолютный смысл. Апперцепция нередко еще обманчивее, чем перцепция. И остается вопрос, какова *ultima ratio* явлений, каково то таинственное инкогнито, которое кроется за ними, вызывает их и составляет их подлинную сущность, их эссенцию в отличие от их экзистенции?

В ответ на это открывается возможность троякой ориентации: на природу, на человека и на Бога. При ориентации на природу, т. е. согласно определению Канта, на «совокупность всех вещей, поскольку они могут быть предметом наших чувств», она превращается в какую-то абсолютную, всегда более или менее олицетворенную высшую силу, все предусматривающую и все детерминирующую. Опыт такой ориентации был уже проделан. И его несостоятельность сейчас ясна для всех, кроме научных реакционеров, которые ничего не забыли и ничему не научились. Ориентироваться на звучащего гордо

человека, провозгласить его вместе с софистами мерою всех вещей, это значило бы признать его вседержителем и творцом не только наших представлений о мире, но и этого самого мира, что совершенно нелепо. Шопенгауер заявил: мир это мое представление. Что же? Значит, после прекращения со смертию Шопенгауера его представлений о мире, прекращается и этот самый мир? И *esse* этого мира создается только благодаря его *percipere*? Первый крик новорожденного ребенка вовсе не звучит гордо. Это не торжественное заявление о себе демиурга, сколько жалобная просьба о помощи слабого существа, не по своему желанию вступившего в мир печали и слез, не им и не для него созданный. Остается ориентация на Бога согласно призыву Августина: ищи выше. Тогда от односторонних и относительных объяснений смысла бытия мы приближаемся к его действительному пониманию, поскольку таковое вообще доступно нашему ограниченному познанию. Тогда для нас более или менее уясняется вопрос о первых причинах и конечных целях бытия. Ресурсами одной науки этот вопрос никак не может быть уяснен. Недаром О. Конт совершенно изъясил его из ведения положительной науки. Правда Бэкон поставил ей задачу причинного познания: *vere scire est per causas scire*. — Но что такое причина только в научном смысле слова? Это не более как связь двух или нескольких фактов в один факт, его точное описание. Что значит, напимре, утверждение ученых, что бактерии это причины болезней? Это вовсе не значит, что есть два отдельных друг от друга факта: бактерии, как особые существа, и болезни, тоже как какие-то существа, *entia morbi*. Это просто наблюдение факта проникновения бактерий в организмы, сопровождающегося такими явлениями, которые мы называем болезнью. Если пойти дальше и искать причины бактериям, мы опять получим теоретическое описание того, как оне живут и размножаются и практическое указание, в каких пробирках и бульонах сохранять и размножать их. Но вопрос о том, почему в мире существуют бактерии, таким исследованием причинности не может быть разрешен. Наука исследует «как», а не «почему». И прав был Кирхгоф, утверждавший, что она списывает, но не объясняет. Подобным же образом нельзя объяснить научно, зачем, для чего суще-

ствуется мир и все то, что в нем происходит. В сознании этого Бэкон совсем изъясил из ведения науки вопрос о целях бытия, уподобив их девам, посвященным Богу и посему бесплодным. Но он не мог сделать так, чтоб люди перестали совсем заниматься этим вопросом. Интерес к нему это не просто праздное любопытство во вкусе Гоголева Кифы Мокиевича. Над ним не потрудились философы, по большей части приписывающие всякие цели природе, которая, например, заботится о сохранении видов, жертвуя для них индивидами, или, как выразился Кант, знает лучше, чем человек, что ему нужно. Но тогда косная природа, т. е. совокупность чувственных предметов олицетворяется и наделяется каким-то высшим разумом. Так могли верить античные люди, верившие в божественную мать природу, заботливо ведущую по жизненному пути свое любимое дитя, именуемое человеком. А после того как обезбоженная природа, *die entgoeterte Natur* — глубокого стихотворения Шиллера *Die Goetter von Griechenland*, оказалась не более как суммою вещей и перемен в них, происходящих более или менее механически, уже никак нельзя приписывать ей какие бы то ни было намерения.

Чтобы осмыслить причины и цели бытия, необходимо усвоить сверхприродную точку зрения. Относительно причин уже Лейбниц учил, что, применяя требование достаточного основания к миру, мы рано или поздно, но неизбежно должны остановиться на сверхприродном Боге: *il n'y a qu'un Dieu et ce Dieu suffit*. Относительно целей современный биолог *Le conte de Nouiiy*, прославившийся открытием физиологического времени, категорически заявил, что всякая эволюция это не бессмысленный, а целевой процесс, окончательный смысл которого в пределах, доступных нашему уму, уясняется только религиею.

Таким образом, как выразился Джемс, восстанавливается право на веру. Перехода *a realibus ad realiora* ведет к Божеству, понимаемому как *Ens realissimum*.

Но это совсем не значит, что мы выпроваживаем Бога из действительного мира фактов, в почетную, высокую, но также и далекую трансцендентную область. Он, мол, далеко. Он не услышит. Он сам по себе где-то в эмпириях. А мы сами по

себе копошимся в нашей эмпирии. И без Него все бысть еже бысть. Такое богопознание в сущности ничем не отличается от богоотрицания. В подобном искажении Виктор Гюго нашел возможным упрекнуть даже иных служителей алтаря: *car Dieu, sache-le, prêtre, existe*. Недопустимо такое искажение и у тех, кто действительно стремится постигнуть высший смысл бытия, бывания и делания. А тогда мы от индуктивного восхождения к Сущему Богу естественно переходим путем дедуктивного нисхождения от Него к просветленному и углубленному пониманию фактов. Тогда мы с высоты взираем на жизнь. И тогда для нас, как выразился Платон, мера всех вещей это Бог. Если при этом мы не сухие рационалисты, живущие только головою, то многое подсказывает сердце, у которого, как заметил Паскаль, есть свои резоны, которых не знает рассудок. И тогда вместо обманчивой действительности наивного реализма и относительной действительности научных фактов нам открывается феноменология чего-то абсолютного.

Бутру обратил внимание на случайность наших субъективных попыток продиктовать бытию его законы. Но само-то объективное бытие случайно ли? Французский математик Борель утверждает, что, если научить обезьян стучать на пишущих машинках, то в течение определенного времени наступит момент, когда они настукают все книги, хранящиеся в Парижской национальной библиотеке. Однако эти обезьяны совершенно не ведают, что творят. И не их ужимками созданы идеи, содержащиеся в настуканных ими печатных знаках. Еще менее из этого стука могло возникнуть бытие мира. Совершенно невероятно, чтобы мир, который древние греки, не напрасно называли не хаосом, а космосом, представлял, как иронически заметил Пирогов, случайную случку случайностей. Как выразился Жуковский, случай — это «инкогнито провидения». В строснии мира кроется глубокий смысл. И его эволюция это, творческая эволюция. Смысл этой эволюции задолго до Бергсона разъяснил Ломоносов, этот русский Лейбниц, заявивший: «природа есть Евангелие, благовествующее творческую силу, премудрость и величество Творца». Как ни текуча эволюция, она совсем не похожа на калейдоскоп. Она создает такие устойчивые типы, в которых проявляется не случайность, а це-

лесообразность. И венцом этой целесообразности является чудо, именуемое человеком. Почему эволюция останавливается на нем и не идет дальше в сторону сверхчеловека?

Конечно все факты человеческой жизни от рождения до смерти могут быть более или менее удовлетворительно описаны наукою. Но она никогда не объяснит, почему человек вообще существует, зачем это нужно, какой смысл этого, почему человек занимает совершенно исключительное положение во вселенной с ее бесчисленными мирами? Столь же трудно объяснить, почему люди рождаются как личности, индивидуальность которых несмотря на кажущееся сходство, всегда своеобразна, никогда не повторяется и, как говорили схоластики, неисчерпаема. Конечно можно более или менее исправно описать как появляются на свет здоровые люди и больные, красивые и безобразные, счастливы и неудачники, праведники и злодеи. Но этого мало. И от этого во всяком случае не легче тем людям, которым приходится уже от рождения нести тот или иной крест и страдать от зла, в котором лежит мир. Физиология и патология человеческой жизни довольно успешно изучается учеными. А все-таки рождение человека это тайна. Еще большая тайна это смерть. Как говорит Толстой в «Анне Карениной», она открывает «в этой обычной жизни как будто отверстия, сквозь которые показывается что-то высшее». Умирая, призванный к жизни человек отказывается от нее. Смерть врывается в заботы суетного века как сигнал из сверх-жизненного мира. Сталкиваясь с нею, каждый человек невольно соприкасается с этим миром. Тем более не может не задуматься над нею человек науки с его повышенной рефлексией.

Неизбежным восполнением его житейского и научного опыта является опыт религиозный. Субъективным источником этого опыта для ученого является его сознание, которое не только ищет Бога, но, выражаясь языком Канта, постулирует, то есть прямо таки требует Его. Объективный же его источник это религиозный опыт человечества. Признать этот опыт случайным явлением так же нелепо как признать делом случая наш космос. Вслед за Махом, Евгений Дизель, сын изобретателя известных моторов, утверждает, что если бы история возобновилась с начала, то человечество рано или поздно,

но неизбежно пришло бы к колесу, рычагу и позднее к более сложной технике. Подобным же образом можно утверждать, что, в случае возобновления истории человечества, у него опять появился бы известный нам религиозный опыт. Этот опыт вызывается не только психологической и социологической необходимостью. Он не только объективен. Он подводит нас к тем абсолютным неисповедимым путям провидения, о которых мы знаем только «якоже зеркалом в гадании» (1 Кор. XII, 12), но вера в которые у мудреца еще более неискоренима, чем у простеца. И в священных книгах для обоих открывается или, точнее, приоткрывается такая премудрость о неведомом, без которой недостаточна и житейская мудрость и профессиональная ученость. Как сказано в псалме 84, «истина возникает от земли, а правда приникает с небес». Таким образом при полном сохранении свободной критики — *fide, sed cui vide* — научный опыт ученых в конце концов вливается в религиозный опыт человечества, с его христианским увенчанием. Здесь неведомый Бог открывается через посредствующего Богочеловека, который как говорил апостол Иоанн, «дал нам свет и разум» (1 Иоанн, V, 20) и, который, как говорит современный биолог *Le conte de Noully*, вступил в эволюцию мира как совершенный образец, понимания и делания.

В таком аспекте жизнь человека это не дар случайный, дар напрасный. Его положение в мире осмысливается как призвание, личное и общественное. Этот смысл гораздо значительнее, чем жалкие потуги большинства социологов усмотреть смысл жизни человека в том, что она более или менее механически детерминируется всякого рода внечеловеческими факторами, то есть деятелями вроде климата, среды, наследственности, телесного устройства, материальных потребностей и тому подобного.

Совершенно провалилась торжественно провозглашенная от имени позитивной науки О. Контом и Г. Спенсером для объяснения смысла всего бывающего теория прогресса, который, мол, происходит сам по себе в силу естественной необходимости. Основным законом такого прогресса был признан совершающийся якобы в наше время переход от варварского военного типа общества к культурному промышленному. Где вой-

на, там еще нет промышленности. А где промышленность, там уже нет войны. Между тем появилась военная промышленность. И юб исчезновении войны что-то мало слышно. В теорию прогресса входило также утверждение, что с успехами науки исчезает преступность. А вместо того современные гангстеры, взломщики и грабители пользуются в своей преступной деятельности всеми научными усовершенствованиями. Все эти якобы строго научные объяснения смысла происходившего и происходящего сходятся в стремлении снять с людей всякую ответственность за то зло, в котором лежит мир. И в этом по преимуществу состоит та измена служителей духа их высокому призванию, о которой говорил Бенда в книге *La trahison des clercs*.

Если отбросить все эти мнимо научные натуралистические объяснения и посмотреть на жизнь с подобающей высоты, то она осмысливается как некий божественный призыв. Тогда наша земля оказывается своего рода грандиозным опытным полем. Тогда с рождением каждого ребенка открывается возможность если не начать снова историю человечества, то хоть частично исправить ее. Вся история человечества осмысливается тогда как цепь неудач, как полное глубокого драматизма невыполнение людьми их действительного призвания. Слова К. Аксакова, что «русская история имеет значение всемирной исповеди» — применимы ко всякой истории, однако не в смысле фарисейского самолюбования «с нами, мол, Бог», а в смысле покаяния, точнее повода для покаяния.

Много мудрят по поводу переживаемого нами ужасного времени. Какие только объяснения не даются ему! И какие только средства не придумываются для улучшения положения теми людьми, которые самонадеянно воображают, что они, выражаясь Шекспировым языком, управляют ножницами судьбы! Чего стоят хотя бы бесчисленные конференции, единственным положительным результатом каждой из них, как заметил один остроумный француз, является постановление, когда состоится следующая конференция. Вся эта суета и шума совершенно бесплодна. И по ее поводу невольно вспоминается *Frau Sorge*, «госпожа тревога» из второй части Гетева «Фауста», ослепляющая людей, чтобы они не могли ничего ви-

деть, и одновременно вселяющая в них беспомощную озабоченность. Люди стремятся к миру на земле. Но при этом они забывают или умалчивают о тех двух условиях, поставленных не кем-нибудь, без которых никакого мира нет, не будет и не может быть: это — слава в вышних Богу и в человецех благоволение. И вот вместо такого простого, честного и убедительного понимания переживаемой нами действительности, люди предпочитают иные объяснения, в которых лицемерие и грубый интерес протягивают руку лженауке и лжегуманизму. Имея очи, не видят, имея уши не слышат. А тогда действительно вся наша жизнь это, как уверял Кальдерон, только какой-то сон, пробуждение от которого не сулит ничего доброго.

Таким образом у той единственной действительности, среди которой мы живем и к которой мы принадлежим, есть три аспекта. Один — единственный, наивно эмпирический, другой — искусственный, создаваемый наукою и философиею, третий — сверхъестественный, получаемый от религии, когда мы, как это всегда утверждали глубочайшие мыслители, видим все если не в Боге, то через Бога. И тогда оправдываются слова Владимира Соловьева:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Но все же это все одна и та же действительность. И пока мы живы, мы не знаем и не видим иной действительности, «ибо мы ходим Верою, а не видением» (2 Кор. V, 7). Мы не можем прорваться в какую бы то ни было иную, трансцендентную действительность. И всякого рода визионизм представляет соблазнительную опасность, от которой предостерегал Нил Постник: «не желай ангелы видети, или силы, или Христа чувственно, да не конечно не мыслен будеши, волка вместо пастыря приемля, и враждебным бесом поклоняся». Но если мы, пока живы, обречены на пребывание только в одной действительности, то по аналогии с нашим трехмерным эмпирическим пространством, полнота этой действительности постигается только при сочетании всех ее трех аспектов. И если мы стремимся к полноте знания и понимания, мы должны всемерно избегать

одностороннего сосредоточения только на одном из этих аспектов, отказываясь от иных. Нельзя безнаказанно отвергать феноменологию наивного реализма. Нельзя вместе с Брюнетьером провозглашать банкротство науки, ибо мы тогда впадаем в невегласие. И не напрасно в Гетеовом «Фаусте» не добрый дух злорадствует по поводу презрения к разуму и науке. И нельзя отказываться от высшего разумения, ибо тогда мы оказываемся погруженными в феноменологию бессмыслицы. Среди же многочисленных и многообразных путей познания действительности индуктивное восхождение — *per aspera ad astra* — для умов, настроенных не догматически, а критически, является более подходящим, чем обратное направление. Это отметил Бэкон: глядя на звезды, Фалес упал в воду, которой он не видел; но глядя на воду, он увидел бы отражающиеся в ней звезды.

Примечание автора .

Во избежание недоразумений считаю необходимым предупредить, что в моем докладе идет речь не о трех отличных друг от друга действительностях, а о трех различных взглядах на одну и ту же действительность, а именно, ту, среди которой мы живем и действуем.

А. А. Боголепов

НА ПУТЯХ К СОЗЫВУ ПРАВОСЛАВНОГО ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА.

*

1

1. Время с середины 19-го до середины 20-го века (1833-1951) было знаменательной эпохой в жизни Православной Церкви. Еще в начале 19-го века были только две совершенно самостоятельные и независимые, автокефальные Православные Церкви: Константинопольская и Русская. Кроме них были лишь небольшие эмигрантские церкви в Австро-Венгрии, как Карловацкая Митрополия, и полунезависимая церковь в Черногории с одним «владыкой»-епископом. К середине же 20-го века число автокефальных церквей поднялось с двух до четырнадцати. Подлинное значение этого возрастания количества автокефальных церквей можно уяснить, если принять во внимание, что Церковь эпохи Вселенских Соборов (с 4-го по 9-ый век) была объединением ряда самоуправляющихся Поместных Церквей, независимых одна от другой в делах внутреннего управления, но подчиняющихся возвышающейся над всеми ими власти Вселенских Соборов, в которых совместно участвовали все Церкви. Таких церквей было шесть: Римская, Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иеру-

салимская и Кипрская. Две из сестер церквей пользовались, согласно постановлениям Вселенских Соборов (2-ой Всел. Соб., пр. 3; 4-ый Всел Соб., пр. 28) преимуществами чести: первое место занимал Рим, а за ним следовал Константинополь, имея те же привилегии как и древний Рим.

Девятый век оказался эпохой кризиса Вселенских Соборов, а вместе с ними и всего строя Древней Церкви. Расхождение между Римской Церковью и Восточными Патриархатами в принципах устройства церковной жизни и в особенности в отношении персонального и соборного начала восходят к давнему времени, но это расхождение особенно обострилось в 9-ом веке, когда Папами была сделана явная попытка стать верховным судьей и в делах всех Восточных патриархатов. Последние стали отстаивать свои прежние полномочия.

В спор были вовлечены Вселенские Соборы, но они оказались бессильны сгладить углубившееся разногласие. Три раза — в 861, 869 и 879 годах были созваны соборы, которые по своему характеру были Вселенскими: на них присутствовали представители и Восточных Патриархатов и легаты Римского Папы; их решения принимались с общего согласия представителей всех Поместных Церквей. Однако постановления ни одного из этих трех соборов не получили силу постановлений Вселенского Собора. Каждый последующий Собор отвергал и менял решение предыдущего; их постановления вскоре же по принятии их или прямо отвергались отдельными церквами или просто не воспринимались церковной практикой и не входили в жизнь.

В результате Соборы 861 и 879 г.г. были совершенно отвергнуты Римской Церковью и признаны только Восточными Патриархатами как их совместные Поместные Соборы, а собор 869 года признается только Римской Церковью как Вселенский Собор и отвергается всеми Восточными Патриархатами.

Неудача трех «Вселенских» по своему характеру соборов 9-го века показала, что в то время все древние церкви не мо-

гли совместно принять какого-либо общего решения, что внутренняя связь между Церквями оборвалась, и что Вселенские Соборы Востока и Запада утратил свою силу.

2. Когда отпала объединяющая власть древних Вселенских Соборов, Восточная и Западная части древней церкви начали уже в 10-ом веке жить как обособленные, независимые Церкви. События 1054 года с взаимными отлучениями (теперь уже отпавшими с 1961 г.) были наиболее ярким выражением все возрастающего отчуждения между Западом и Востоком, но не началом его. С 10-го века Восточная и Западная части Древней Церкви пошли в дальнейшем каждая своим особым путем.

Западная Церковь пошла по пути возвышения личнопо начала над соборным, подчинения Папе отдельных, более независимых епископских кафедр, установления непосредственной власти Папы над всеми епископами, борьбы с оживившейся в 15-ом веке идеей власти Соборов и завершилась установлением «папской непогрешимости».

В историческом развитии строя Восточной Православной Церкви замечается разница во внутренней организации отдельных поместных Церквей и в их внешних взаимоотношениях. Во внутренней жизни отдельных Поместных Церквей соборная структура всегда сохранялась. Менялись только ее формы. Иногда соборность крайне суживалась, но она все же сохранялась и никогда канонически не была заменена неограниченной единоличной властью Первоиерарха. Живая тенденция к расширению соборности приводила к замене узких форм более широкими. В отношениях же междуцерковных наблюдалось порою явное отступление от соборности.

3. Еще в Византийский период Восточной Православной Церкви (с 10-го века по 1453 г.) началось определенное возвышение власти Константинопольского Патриарха над другими Поместными Церквями, которые оказались в зависимости от него и попали под его контроль.

Византийская диархия высшей церковной власти, сосредоточенной в руках Императора и Патриарха, сделала Констан-

тинопольского Патриарха посредником между Императором и другими Восточными Патриархами. Это давало ему возможность влиять на назначение их и на отношение к ним Императора. Отпадение больших групп верующих вследствие догматических разногласий, следовавшие одно за другими нашествия персов, арабов, крестоносцев и турок сокращали размеры древних патриархатов Востока и разорили их. Константинопольский Патриарх должен был оказывать им всяческую возможную помощь, давать убежище гонимым, содействовать восстановлению и укреплению церковной жизни в остатках когда-то цветущих Церквей. Восточные Патриархи, сохраняя номинально свои прежние права, попали в зависимое положение от Константинопольского Патриарха и иногда поставлялись им и проживали в Константинополе как «титулярные патриархи».

Получив преобладающее положение среди древних патриархатов, Константинопольский Патриарх в то же время противился образованию новых самоуправляющихся и независимых церквей в широко раскинувшихся владениях Патриархата на Балканском полуострове и в Восточной Европе, главным образом среди славянских народов. Если политические условия, связывавшие судьбу Патриарха с судьбой Византийского Императора вынуждали его идти на уступки и признавать в разной степени независимость новых церквей, то пользуясь изменившимися условиями, он снова брал в свою юрисдикцию епархии когда-то независимой церкви. Такова была, например, судьба Болгарской Церкви (1235-1393). К моменту взятия Константинополя турками были на положении независимых церквей лишь остатки некогда большой Сербской Церкви (признанной в 1219 г.) и небольшая Охридская Архиепископия в Эпирском Деспотате. Конечно, можно объяснять действием благоприятствующих исторических причин и возникновение неравенства Сестер-Церквей с возвышением над ними власти Константинопольского Патриархата и сосредоточия исключительно в его руках права признания новых церквей, но во всяком случае это вовсе не соответствовало каноническим принципам эпохи Вселенских Соборов.

Доминирующее положение Архиепископа Константинополя — Вселенского Патриарха исключало функционирование Вселенских Соборов. Он правил всей Восточной Церковью при содействии своего Синода епископов, в заседаниях которого иногда участвовали на ряду с другими епископами патриархи отдельных Восточных Церквей. Постановления Синода при Вселенском Патриархе считались имеющими обязательную силу для всех Церквей.

После взятия Константинополя турками в 1453 году Константинопольский Патриарх был признан по воле Султана не только церковным Главою всех христиан Турецкой Империи, но получил также значительные административные и судебные полномочия в области их гражданских прав. Патриархи и епископы стали утверждаться в должности Султаном только по рекомендации Константинопольского Патриарха. Он контролировал все церковное управление. Епархии Сербской Церкви и Охридская Архиепископия также подпали под его контроль. Одно время освободившаяся Сербская Церковь (1558-1766) снова была включена в юрисдикцию Константинополя. По словам Г. Гианнакакис (впоследствии епископа Афинагора), Патриарх стал в действительности Папой Восточной Церкви ¹⁾.

4. Надобно, однако, иметь в виду, что это возвышение власти касалось только христиан Оттоманской Империи. Прежний Московский митрополичий округ Константинопольской Церкви, почти равный по объему остальной ее части, начал в 1448 году существовать как самостоятельная Церковь, сначала как самоуправляющаяся Митрополия, потом как Патриархат, смещенный в 1721 г. Синодальным Строем и снова восстановленный в 1917 году.

Оторванная персами и турками от общей церковной жизни Грузинская Церковь вошла в начале 20 века в юрисдикцию Русской Церкви. Поэтому в эпоху, следующую за Византийским периодом (т. е. с 1453 по 1833 год), и было собственно только две подлинно независимых Церкви. При наличии лишь

---

1) B. Giannakakis, *International Status of the Ecumenical Patriarch*, *The Greek Orthodox Theological Review*, 1956, XI, 2, pp. 12-13.

двух Церквей между ними могли быть сношения и соглашения по отдельным вопросам, содействие одной церкви другой, но не могло быть Вселенского Собора, который предполагает множественность Поместных Церквей.

Знаменательность следующего периода с середины 19-го до середины 20-го века (1833-1951) состоит именно в восстановлении первоначальной множественности независимых Поместных Церквей, как неперемennого условия для установления соборности в междущерковных отношениях. С разложением Турецкой Империи из нее начали выделяться новые национальные государства, и в них стали образовываться свои Поместные Православные Церкви. В 1833 году была провозглашена независимая от Константинопольского Патриархата Греческая Церковь и была признана им в 1850 г. В 1832 г. образовалась автономная, а в 1879 автокефальная Сербская Церковь. В 1864 г. возникла Румынская Церковь, а в 1922 Албанская, получившая признание Константинопольского Патриарха в 1937 г. По фирману Турецкого Султана Болгарская Церковь получила независимость в 1870 году. В 1917 г. восстановилась Грузинская Церковь, отделившись от церкви Русской. В 1924 году Константинопольский Патриарх признал автокефалию Польской Церкви. В 1951 г. была создана автокефальная Чехословацкая Церковь. Под влиянием Русского Правительства Высокая Порта предоставила в 1845 году Иерусалимской Церкви, а в 1899 г. Антиохийской Церкви право самостоятельно избирать своего Патриарха. В том же 1899 году Александрийский Патриарх начал избираться самими иерархами этой Церкви.

Таким путем восстановилась независимость от Константинополя и автокефальность этих древних Патриархатов. В результате этого процесса в середине 20-го века и было уже 14 автокефальных Церквей: Константинопольская, Александрийская, Сиро-Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Сербская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Греческая (Элладская), Грузинская, Албанская, Польская и Чехословацкая.

Помимо них были еще автономные церкви: Синайская и Финляндская.

II

1. С постепенным увеличением количества автокефальных Сестер-Церквей естественно начало возрастать стремление к укреплению наиболее тесных связей между ними. Начал восстанавливаться древний обычай посылки новым Предстоятелям Поместной Церкви известительной грамоты о занятии им престола данной Церкви и обмена взаимными пасхальными приветствиями Глав Церквей. Послания Первоиерархов отдельных Церквей друг к другу, их взаимные посещения, посылка делегаций, общие конференции Глав и представителей отдельных Церквей, все это явно свидетельствовало о все возрастающей общности жизни всей Православной Церкви.

Как завершение этого течения всплыл вопрос о созыве общего Собора всех православных Поместных Церквей. В радикально изменившихся условиях только он один мог соединить все отдельные Церкви в одно целое и быть верховной властью всего объединения Православных Поместных Церквей.

В связи с этим возникал важный практический вопрос: кем и где может быть созван общий Собор всей Православной Церкви? В Древней Церкви (с 4 по 9 век) Вселенские Соборы созывались Византийскими Императорами, под властью которого находились все области отдельных Поместных Церквей того времени. Византийский Император действовал при этом по предварительному соглашению главным образом с Патриархом Константинопольским и Папою Римским. В 20-ом веке, при все более и более укрепляющейся системе отделения церкви от государства и при явной враждебности отдельных Правительств к Церкви, настал момент, когда Православные Поместные Церкви, находящиеся в отдельных независимых друг от друга государствах, должны были сами общими силами устанавливать подробности проведения в жизнь соборного строя и осуществлять это начинание только своими силами.

Вопрос о праве созыва Православного Вселенского Собора тесно связывался с проблемой о наличии «первого» и старшего среди глав отдельных Поместных Церквей, кто мог бы, как во всяком объединении нескольких членов, организовывать совместные действия всех Поместных Церквей, пеших об общих интересах объединения их и поддерживать дальнейшее течение его жизни.

При решении всех такого рода вопросов Православные Церкви должны были руководствоваться, конечно, только церковными правилами. Из канонів Вселенских Соборов (2 Всел. Соб., пр. 3; 4 Всел. Соб., пр. 28) следовало лишь, что после разделения Церквей Константинопольский Патриарх имел прерогативу чести, как первый среди глав всех других Поместных Церквей. С пятого века он именовался также «Вселенским Патриархом», но титул этот основывался не на постановлениях Вселенских Соборов. Он нигде не упоминается в их канонах. Впервые титул «Вселенский» был усвоен Константинопольскому Патриарху Византийскими Императорами в их письмах к самому Патриарху и к главам других Церквей. Единственной церковной властью, которой был дарован этот титул, был Синод самой Константинопольской Церкви, который в 586 году провозгласил Архиепископа Константинополя, Нового Рима, Вселенским Патриархом.

Папа Римский энергично протестовал против этого титула. Однако он был усвоен другими Восточными Патриархатами, входившими тогда в состав Византийской Империи. Он не мог не признаваться всеми епархиями Константинопольского Патриархата, и он продолжал по традиции применяться и после того, как из определенного комплекса епархий Константинополя образовывались новые независимые Поместные Церкви. Каноническое значение «первенства чести» или «титула Вселенский» никогда не было точно определено церковной властью, авторитетной для всех Поместных Церквей. Полномочия «Вселенского Патриарха» определялись и изменялись политическими факторами. Как бы то ни было, титул «Вселенский Патриарх» воспринят практикой Православных Восточных Церквей, продолжает неизменно признаваться ими.

Окрепшие в 20-ом веке Поместные автокефальные Церкви смотрели на Константинопольского Патриарха как на первого среди равных глав автокефальных Церквей. В то же время у ряда древних и новых Поместных Церквей уважение к «Первому» иерарху соединялось с признанием высокого авторитета Русской Церкви, которая вместе с Русским Правительством много содействовала установлению их независимости, поддерживала их и сохраняла с ними дружественные отношения. К тому же некоторых из них сближали с Московским Патриархатом сходные условия существования в коммунистических государствах. Оказались таким образом два высоких авторитета в среде Поместных Церквей.

Балканская война 1912-1913 г.г. и Первая Мировая Война внесли существенные перемены в жизнь отдельных Поместных Церквей и надолго прервали все попытки осуществить объединение их. Но затем эта идея возросла с новой силой, и подробности устройства общей жизни Православной Церкви стали постепенно выясняться как в порядке церковной практики, так и теоретически.

2. Инициативу в осуществлении созыва Собора взял на себя Глава Константинопольской Церкви, как Патриарх Вселенский. Вскоре же после окончания Первой Мировой войны в 1923 году им был поднят вопрос о созыве Вселенского Собора в Константинополе. Но ввиду возражений со стороны некоторых других Поместных Церквей проведение в жизнь этого плана пришлось отложить на некоторое время. В это время Русская Церковь была под бременем тяжких небывалых гонений и фактически не могла участвовать во Вселенском Соборе. Собор же без Русской Церкви, явно, не мог иметь Всеправославного значения. После неудачи этой попытки Вселенский Патриарх решил созвать, в качестве подготовительной меры, Межправославную Комиссию богословов, которая должна установить основные вопросы, подлежащие соборному решению. Конференция собралась в 1930 г. на Афоне. Составленный ею список вопросов был затем одобрен Св. Синодом при Константинопольском Патриархе.

После Второй Мировой войны Русская Церковь успела несколько оправиться от пережитых преследований. В ней было уже восстановлено центральное управление с Патриархом во главе. В 1945 г. в Москве должен был состояться Собор для избрания нового Патриарха, и на этот собор, по примеру Церковных Соборов Московского Царства, были приглашены представители других Православных Церквей. Впервые в истории на Соборе в Москве присутствовали представители 8 автокефальных Православных Церквей: Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской, Сербской, Румынской и Грузинской. Присутствовали также делегаты Церквей Польской и Албанской. Открывая собрание в качестве Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополит Алексей говорил: «По величию собрания и по составу собравшихся это — по истине Вселенский Собор, ибо здесь, можно сказать, вся Православная Святая Соборная Апостольская Церковь. Но мы смиренно ограничиваем свои полномочия и будем обсуждать и решать дела лишь Русской Православной Церкви». Он имел в виду принятие нового Положения об управлении Русской Церкви и избрание нового Патриарха. Но в его словах уже проскальзывало желание Русской Церкви иметь Вселенский Собор именно в Москве и чувствовать себя в центре Православных Церквей.

Хотя первенство чести доселе признавалось за Архиепископом Константинополя, но новый Московский Патриарх Алексей все же не оставил мысль сделать Москву центром Православного единения. Вскоре после 1945 г. делегации Русской Церкви были направлены в Югославию, Румынию и Болгарию. Москву посетили делегации ряда Поместных Церквей, в том числе — Албании и Польши. Сам Патриарх Алексей посетил Патриархов Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского.

Воспользовавшись приближением 500летия автокефалии Русской Церкви, Патриарх Алексей разослал приглашения на торжество Главам всех других Поместных Церквей. В Москве собрались представители еще большего количества Церквей,

чем в 1945 г. Прибыли Патриархи Сербский и Румынский, Католикос Грузии, Экзарх Церкви Болгарской, делегаты Церквей Антиохийской, Польской, Албанской и Королевства Греческого. Александрийская Церковь поручила представлять ее на торжествах делегации Церкви Антиохийской. Присутствовали также на правах почетного гостя Католикос Патриарх всех Армян и делегаты некоторых частей Русской Церкви за границей. Константинопольский Патриарх также счел нужным послать своего представителя на торжество в Москве, Митрополита Тиатирского Германоса. По своему составу собрание могло бы функционировать в качестве Всеправославного Собора. Московское Патриаршее Управление действительно предполагало помимо празднования 500-летнего юбилея представить на решение собрания также некоторые вопросы общецерковного характера: о церковном календаре, об отношении Православной Церкви к Ватикану и к Экуменическому движению. Но Москве не удалось осуществить эти планы. Представители Церквей Константинопольской и Греческой принесли свои приветствия на первых торжественных заседаниях, но отказались обсуждать какие-либо другие вопросы, ссылаясь на то, что они не получили на это полномочия от своих Церквей.

Представитель Вселенского Патриарха и поддерживавший его делегат Греческой Церкви отбыли из Москвы. Они, видимо, не хотели, чтобы Московское собрание получило характер Вселенского Собора. Они могли быть против этого не только потому, что собрание было созвано не самим Вселенским Патриархом, а Главой одной из Поместных Церквей, но также и потому, что на нем участвовали представители Польской и Албанской Церквей, каноничность которых не признавалась Вселенским Патриархом. Кроме того, в то время, как одни поставленные на повестку вопросы (о церковном календаре, о действительности англиканского рукоположения) носили церковный характер, решение других вопросов: об отношении Православной Церкви к Ватикану и Экуменическому движению связывалось с международно-политическими тенденциями Советского Правительства.

Действительно, постановления Совещания ставили в виду «Крепости католицизма — Ватикану» и Экуменическому движению (с преобладающим влиянием в нем протестантских Церквей) не только вероучительные нарушения, но и стремление использовать церковь в интересах политической борьбы. В деятельности Ватикана и Экуменического движения усматривалась тенденция разжигания новой войны капитализма против «мировой демократии» т. е. против коммунистических «народных демократий» ²⁾).

Это явно шло в разрез с стремлением Константинопольского Патриарха к объединению всех христианских церквей. В Окружном Синодальном Послании 1902 и в особенности — в Послании 1920 года, адресованном «Ко всем Христианским Церквам где бы они ни были» ³⁾, он настаивал на необходимости установить тесные отношения и взаимное понимание отдельных Христианских Церквей «несмотря на различия в их вероучении» и призывал к образованию Лиги Церквей на подобие Лиги Наций. Обе Церкви — Константинопольская и Королевства Греческого раньше уже примкнули к Экуменическому движению. Обе они были вне коммунистического блока Восточной Европы, находясь в странах, которые Московским Совещанием причислялись к «капиталистическим». Для обеих такие политические тенденции были неприемлемы.

Постановления, принятые Московским Совещанием глав и представителей автокефальных Поместных Церквей в связи с празднованием 500-летнего юбилея автокефалии Русской Православной Церкви, получили, вследствие отъезда делегаций Церквей Константинопольской и Греческой, силу лишь решений Совместного Поместного Собора нескольких Православных Церквей и лишены, конечно, всеправославного значения. Попытка созвать в Москве Вселенский Собор Право-

---

2) "Деяния Совещания Православных Церквей 1948 г. в Москве, Москва 1949 год, т. 2, стр. 426-436; 450-452.

3) Rev. Leonidas Contos. "Guidelines for the Orthodox in Ecumenical Relations", published by the Standing Conference of Canonical Orthodox Bishops, 1966, N. Y. pp. 8-12.

славной Церкви помимо Вселенского Патриарха не удалась. Но идея такого Собора не могла заглухнуть.

3. Через два года Вселенский Патриарх Афинагор решительно принялся сам за подготовку созыва Православного Вселенского Собора. Но тут ему пришлось встретиться с трудностями двоякого рода. Во-первых, он не мог, как Папа, предписать Главам Поместных Церквей явиться на Собор, а мог только приглашать их. Добиться же их общего согласия оказалось делом нелегким. Во-вторых, Вселенскому Патриарху пришлось считаться с мнением автокефальных Поместных Церквей и при решении вопроса о том, какие именно Поместные Церкви должны быть привлечены к участию в Соборе.

Посланием от 12 февраля 1951 года Вселенский Патриарх запросил мнения Поместных Церквей о созыве Предсоборного Совещания, которое должно подготовить созыв самого Собора. Ответы пришли мало благоприятные. Согласно им созыв Предсоборного Совещания в ближайшее время оказывался крайне затруднительным. Тогда, 25 сент. 1952 г. Патриарх Афинагор отправил новое послание, в котором просил Поместные Церкви начать подготовку к Собору путем предварительной разработки подлежащих обсуждению вопросов и препроводил, при этом перечень тем, составленных Межправославной Комиссией на Св. Горе (Афон) в 1930 г. Начались долгие и оживленные переговоры.

В особенности важен был ответ Московского Патриарха Алексия, который последовал только спустя пять месяцев, именно 7 марта 1953 г. ⁴⁾. Патриарх Алексей не оспаривал права Вселенского Патриарха созывать Вселенские Соборы, но ставил свое участие в подготовительной Всеправославной Конференции в зависимость от выполнения ряда условий, сводящихся к устранению «доселе неулаженных моментов во взаимоотношениях» между Константинопольской и Русской Церквями. Источником этих расхождений было различие во взгля-

---

4) Журнал Московской Патриархии, 1953, № 5, стр. 4-8.

дах на права Вселенского Патриарха и других Поместных Церквей, в особенности Матери-Церкви по отношению к новым церковным объединениям.

После того как с окончанием Первой Мировой войны начались тяжкие преследования Русской Церкви коммунистическим правительством, настал момент, когда от нее так же, как от Константинопольской Церкви при разложении Турецкой Империи, начали отпадать ее спархии, оказавшиеся во вновь образовавшихся государствах. Здесь стали создаваться новые Поместные Церкви. К Константинопольскому Патриарху стали направляться просьбы о признании их. Архиепископ Константинополя, согласно его пониманию прав Вселенского Патриарха, охотно оказывал им покровительство и, давая им в разной степени самоуправление, оставлял их все же в сфере своей юрисдикции. С точки зрения Московского Патриарха только Собор Епископов Матери-Церкви имеет право даровать какой-либо ее части автономный или автокефальный статут и определять судьбу отделившихся от нее церковных групп. Между тем Константинопольский Патриарх принял под свою власть прежний Западно-Европейский Митрополиций округ Русской Церкви как его Экзархат и поддерживал сношения с некоторыми другими частями Русской Церкви, отделившимися от нее.

В 1923 году Константинопольский Патриарх признал автономными Церкви Финляндии и Эстонии на особых условиях. Главы их должны подлежать утверждению Вселенским Патриархом, епископы имеют право апелляции к Патриарху, имя Патриарха должно упоминаться Главою Церкви при богослужении (что обычно считается выражением признания его верховенства), миро должно получаться из Константинополя (и оплачиваться), учение и каноны Православной Церкви должны безусловно соблюдаться и при том так, как они признаются в практике Вселенского Патриархата. Через 13 лет, в 1936 году Константинополь признал автономной также Церковь Латвийскую. В 1924 году Вселенский Патриарх даровал «автоке-

фалию» Церкви Польской. Она получила право избирать своего Главу — Митрополита Варшавского и всей Польши и решать независимо свои внутренние дела. Однако Митрополит Варшавский обязывался извещать Вселенского Патриарха о своем избрании, упоминать его имя при богослужении, получать от него мирю, обращаться к его посредству при сношении с другими церквями по вопросам общецерковного характера и считать его юрисдикцию стоящей выше юрисдикции Польской Церкви ⁵⁾. Главой Польской Церкви был избран Митрополит Дионисий, принадлежавший ранее как и все другие польские епископы к Русской Церкви. Патриарх Мелетий V «благословил» это избрание. В ближайшие 1925 и 1926 г.г. автокефалия Польской Церкви была признана церквями Александрии, Сербии и Греции.

Русская Церковь не признала ни автономии Финской, Эстонской и Латвийской Церкви, ни «автокефалии» Церкви Польской, дарованные им Вселенским Патриархом. К этим разногласиям прибавилось еще глубокое расхождение по вопросу об образовании Церковью Чехословацкой и Албанской.

В 1951 году Московская Патриархия признала «автокефалию» Чехословацкой Церкви, которая образовалась из Пражской русской эмигрантской епархии, из бывших униатских епархий, соединившихся с Москвой в 1950 г., из Чешской Православной Церкви и из Чешско-Моравской епархии Сербской Церкви, переданной ею затем в юрисдикцию Русской Церкви. «Автокефалия» Чешской Церкви была провозглашена Московской Патриархией без какого бы то ни было сношения с Вселенским Патриархом, но с новой сестрой вступили в канонические общения Александрийская, Антиохийская, Грузинская, Румынская и Болгарская Церкви. Вселенский Патриарх не признал этой новой автокефальной Церкви.

После Балканской войны 1912-1913 г.г. Албания сделалась независимым государством и в 1922 г. Национальный

---

5) А. Святич — "Православная Церковь в Польше и ее автокефалия", Буэнос-Айрес 1959, стр. 46-49.

Православный Конгресс в Беране (Дураццо) провозгласил Албанскую Православную Церковь независимой от Константинополя. В трудных и изменчивых политических условиях (переворот Ахмеда Зогу) несколько раз менялся состав Правящего Синода, но он всегда настаивал на признании автокефалии Албанской Церкви. Наконец в 1937 г. Константинопольский Патриарх провозгласил ее автокефальной и признал тогдашний состав Епископского Синода. Вскоре после Второй Мировой войны власть в Албании перешла в руки коммунистического правительства. Оно не могло наладить желательных для него отношений с Синодом из епископов, утвержденных Константинопольской иерархией.

Делегация албанских епископов, относящихся дружественно к новому правительству, представляла Албанскую Церковь на Московской Конференции 1948 года. В 1949 г. из числа этой группы епископов был организован, с согласия коммунистического правительства, новый Синод. Он был без промедления признан Московской Патриаршей властью, но Константинопольский Патриарх отказался признать новый состав Синода и не вступил с ним в каноническое общение.

Московская Патриархия сумела практически лишить силы некоторые из оспариваемых ею актов Вселенского Патриарха. После Второй Мировой войны демократические республики Эстонии и Латвии превратились в Союзные Советские Социалистические Республики ССР. Церкви Эстонии и Латвии оказались присоединенными к Русской Церкви, утратили свою автономию и превратились в епархии Московской Патриархии.

Автокефалия Польской Церкви, дарованная ей Константинопольским Томосом 1924 года, была лишена значения в ином порядке. Правительство Польской демократической республики, поддерживавшее автокефальный строй Польской Церкви, было после Второй Мировой войны, также заменено правительством коммунистическим, дружественным Советскому Союзу. При изменившихся отношениях с Польшей Московский

Патриарх сместил с должности Главу Польской Церкви — Митрополита Дионисия, лишил его сана, а также литургического и канонического общения с Русской Церковью за его действия против нее. Управление Польской Церковью перешло к Правящей Коллегии из нескольких епископов. Эта Коллегия направила в Москву ходатайство о даровании автокефалии. Московский Патриарх Алексей с Собором Епископов, действуя по праву Матери-Церкви, даровал Польской Церкви, вместо ее прежней «неканонической и недействительной», автокефалию полную без каких-либо ограничений, предусмотренных в Томосе 1924 г. Патриарх Афинагор пытался истолковать дарование автокефалии Московским Патриархом как присоединение Москвы к признанию Польской автокефалии, дарованной ей Константинополем, и полагал, что теперь Митрополит Дионисий должен быть восстановлен в должности Главы Польской Церкви. Московский Патриарх отверг это предложение, как вмешательство в дела независимой Польской Церкви и вообще отрицал право Вселенского Патриарха даровать автономии какой-либо церкви, которая не находилась в юрисдикции Церкви Константинопольской. Главой Польской Церкви был поставлен Митрополит Макарий, но Константинопольский Патриарх не вступил с ним в каноническое общение⁶⁾.

Несмотря на то, что Москве удалось восстановить некоторые утраты, оставался еще ряд «неулаженных» вопросов. Поэтому Московский Патриарх Алексей в своем послании 7 марта 1953 г. и заявил решительный протест против ряда актов Константинопольского Патриарха.

Что касается принятия в юрисдикцию Константинопольской Церкви «Западно-Европейского Православного Русского Экзархата» и Финской епархии Русской Церкви с дарованием ей автономии, то Московская Патриархия квалифицировала эти акты как «противные канонам и преданию Церкви», «незаконные и недружелюбные», как беспрецедентное дотоле вмешательство одной Поместной Церкви в область церковного

---

6) Журнал Моск. Патриархии, 1950, № 8, стр. 8, 9, 40-51. А. А. Богомолов — "Церковь под властью коммунизма". Мюнхен, 1958, стр. 163-165.

управления другой Поместной Церкви, поэтому он настаивал на «восстановлении канонического порядка», т. е. на возвращении Западно-Европейского Экзархата и Финляндии в юрисдикцию Русской Церкви.

Патриарх Алексий выражал также крайнее удивление по поводу того, что Константинопольский Патриарх отказывается от канонического общения с Высшим Управлением Польской Церкви, получившей автокефалию от своей Матери-Церкви Русской. Кроме того Московский Патриарх считал настоятельно необходимым, чтобы Вселенский Патриарх, в интересах поддержки Православия в борьбе с Католицизмом, признал автокефалию Церкви Чехословацкой, дарованную ей Собором Епископов Русской Церкви и признанную рядом других Поместных Церквей. К этому присоединено было еще одно условие: вступление в каноническое общение с существующим Правительством Албанской автокефальной Церкви, поставленным Московской Патриархией. Патриарх настаивал также на прекращении Константинополем «молитвенного (литургического) и канонического общения» с отделившимися от Русской Церкви «Северо-Американской Митрополией» и «Русской Православной Церковью за-границей (т. е. Синодальной Церковью). Равным образом он считал требованием справедливости восстановление прежних отношений между Русской Церковью и ее монастырями на Святой Горе Афоне.

Если Московский Патриарх не мог собрать Вселенского Собора помимо Константинопольского Патриарха, то и Константинопольский Патриарх ставился теперь в такое положение, что созываемая им Всеправославная Конференция могла состояться только ценою изменения некоторых его актов, которые он считает входящими в его компетенцию как Вселенского Патриарха.

4. Созыв Предсоборного Совещания вызвал оживленную переписку между Первоиерархами Поместных Церквей, их взаимные посещения, посылку делегаций одной Церкви к другой. В Москву приезжали Патриархи Александрийский, Ан-

тиохийский, Румынский и Сербский. Все они при отъезде подчеркивали выдающуюся роль Русской Церкви в деле укрепления Православия. В 1955 г. в Москве было устроено новое «Совещание Глав и Представителей автокефальных Православных Церквей», хотя и менее многочисленное, чем совещание 1948 г. Пока велись переговоры, возникло новое острое и тягостное разногласие между Поместными Церквями и Вселенским Патриархом из-за восстановления Бюлгарского Патриархата.

Болгарская Церковь была установлена фирманом Турецкого Султана 1870 г. в качестве особого «экзархата» в пределах Турецкой Империи. При выделении ее из Константинопольской Церкви все же сохранялась некоторая связь ее с Вселенским Патриархом. Резиденция вновь избранного Болгарского Экзарха и его Синод находилась на окраине Константинополя (Орти-Кей). Вселенский Патриарх отказался признать этот декрет Турецкого Правительства, так как он был издан без предварительного совещания с ним, вторгся во внутренние дела Церкви и противоречил каноническому правилу о том, что в одном городе не могут быть два епископа (1 Всел. Соб., пр. 8). Переговоры между болгарами и Патриаршим управлением оказались безрезультатными. С 1872 г. Болгарская Церковь стала существовать в качестве совершенно независимой. Собор греческих епископов с участием Патриархов Александрийского и Антиохийского, а также Архиепископа Кипрского осудил Болгарскую Церковь за «филетизм», т. е. за раздор и разъединение в церкви на основе национализма и прервал каноническое общение с нею. Иерусалимский Патриарх был несогласен с этим решением. Русская и Сербская Церкви отказались участвовать на Соборе 1872 г. Раздор между Константинопольской и Болгарской Церквями продолжался. Он не прекратился и после того, как большинство болгарских епархий оказались с 1878 года в пределах обособленного Болгарского княжества. Схизма продолжалась до 1945 г., т. е. 73 года, когда при посредничестве Московского Патриарха, Болгарская Церковь была признана Вселенским Патриархом в качестве автокефальной.

Болгары были этим, однако, неудовлетворены. Они стремились к восстановлению прежнего Болгарского Патриарха (1235-1393), который, после покорения Второго Болгарского Царства турками, попал под власть Константинопольского Патриарха. Видя явное несочувствие этому плану со стороны Вселенского Патриарха, Болгарская Церковь решила восстановить свое Патриаршее достоинство по собственной инициативе. Чтобы получить признание патриаршества другими Поместными Церквями, Болгарский Синод разослал всем им, в том числе и в Константинополь, приглашение прислать своих представителей для участия в интронизации нового Патриарха Болгарской Церкви. В назначенное время прибыли в Софию представители Поместных Церквей. Представителя Константинопольской Церкви однако не было.

Вскоре прибыло послание Вселенского Патриарха Афинагора, в котором присвоение Болгарской Церковью себе Патриаршего достоинства и чести по собственной воле квалифицировалось как уклонение от существующего канонического и церковного порядка. Искать у Первоиерархов Православных Церквей возвышения до Патриаршего достоинства Болгарская Церковь должна была, согласно посланию, «через нас» т. е. через Вселенского Патриарха, и при этом она должна предварительно проявить зрелость ее церковной жизни и непреклонную верность и преданность церковным установлениям и каноническим принципам. Болгарский Синод в ответном послании отстаивал право Болгарской Церкви восстановить бывший патриархат⁷⁾.

Несмотря на отказ Вселенского Патриарха признать Болгарский Патриархат, он был признан Церквями Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Русской, Румынской, Грузинской, Польской и Чехословацкой. У Вселенского Патриарха образовался конфликт с большинством Поместных Церквей. Это резко затормозило дело созыва Предсоборного Совещания и определение состава его участников.

---

7) Църковен Вестник, 1954, № 2-4, стр. 1-6.

A. Bogolepov — Toward an American Orthodox Church, N. Y. 1963, pp. 41, 42.

5. Как тяжело ни наслоились одно на другое препятствия к созыву Предсоборного Совещания, дух соборности Православной Церкви в конце концов преодолел их.

На заднем фоне возникших осложнений стояло отрицательное отношение к Экуменическому движению, провозглашенное Московским Совещанием 1948 г. Участие в нем Вселенского Патриарха рассматривалось как нарушение единства православия, препятствующее созыву Предсоборного Совещания. Московское Патриаршее Управление стало центром, объединяющим деятельность Православных Церквей «народных демократий» в деле «борьбы за мир» в коммунистическом понимании его. Представители Московского Патриархата вошли и в Международный Совет Мира, стоявший под влиянием коммунистических стран. Экуменическое движение привело в 1948 году к образованию «Всемирного Совета Церквей», который вызвал определенно отрицательное отношение со стороны Русской и некоторых других Православных Церквей. Теперь противостояли друг другу Международный Совет Мира и Всемирный Совет Церквей. Однако через несколько лет отношение Московского Патриарха к экуменическому движению и «Всемирному Совету Церквей» стало меняться. Вероятно, результаты «борьбы за мир» в Международном Совете Мира, оказались недостаточно удовлетворительными. Начались сношения Русской Церкви с «Национальным Советом Церквей» в Америке, переговоры, поездки делегаций. В 1956 г. последовало заявление, что Русская Церковь может пересмотреть свое отношение к Всемирному Совету Церквей, но лишь с согласия других Православных Церквей. В самом конце 1960 г. Патриарх Алексий совершил большую поездку по Востоку. В начале 1961 г. Русская Церковь заявила о своем желании вступить в Всемирный Совет Церквей. Ее примеру последовали Румынская и Болгарская. Не порывая связи с коммунистическим Международным Советом Мира, Русская Церковь вместе с некоторыми другими Православными Поместными Церквями вошла в состав Всемирного Совета Церквей с целью отстаивать и здесь свои идеи. В связи с этим протест Москвы против уча-

ствия в нем Церквей Константинопольской и Греческой отпадал сам собой. Разногласие в этом деле устранилось.

В сложном вопросе о признании отдельных Церквей начал налаживаться некоторый компромисс.

В связи с возникновением трений между Советским Союзом и Албанией Московский Патриарх, видимо, не особенно настаивал на допущении представителей Албанской Церкви на Соевещание. В отношении ее Вселенский Патриарх выставил требование, чтобы она предварительно вошла в контакт с ним и выполнила необходимые канонические правила признания ее Высшего Церковного Управления. Далее, в 1958 г. Русская Церковь признала «автономию» Финской Церкви, дарованную ей в 1923 г. Вселенским Патриархом, причем несколько отдельных приходов в Финляндии остались в непосредственной юрисдикции Русской Церкви. В силу исторических и географических условий Финляндская Церковь все же оказывается внутренне ближе к Русской, чем к Константинопольской Церкви. В отношении «Западно-европейского Русского Экзархата» Вселенский Патриарх, видимо, проявил склонность к передаче его обратно Русской Церкви. Последующие события подтверждают это предположение. В виду того, что Западно-Европейский Экзархат не выразил никакого желания добровольно перейти в юрисдикцию Русской Церкви, Патриарх Афинагор в 1965 году отказался от дальнейшего покровительства Экзархату и предложил ему возвратиться в лоно Русской Материнской Церкви. Что касается Американской Митрополии и Синодальной Церкви, то вопрос о них, видимо, оставался открытым.

Роковым препятствием продолжал быть вопрос о признании Польской и Чехословацкой Церквей и в особенности — Болгарского Патриархата. Без разрешения его созыв Всеправославного Соевещания явно становился проблематическим. Наконец, в 1960 году Вселенский Патриарх решил признать новый автокефальный статут Польской Церкви и согласился на допущение делегации Чехословацкой Церкви на Всеправославное Соевещание. В порядке переговоров с Болгарской Церковью

вью найден был путь смягчить остроту конфликта. В 1961 г. было признано Вселенским Патриархом и Патриаршее достоинство Первоиерарха Болгарской Царкви. Представители этих трех дружественных Русскому Патриархату Церквей (Польша, Чехословакия и Болгария) могли стать таким образом полными членами всех предстоящих Соевещаний и Вселенского Собора Православных Церквей.

Путь к единению был очищен. Все Поместные Церкви выразили согласие на участие в Предсоборном Соевещании.

III

1. Одновременно с практической подготовкой созыва Православного Вселенского Собора возрос в церковной печати интерес к основным проблемам будущего соборного строя, который должен был создаваться в совершенно изменившихся исторических условиях, и из столкновения мнений начали постепенно выясняться его черты. В особенности остро обсуждался вопрос о правах Вселенского Патриарха.

В 1950 году Константинопольский Патриарх обратился «ко всему священному клиру и к христоименному народу Церкви» с особым Посланием, определяющим положение и роль Вселенского Патриарха в Православной Церкви.

«Церковь св. Апостола Андрея Первозванного является», по словам этого Послания, «центром, в котором соединяются и содержатся все по местам и странам существующие... автокефальные Православные Церкви». «Только через нее, т. е. через общение и контакт с нею отдельные Православные Церкви, связаны в тело Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви», главой которой является Иисус Христос. Как центр и «стальная твердыня» Православия, «Константинопольская Церковь берет на себя заботу и попечение о других Сестрах-Церквах каждый раз, когда необычные обстоятельства требуют доброго и правильного окормления христианского народа

в них». Соответственно кафедра Патриарха Константинопольского именуется «Вселенской Кафедрой» и Константинопольский Патриархат — «Вселенским Патриархатом»⁸⁾.

Идеи Патриаршего Послания 1950 года получили дальнейшее разъяснение и толкование их в официозе Греческой Церкви "Apostolos Andreas"⁹⁾. Статья, носившая, видимо, официальный характер, имела в виду прежде всего уяснить «духовное значение» и «моральную силу» Вселенского Патриарха, а затем (не совсем последовательно) выводит из чисто морального начала юридические права и преимущества Вселенского Патриарха, ссылаясь частично на церковную практику. Из той идеи, что Вселенский Патриарх является духовным центром единства Православия, выводятся его права председательства во всей Православной Церкви. Далее, той же идеей «центра» обосновывается право Патриарха давать по его собственной инициативе советы и указания отдельным Православным Церквям в тех случаях, когда нарушается нормальное течение церковной жизни. При обстоятельствах исключительных, требующих необычного вмешательства высшей церковной власти, Вселенский Патриарх может даровать автокефалию и автономию церквям во вновь образовавшихся государствах, а равно принимать временно под свое покровительство церковные меньшинства эмигрантов, находящихся вне пределов Матери-Церкви. Наконец, Вселенский Патриарх, как центр Православного исповедания, признается «истолкователем», «свидетелем» и «хранителем» Православия, в особенности по отношению к другим вероисповеданиям. При этом особо отмечается роль Вселенского Патриарха в экуменическом движении.

Эти широкие определения нашли себе более точную формулировку в уже упоминавшейся статье Б. Гианнакакис (ставшего впоследствии Митрополитом Тиатирским и Великобританским) о «международном положении Вселенского Патриар-

---

8) Выдержки из Послания и обсуждение их — см. А. Шмеман "Вселенский Патриарх и Православная Церковь" — "Церковный Вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата", 1951, № 1, стр. 3, 4).

9) Октябрь-Ноябрь 1954 г.; см. "Istina", 1961-1962, стр. 321-328).

хата»¹⁰). В этой статье значение титула «Вселенский Патриарх» усматривается прежде всего в том, что Архиепископ Константинополя, Нового Рима, является Примасом (Первоиерархом) всех христианских православных Церквей. В качестве такового он ведет сношения с Главами автокефальных Православных Церквей по всем вопросам вероучения, христианской нравственности и церковного права, причем воззрения и авторитет Вселенского Патриарха имеют преимущественное значение в этих делах. Наконец, единственно Вселенскому Патриарху принадлежит в Православии право созывать, в согласии с другими Церквями, Всеправославные Конференции, подготовительные совещания и Вселенские Соборы. В ряде других работ Вселенский Патриархат характеризуется, как «Всеправославное установление», и подчеркивается его «духовные преимущества», а самому Патриарху усваивается титул «Духовного Вождя» (“Spiritual Leader”) православных христиан¹¹).

2. Этой точке зрения на прерогативы Константинопольского Патриарха противопоставлялась, однако, другая — главным образом в прессе Русской Церкви. Представление о Вселенском Патриархе, как о «центре Православия», без связи с которым нельзя принадлежать к Православной Церкви, решительно отвергалось, как противоречащее принципу равенства всех автокефальных поместных Церквей. Православная Церковь, по словам иеромонаха Софрония, «не только никогда не имела никакого центра, но эта теза (идея) разрушает в корне равночестность Церквей по образу Пресв. Троицы». Одна из Поместных Церквей не может возвышаться над всеми другими, как их связующий центр. «Соединены Православные Церкви не каким-нибудь иерархом или местом (Римом, Константинополем или Иерусалимом), а единством вероучения, союзом любви, единой Чашей и каноническим строем»¹²).

---

10) Basil Giannakakis. “The International Status of the Ecumenical Patriarchate”. — “The Greek Orthodox Theological Review”, 1956, Vol. II, No. 2, pp. 10 ff.

11) A. Spatharis. “The Ecumenical Patriarchate”. Athens, 1959, pp. 11, 12; Th. Aghinides. “The Ecumenical Patriarchate of Constantinople”. New York, 1961, p. 9.

12) Иеромонах Софроний. “Единство Церкви по образцу единства Св. Троицы” — “Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата”, 1950, № 2-3, стр. 8 сл.

Право пользоваться титулом «Духовного Вождя» Православного христианства и «говорить от имени всей Церкви» было подвергнуто критике в редакционной статье журнала «Единая Церковь», официального органа Экзархата Русской Православной Церкви в Америке (1953, № 11-12, стр. 16, 17). В статье этой подчеркивается, что Православие не знает никакого духовного вождя, кроме Господа Иисуса Христа, Которого и именует «Пастыреначальником»; что Константинопольский Патриарх может говорить от имени всей Церкви в такой же степени и с таким же правом, как и всякий Православный Епископ, но обязательным для всего Православия всегда был и будет лишь голос Вселенских Соборов». Считая, что канонами Вселенских Соборов за Константинопольским Патриархом признана только первенство чести, орган Экзархата Русской Церкви в Америке сводит эти привилегии до крайнего минимума: «возглавление богослужения в случае совершения его несколькими патриархами» и «председательствование при открытии Вселенского Собора», а не на его заседаниях.

Отдельные канонисты (как профессор С. В. Троицкий) указывали на то, что в настоящее время отпали те основания, на которых Архиепископу Константинопольскому было предоставлено Вселенскими Соборами первенство чести; потому это первенство может быть отменено¹³⁾. Это первенство основывалось на положении Константинополя, как горюда Императора и Сената. После же того, как Константинополь утратил свое прежнее положение «Нового Рима» и стал провинциальным городом Турецкой Республики, переименованным в Истанбул, Константинопольский Патриарх, как епископ Истанбульский, может считаться утратившим свои прежние права на первенство чести.

3. Попытки отвергать первенство чести Константинопольского Патриарха на том лишь основании, что Константинополь превратился в Истанбул, конечно, никак не могут изме-

---

13) "Экклезиология Парижского раскола" — "Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата", 1951, № 7-8, стр. 17-18; "О единстве Церкви". *Messenger de l'Exarchat du Patriarche Russe en Europe Occidentale* 1957, № 26.

нить то по факта, что город, с которым в 4-ом и 5-ом веках было связано дарование Патриарху особых прерогатив, есть и теперь в 20-ом веке, тот же самый город, что и прежде. В сознании Отцов Вселенских Соборов Константинополь был не только «Новым Римом» на Востоке, породом Императора и Сената, но и городом с широко развитой церковной жизнью и одним из центров богословской мысли. Нельзя забыть и больших заслуг Константинопольской Церкви в деле распространения Православия, развития церковной мысли и защиты Православия в последующие века. Пусть Константинополь переименован в Истанбул, но этим не прерывается каноническое значение его для Православных Церквей. Прерогативы первенства чести, дарованные Вселенскими Соборами, могут быть отменены или изменены только Православным Вселенским Собором. Пока же этого не сделано, преимущества чести сохраняются в своей силе. Титул «Вселенского Патриарха», созданный церковной практикой, продолжает по-прежнему признаваться Поместными Церквями.

Можно все же сомневаться в оправданности термина «Вселенский Патриархат». С первого взгляда этот термин кажется совершенно естественным и логическим: если есть «Вселенский Патриарх, то должен быть и «Вселенский Патриархат». В действительности же каждый патриархат является Поместной Церковью, возглавляемой иерархом, носящим высший иерархический титул «Патриарха». Каждый патриархат входит вместе с другими автокефальными церквями в объединение всех Православных Поместных Церквей. Каждая из них имеет свои территориальные границы. Термин «Вселенский Патриархат» означает возглавляемую Патриархом Церковь, которая охватывает всю «вселенную», т. е. весь Православный мир, и таким образом вмещает в себя все Православные Поместные Церкви. Как это небольшая по своим размерам Поместная Константинопольская Церковь может быть в то же самое время и Церковью всей вселенной, поскольку последняя заселена православными? Каким образом часть может быть одновременно и целым? Понятия: «Поместная Церковь» и «Вселенская Церковь» несовместимы. Титул «Вселенский Патриарх» обознача-

ет лишь особое, преимущественное личное положение Константинопольского Патриарха среди Глав других Поместных Церквей. Перенесение термина «Вселенский» с личности Патриарха на весь Константинопольский патриархат является неоправданным. При ближайшем рассмотрении термина «Вселенский Патриархат» он оказывается содержащим в себе "contradictio in adjecto" и является внутренне противоречивым понятием.

Критики новой расширенной формулировки прав Вселенского Патриарха правы в том отношении, что полномочия, на которые он претендует, не являются отражением только первенства «чести», установленного Вселенскими Соборами, а переходят из прерогативы чести в прерогативы власти. Но было бы ошибочным считать все без исключения заявления о прерогативах Вселенского Патриарха необоснованными лишь потому, что они не упоминаются в канонах.

Нужно дать себе ясный отчет в том, что в объединении группы Православных Сестер-Церквей необходимо должен иметься представитель единоличной власти, который мог бы проводить в движение сложную структуру этого объединения и поддерживать ее нормальное функционирование. Одни преимущества чести, да еще сведенные к крайнему минимуму, не имели бы никакого практического значения для объединения деятельности всех Православных Церквей. Вопрос этот гораздо шире. Он не ограничивается одним порядком созыва Вселенского Собора. Он включает в себя и определение роли Вселенского Патриарха во время заседаний Собора и в междусоборное время.

Православная Церковь всегда знала первого епископа в каждой области (митрополита, архиепископа, патриарха), знала первого епископа и во Вселенской Церкви ¹⁴⁾. Надлежащие права естественно могут исполняться первым среди иерархов всех Поместных Церквей — Патриархом Константинопольским.

---

14) А. ШМЕАН. "О нео-папизме" — Церковный Вестник Западно-Европейского Русского Экзархата, 1950, № 5, стр. 16; И. Ф. МЕЙЕНДОРФ. "Константинополь и Москва" — Церковный Вестник Западно-Европейского Экзархата, 1950, № 16, стр. 5-9.

Конечно, всякое, хотя бы и частичное, восполнение прерогатив чести отдельными прерогативами власти не укладывается в ту формулировку, которую придал этому постановлению церковный законодатель. Но это не значит еще, что всякое расширение безусловно должно противоречить духу и смыслу церковных канонов. Когда ходом церковной жизни выдвигаются новые вопросы, на которые действующие каноны не дают удовлетворительного ответа, то разрешение таких неотложных вопросов должно делаться путем выводов из главных принципов, лежащих в основе православных канонов, из признанной церковной практики, в конечном счете из заветов Христа и Апостолов, отражающих сущность Церкви. В таком порядке открывается возможность дальнейшего развития православного канонического права. Необходимым условием такого развития является, однако, требование, чтобы подобное «расширение» не противоречило основным началам православного канонического права. В отношении установления границы новых преимуществ Константинопольского Патриарха существенное значение имеет вопрос, насколько они укладываются в рамки соборности, как основного начала устройства Православной Церкви.

Что касается взгляда на Вселенского Патриарха, как на центр, связью с которым только определяется принадлежность каждой Поместной Церкви ко всей Православной Церкви, то это воззрение является отражением того исключительно возвышенного положения Константинопольского Патриарха, которое он занимал в Византийской и Турецкой Империях по прекращении деятельности Вселенских Соборов. Практика древней Церкви эпохи Вселенских Соборов (4-9 вв.) весьма явно свидетельствуют, что Поместные Церкви, связывались в тело Единой Святой Соборной Церкви только через Вселенские Соборы, а не через Главу какой-либо отдельной Поместной Церкви. Глубокая внутренняя связь всех Поместных Церквей создавалась единством вероучения, основ церковного строя и богослужебного порядка, а также апостольским преемством власти. Вселенские Соборы были подлинным выражением этого духовного и организационного единения. Связывая Помест-

ные Церкви в единое целое, они устанавливали и связь новых членов со всею Церковью. Признание новых церковных образований полноправными членами всего объединения Поместных Церквей совершалось постановлениями Вселенских Соборов, т. е. согласием всех Поместных Церквей-членов Вселенского Собора, а не Главой и только какой-либо одной Поместной Церкви, хотя бы и занимающим первенствующее положение среди Глав других Церквей. Соборное начало превалирует в Православной Церкви над единоличным. Роль Вселенского Патриарха, как основной и единственной связи всех Поместных Церквей в единую Православную Церковь, выходит из границ соборного единения Поместных Церквей и умаляет значение тех внутренних связей, на которых держалась Православная Церковь в течение ряда веков.

Как бы ни были спорны отдельные вопросы, теоретические обсуждения и практические мероприятия по созыву Всеправославного Совещания, они привели все же к определенным положительным результатам. Было признано право Вселенского Патриарха созывать Православные Вселенские Соборы и предсоборные совещания, действуя в согласии с другими Поместными Церквями, а равно право его определять, в согласии с другими Поместными Церквями, состав членов и место Всеправославных Совещаний и Соборов. Детальное разрешение вопросов о председательстве на Всеправославных Конференциях и Соборах, о праве поворить от лица всей Православной Церкви и др. оказалось перенесенным на окончательное разрешение в порядке восстановленной соборности.

IV

В сентябре 1961 года, по созыву Вселенского Патриарха, собралась Первая Всеправославная Конференция на острове Родосе. Находясь в границах Греческого Королевства, Родос канонически находится в юрисдикции Константинопольской Церкви. Организация первой и последующих общеправослав-

ных Конференций соответствует организации древних Вселенских Соборов. Они состоят также из представителей Поместных Церквей, и решения принимаются ими с общего согласия. Начиная с первой же Всеправославной Конференции, создавалась практика, что Председатель Конференции назначается Вселенским Патриархом.

Признанные для того, чтобы подготовить созыв Православного Вселенского Собора, Всеправославные Конференции скоро должны были заняться вместе с тем некоторыми вопросами текущей церковной жизни. Они стали органом, объединяющим жизнь всех Православных Поместных Церквей. После долговременного отступления от принципа междуцерковной соборности, столь ярко проявлявшегося в эпоху Вселенских Соборов, произошло решительное возвращение к нему. 1961-ый год должен считаться началом нового периода в жизни Православной Церкви, периода восстановления соборности во взаимоотношениях Поместных Церквей.

ON THE WAY TO THE CONVOCATION OF AN ORTHODOX ECUMENICAL COUNCIL

The conciliarity (sobornost) is one of the characteristic features of the Orthodox Church. The Ecumenical Councils of the 4-8th centuries were a lucid and magnificent expression of the consensus of the ancient selfgoverning Local Churches in the East and West. During many centuries after the separation of the Churches the General Councils of all Eastern Orthodox Local Churches did not convene. In the course of time the number and the independence of the Local Churches changed several times. In the beginning of the 20th century there were only two virtually independent Churches: those of Constantinople and Russia. The unity of the whole Orthodox Church was preserved by the agreements of the individual Local Churches, by the Synod at the Patriarchal See of Constantinople, by the Local Councils, by attendance of the representatives of one Church at the Local Councils of another, by the acceptance of the decisions of the Highest Authorities of one or many Churches by other Local Churches, etc.

The time from the middle of the 19th to the middle of the 20th century worked great changes in the structure of the Orthodox Church. The multiplicity of independent Local Churches was restored. Their number increased to 14. The bonds among them became stronger. The question of a General Council of all Local Churches quite naturally arose. But in the 20th century an Ecumenical Council could not be convoked in the same manner as in ancient times. Now the Local Churches had to work out themselves the procedure of calling their General Council and its functioning. The article deals with the efforts of the Local Churches to solve some new problems of ecclesiastical life. The overcoming of considerable difficulties resulted in the convocation of the first Pan-Orthodox Conference in 1961.

Глеб СТРУВЕ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Б. СТРУВЕ

*

(Р. 26/I - 7/II 1870 В ПЕРМИ: † 26/II 1944 В ПАРИЖЕ)

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Из переписки с сыном в канун Второй мировой войны

— * —

В моем личном архиве сохранилось много писем ко мне моего отца, столетие со дня рождения которого исполняется в этом году. Письма эти охватывают период с 1922 по 1941 год (письма с 1919 по 1921 г., к сожалению, не сохранились, как и часть писем за годы 1922-1923).

Здесь мною отобраны для частичной публикации письма за 1937-1939 г.г., т. е. за годы, непосредственно предшествовавшие Второй мировой войне. От этих лет в моем архиве имеется: за 1937 г. — 9 писем и 3 открытки; за 1938 г. — 16 писем и 18 открыток; за 1939 г. — 18 писем и 6 открыток. Письма за конец 1939 г. и письма за 1940 г. (14 писем, 12 открыток и одна телеграмма) и 1941 г. (2 письма и одна открытка) в эту публикацию не включаются по соображениям места. Далеко не все письма печатаются мною здесь, а из тех, которые печатаются, часто даются только выдержки, или же они просто

вкратце излагаются. Из писем отобрано главным образом все, что имеет общий интерес, что бросает свет на отношение П. Б. Струве к тому, что в эти роковые годы происходило в мире, а также в русской зарубежной жизни, и то, что относится к его литературной и научной работе. Выдержки из писем сопровождаются кратким фактическим комментарием и моими личными воспоминаниями о том времени *).

23-го января 1937 г. П. Б. писал мне из Суботицы, куда он, после того как югославянские коммунисты и русские младороссы сорвали его вступительную лекцию в Белградском университете, ездил раз в месяц читать лекции по социологии в тамошнем университете:

Я хочу, чтобы ты помог мне в одном деле, крайне для меня важном. Я хочу искать либо от Рокфеллеровской институции или от какого-либо другого учреждения субсидии, которая дала бы мне возможность — сидя в Лондоне в Британском Музее, написать **History of Economic Thought**, рассчитанную на четыре тома: I. Древность, II. Средние века и начало нового времени, III. Эпоха т. н. «либерализма» и IV. Эпоха т. н. «социализма». Я прошу тебя отправиться к сэру Самюэлю Хору и с ним поговорить об этом моем плане и просить его поддержать его и помочь мне. Определяется это мое решение самочувствием моим и маминим: я чувствую, что у меня есть силы на кабинетную работу, даже весьма интенсивную, но перестал уже сил на чтение лекций (хотя я их могу с успехом и с *entrain* читать, по крайней мере на двух языках, русском и немецком) и на разные виды общественных выступлений. Между тем у меня для «Истории экономической мысли» в самом широком захвате, вероятно, в настоящее время единственный в ученом мире объем положительных знаний и формальной эрудиции, и потому я, взявшись за такой труд, могу еще создать нечто капитальное. Но для этого

---

*) Небольшие выдержки из некоторых из этих писем были мною опубликованы по-английски в **Russian Review** (Нью Йорк) в номере за январь 1949 г.

мне нужно решительно освободить себя от всякой другой работы я, в особенности, от других отвлечений [. . .]

Если нужно мне написать сэру С. Хору, составь для меня английский письмо на эту тему. Может быть, он может написать от себя и главе здешнего правительства [. . .]

Сделай все это, не откладывая дело в долгий ящик и самым строгим образом соблюдая конфиденциальность.

Задуманную им «Историю экономической мысли», над собиранием материалов для которой он в следующем году около двух месяцев проработал в библиотеке Британского Музея в Лондоне (см. ниже), П. Б. так и не удалось осуществить. На всей его научно-исследовательской деятельности последних лет крайне неблагоприятно отражалось и его очень трудное материальное положение и исключительно тягостная для него политически-психологическая обстановка жизни в Белграде, где он чувствовал себя почти совершенно изолированным. Но несомненно и то, что ему очень нелегко было, при его политическом темпераменте, освободить себя «от других отвлечений».

Сэр Самюэль Х о р (Samuel John Guerneу Hoare, после 1944 г. Lord Templewood, 1880-1959) занимал в кабинете Чемберлена пост министра внутренних дел. До того он был в 1935 г. министром иностранных дел, в 1936 году первым лордом адмиралтейства, а в 1940 г. стал статс-секретарем по делам воздухоплавания, заняв тот самый пост, который он занимал в начале своей государственной деятельности, с 1922 по 1929 год. П. Б. познакомился с Хором еще в России в первую мировую войну.

В письме из Белграда от 25 января П. Б. просил меня навести ему одну справку в связи с другой небольшой работой. Он писал:

Наведи, пожалуйста, справку, какие произведения, принадлежащие Johann'y Martin'y Bartels'y (1769 - 1836), профессору казанского и дерптского университета, имеются в Британском Музее. Бартельс — мой прадед (не прямой, ибо его дочь была второй

женой моего деда) и учитель Н. И. Лобачевского по казанскому университету. В прошлом году исполнилось 100 лет его смерти, и я написал о нем статью, которая будет напечатана в "Neue Zuercher Zeitung" (ибо Бартельс жил до переселения в Россию в Швейцарии и был по учительству в одной школе преемником Луи-Филиппа, впоследствии короля французов, и женился на швейцарской дворянке Salusz).

В конце того же письма П. Б. опять просил «не откладывать в долгий ящик» поручения, которое он дал мне к сэру Самюэлю Хору.

8 февраля он писал мне, что ему удалось выпустить в Белграде брошюру его старого друга С. Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель» со своим предисловием, и спрашивал меня, сколько экземпляров этой брошюры я мог бы «распространить непосредственно потребителям», прибавляя: «Я весьма заинтересован в таком распространении для покрытия типографских издержек и для выплаты самого скромного гонорара автору, который весьма нуждается».

Через несколько дней (11 февраля) П. Б. возвращался к вопросу о той просьбе, которую он хотел обратить к сэру С. Хору, и писал:

В сущности нужно посторонним лицам указать то, что немцы называют «форматом» моей научной личности и моей научной работы. Мне об этом писать неудобно и даже тебе я изображаю это с неохотой. . .

Мне, конечно, не трудно написать сэру Самюэлю по-французски (на этом языке я теперь довольно легко пишу), но все-таки, пожалуйста, напиши для меня по-английски следующее:

Я желаю ближайшее время посвятить написанию большого и по возможности исчерпывающего труда, посвященного изображению эволюции экономической мысли в самых широких историко-социологических рамках. Эта «История экономической мысли» должна состоять из 3 частей, может быть разделенных на большее число томов:

Часть I. Введение: Идеология и поведение (behaviour) Экономические идеи Востока и античной древности.

Часть II. Экономическое мировоззрение христианства и средних веков.

Часть [III]. А. Новое время. Естественное право, естествознание и политическая экономия. В. Промышленная революция и экономические идеи либерализма. С. Экономические идеи социализма и хозяйственная эволюция мира до великой войны. Д. Великая война и ее влияние на экономическую мысль. Е. Заключение.

Мне, конечно, трудно самому надлежащим образом подчеркнуть, что я для такого труда квалифицирован, как экономист с очень большой философской культурой, как историк, занимавшийся специально историей экономических идей в античной древности и историей социализма, а также экономической историей России во всем ее своеобразии. Все это в том тексте, который я прошу тебя написать по-английски, необходимо как-то выразить в возможно более объективной форме. В то же время необходимо подчеркнуть, что такую работу можно написать только в библиотеке Британского Музея.

Пожалуйста, исполни эту мою просьбу и возможно скорее пришли мне такой английский текст письма.

В какое-то время в феврале я послал отцу просимый им проект письма к Хору, и 7 марта 1937 г. он писал мне: «Твой проект письма к сэру Самюэлю меня в общем удовлетворяет. Свое письмо я пошлю ему непосредственно. Кое-что мне еще нужно сообразить».

7-го июля того же года он обращался ко мне с новой просьбой в связи с одной своей научно-литературной работой. Он писал :

Я по просьбе венской Zeitschrift f. Nationaloekonomie должен написать статью о книге супругов Вебб. При этой okazji мне встретилась надобность в ссылках на знаменитую книгу о России D. MacKenzie Wallace. К сожалению, здесь в Белграде оказался только дефектный экземпляр одного издания немецкого перевода этой книги. Пожалуйста, наведи мне точную справку о том, сколько лет Макензи Уоллес изучал в самой России русские дела и отношения (насколько я помню, 6 лет!) и когда он умер (если я не ошибаюсь, около 1919 г.).

Засим, нельзя ли дешево приобрести в каком-либо издании оригинал его книги о России и, если можно, сделай это для меня и пришли мне самое книгу. Кроме того, пришли мне точный титул первого издания книги Джильса Флетчера: *On the Russe Commonwealth* (1591) — если возможно, с сигнатурой библ[иотеки] Британского Музея -- и сообщи, есть ли какие-нибудь новейшие английские или американские исследования об этой книге Флетчера. *). Пришли мне далее точное заглавие сделанного молодым Коноваловым английского издания Котошихина или, даже лучше, самое книгу. Дело в том, что я доказываю, что и Флетчер и позднейшие знаменитые иностранные исследователи России действительно изучали и знали ее, тогда как книга Веббов написана на основании бумажного официального материала, без знания русского языка и истории России. Я должен к концу месяца приготовить статью. Она будет написана очень объективно и весьма вежливо, но по существу будет бить изрядно по Веббам и по их сенильному советофильству.

Упоминаемая в этом письме книга «супругов Вебб» (Уэбб; Sidney and Beatrice Webb) — их известный труд о советском коммунизме, вышедший в 1935 г., написанный в весьма сочувственном большевицкому «опыту» духе. П. Б. лично познакомился с Уэббами в свою первую поездку в Англию в 1896 г., когда он еще был марксистом. Когда вышла их книга, он просил меня написать Сиднею Уэббу и просить последнего послать ему книгу, которую он не мог позволить себе купить. Я это тогда же сделал, книга была послана, и Уэбб написал мне, что делает это охотно, так как никогда не забудет, что некогда как П. Б. доставил Ленину в тюрьму или в ссылку экземпляр знаменитой книги тех же Уэббов о профессиональных союзах для перевода на русский язык. Посылая книгу П. Б., Сидней Уэбб написал письмо и ему, и отец писал мне 23 декабря 1935 г.: «Письмо Сиднея Уэбба и его книгу я получил. Поблагодарю его личным письмом, но еще не сделал этого». Письмо Уэбба, вероятно, пропало вместе со всем белградским архивом П. Б. Ответное письмо П. Б., если он его написал, должно находиться в бумагах Уэббов.

---

*) Основное значение имеет русская работа: магистерская диссертация † С. М. Середонина.

В следующем письме (21 июля) П. Б. давал свою «философию» происходивших в России событий, где в это время были в разгаре сталинские чистки. Он писал мне, отвечая на мое письмо :

Конечно, события в России весьма показательны — для иностранцев. Нам они ничего нового не сказали. Сталин сам воплощает крайний советский консерватизм — это вроде советского гр. Д. А. Толстого и советского К. П. Победоносцева в одном лице. Он и националистичен и относительно «терпим» (sic!) из советского консерватизма. Он понимает, что сойти с мертвой точки значит немедленно свалиться в пропасть. И предпочитает — сваливаться медленно, путем изворотов и расстрелов, расстрелов и изворотов. Опасность советскому режиму, конечно, грозит непосредственно с л е в а, ибо справа пока есть только — слизь. Что думает Персик (довольно презренная особа!) — мало интересно; что английским студентам не дают виз, весьма интересно и меня утешает, значит все-таки даже маленьких эмбриональных «персиков» бояться: слава Богу! Я считаю, что судьба России решается теперь вовсе не в Москве, а в Лондоне, Мадриде, Берлине, Токио. С того момента, как англичане и французы, немцы и поляки дали большевизму укрепиться в России, уже началась мировая социальная революция, и эту борьбу нужно fight уже в мировом масштабе и по мировым поводам. Это и происходит на самом деле. Все дело в том, сколько социалистическо-коммунистического заряда имеется в т. н. фашизме и что в нем победит: национализм (неотвратимо аристократический!) или социализм (неотвратимо плебейский!) Но этот вопрос будет решаться уже в мировом масштабе, и всего менее в самой России, где все уже снижено ниже всякого плебейства, о чем позаботились в XVI веке Иван Грозный, а в XX в. — Ленин (фигуры родственные!).

Вот тебе некоторая философия русских событий. Объяснение этих событий, данное Неплюевым и Керенским, я считаю возможным и во всяком случае для нас выгодным, а полемику «Возрождения» по этому поводу глупой (у Гукасова она определяется [. . . . .] ненавистью к Милукову, у Семенова его основным свойством, глупостью неизлечимой).

Персик — Бернард (Иванович) П э р с (Sir Bernard Pares, 1867-1949), видный английский «руссовед», автор ряда книг о России, в то время директор основанной им Школы Славянских и Восточно-Европейских Изучений (School of Slavonic and East European Studies) при Лондонском Университете. «Персиком» его называли — полу-ласково, полу-пренебрежительно — А. В. Тыркова, П. Б. Струве и некоторые другие русские знакомые. П. Б. был знаком и дружил с ним едва ли не со времен Второй Государственной Думы. Я помню Пэрса еще в детстве у нас в доме. Статья П. Б. о Великой России была напечатана Пэрсом в созданном им при Школе Руссоведения (тогда еще при Ливерпульском Университете) журнале, посвященном России. По рекомендации П. Б. один из его учеников по Политехническому Институту, Владимир Федорович Гефдинг, был перед первой мировой войной прикомандирован к означенной Школе. В мемуарах Пэрса П. Б. уделено довольно много места.

О каких статьях Л. М. Неманова (вероятно, в «Последних Новостях» Милукова) и А. Ф. Керенского (вероятно, в его «Новой России») идет здесь речь, я не помню.

Г у к а с о в, Абрам Осипович (1872-1969) — издатель парижской газеты «Возрождение», богатый нефтепромышленник. С е м е н о в, Юлий Федорович (1873-1947) — известный общественный деятель, публицист, сотрудник «Возрождения» под редакцией П. Б. Струве, ставший редактором газеты после того как А. О. Гукасов «уволит» Струве.

5-го ноября П. Б. сообщал мне, что получил от кэмбриджского профессора J. H. Clapham'a предложение написать для очередного тома редактируемой им "Cambridge Economic History" очерк русской аграрной истории в средние века. Он прибавлял :

Я согласился и предложил перевод моей русской статьи (еще не написанной) поручить тебе. Clapham согласился на это. Статья будет небольшая, но труд твой будет оплачен. Я пришлю тебе русскую рукопись со своим комментарием для тебя как переводчика. И ты свой перевод доставь мне для окончательной редакции и одобрения.

В следующем письме (25 декабря) П. Б. писал, что вскоре надеется окончить статью и что придет рукопись «со своими замечаниями, так сказать, словарного характера», и прибавлял: «Необходим тщательный выбор терминов и притом на мой взгляд по возможности — в прямом соотношении с английской терминологией средневекового права и хозяйства». В ряде последующих писем за 1938 г. связанные с этой работой замечания занимают много места.

В том же письме от 25 декабря П. Б. еще писал :

Я, конечно, могу вам дать целый ряд указаний, но, мне кажется, я всего более буду вам полезен, если просто **напишу** для вашего сборника специальный очерк о том, как английская экономика и английское право, или точнее в обратном порядке, воспринимались в России, или точнее русскими людьми, соприкасавшимися с английским миром в самой Англии или во всяком случае непосредственно с англичанами. На этот счет у меня самого и в голове и даже в записях имеется достаточный материал.

Здесь речь шла о задуманном мною и моим коллегой и приятелем, Сергеем Осиповичем Якобсоном, который был тогда библиотекарем Школы Славяноведения при Лондонском Университете, сборнике под названием «Англия через русские очки», в котором мы думали собрать суждения, отзывы и впечатления русских об Англии и англичанах, но только таких, которые сами побывали в Англии. Сборник этот мы собирались издать по-английски, и нам удалось даже найти для него издателя и подписать договор. Мы начали исподволь собирать материал, но осуществлению нашего замысла помешали события: объявление войны в 1939 г. и последовавший в 1940 г. отъезд С. О. Якобсона в Америку.

В моем письме, на которое отвечал П. Б., я, очевидно, писал ему о наметившихся к тому времени определенных просоветских настроений у моего «начальника», Бернарда Пэrsa, у которого этот уклон начался еще в 1935 г., когда он в первый раз после революции поехал в Москву и вернулся в довольно радужных настроениях. Свое письмо П. Б. заканчивал так :

То, что ты написал о Парсе, интересно как знамение времени. Европейской или мировой войны я не жду, но **внешнее крушение советчины**, на мой взгляд, совершенно неизбежно. Вопрос только в том, в какой форме оно произойдет.

Оптимизм П. Б. в отношении перспектив мировой войны довольно скоро сменился мрачными предчувствиями (см. ниже).

При следующем письме (10 февраля 1938) П. Б. посылал мне рукопись своей статьи для кэмбриджского тома и давал ряд терминологических указаний и объяснений, что делал снуба, сопровождая это рядом библиографических указаний, в письмах от 21 и 28 марта и 3 апреля, причем в двух последних письмах уже после получения моего перевода и критикуя кое-что в нем. В письме от 10 марта был кроме того и отклик на то, что происходило в России:

События в России всецело оправдывают наше изначальное отношение к большевизму, этому соединению западных ядов с истинно-русской сивухой. Когда окончательно вскрыется нарыв, — сказать трудно. Я лично думаю, что дело не обойдется без внешней катастрофы.

Слова о западных ядах и русской сивухе были эхом знаменитой фразы П. Б. в его речи, произнесенной в Предпарламенте накануне большевицкого переворота. Последняя фраза в цитируемом письме показывает, что взгляд П. Б. на внешне-политические перспективы уже изменился к этому времени по сравнению с прошлым декабрем.

В том же письме П. Б. писал, что «по слухам» Митрополит Евлогий собирается послать настоятелем в Лондон о. архимандрита Иоанна (кн. Шаховского). П. Б. прибавлял: «Это будет для Лондона большое приобретение». Назначение это не состоялось, и всю войну о. Иоанн провел в Берлине. Ныне он, как известно, возглавляет, в сане архиепископа, Сан-Францискскую и Западно-Американскую епархию в США.

25-го мая П. Б. писал мне:

Мне представляется **скромная** возможность — поработать в **British Museum** над завершением своих больших работ: нового

издания «Хоз[яйства] и цены» и «Истории экономической мысли». Я буду располагать специально для этой поездки суммой в 60-63 фунтов, считая, что самая поездка туда и обратно на половину или даже больше будет оплачена из других источников. В Лондоне в интересах успешности работы, при моем состоянии физических сил, мне необходимо будет поселиться в самой близости Британского Музея. Сколько может там обходиться жизнь в месяц? Может быть, я некоторое время проведу (вернее смогу провести) в Кембридже, работая в Marshall Library? Казалось бы, там мне должны были бы оказать гостеприимство! В Англии по разным причинам я не могу оказаться ранее 1-го июля и хочу остаться до 1-го сентября. Библиотека Британского Музея, кажется, закрывается только на несколько дней в году в конце августа. Что мне нужно предпринять для получения визы? Нужно ли кому-либо писать об этом в Лондон?

Фраза о кембриджском гостеприимстве имеет в виду тот факт, что в 1916 г. П. Б. был в числе тех русских ученых, которым в связи с циклом прочтенных ими летних лекций о России была присуждена Кембриджским Университетом почетная докторская степень. Эти кембриджские лекции были в 1917 г. изданы под названием "Russian Realities and Problems".

Судьба «нового издания» книги «Хозяйство и цена», основного труда П. Б. по политической экономии, составившегося из его магистерской и докторской диссертаций, мне неизвестна. П. Б. готовил его по-немецки. Возможно, что эта рукопись, если и была закончена, пропала в Белграде во время войны.

В следующем письме (1 июня) П. Б. писал, что о своей поездке в Англию он извещает и проф. Клапама и сэра Самюэля Хора и последнему намекнет на эвентуальное содействие в получении британской визы. В том же письме была такая фраза :

Известно ли тебе загадочное происшествие с советофильским интервью, данным П. Н. Милюковым Бюрэ (Ordre) и демонстративно воспроизведенным в телеграмме Prager Presse? «Посл[едние] Нов[ости]» и Милюков замолчали это действительно «ком-

прометантное» интервью, а «Возр[ождение]» довольно беззубо-ругательски, неумело его отметило и затем тоже замолчало после своего выпада.

Не могу припомнить сейчас, было ли мне известно это интервью: я тогда за «Возрождением» регулярно не следил (оно выходило в то время только еженедельно), а " *Ordre* " во всяком случае не читал. Возможно, что после письма П. Б. я заглянул в " *Prager Presse* "? (эта газета на немецком языке была официозом чехословацкого правительства и получалась у нас в Школе Славяноведения). Не могу и сейчас припомнить точно содержания этого интервью, очевидно предвосхитившего поворот П. Н. Милюкова к «советскому патриотизму» после вступления СССР в войну. Бюрэ — *Emile Buré*, известный французский журналист умеренно-правых (и во всяком случае антикоммунистических) взглядов. П. Б. был лично знаком с ним, когда он был редактором газеты " *L'Avenir* ". Мне когда-то довелось интервьюировать его.

В том же письме П. Б. еще писал :

С той особой, которую ты встретил у А. В. Т[ырковой], я действительно разошелся — я к ней потерял свое прежнее уважение и, думается, навсегда. А засим, я ни с кем не «ругаюсь» и всего менее — с дамами или, по-простецки, с бабами.

Здесь имелась в виду Варвара Митрофановна С а м с о н о в а , журналистка, сотрудница белградской официозной газеты «Време», ставшая тогда лондонской корреспонденткой этой газеты. П. Б., знавший ее, если не ошибаюсь, еще по Югу России, раньше благоволил к ней и даже покровительствовал ей. Думаю, что его расхождение с ней определялось политическими причинами. Имя ее всплывает не раз в последующих письмах. А. В. Тыркова — Ариадна Владимировна Т ы р к о в а - В и л ь я м с (1869-1962), известная писательница и общественная деятельница, давняя знакомая П. Б., вышедшая вторым браком за прославившегося потом английского журналиста Гарольда Вильямса, с которым она познакомилась у нас в доме под Штутгартом, когда П. Б. редактировал «Освобождение». Многолетний корреспондент английских газет в Пе-

тербурге, автор книги о России, Вильямс после Революции стал иностранным редактором лондонского "Times". Скончался безвременно в 1928 г. Его вдова написала о нем книгу под названием "The Cheerful Giver".

Последняя процитированная мною фраза являлась, очевидно, откликом на что-то, что я написал отцу.

В последующих письмах за лето 1938 г. больше всего места уделено вопросу об ожидаемых П. Б. визах. В письме от 12 июня он писал, мне: «С Пэрсом я, конечно, увижусь. Я в своих личных отношениях руководюсь до известных пределов не своими симпатиями и вкусами, а холодным учетом (не расчетом!)».

Отъезд П. Б. из Белграда несколько раз откладывался, а приезд его в Париж задержался еще и тем, что по пути он заезжал к И. А. Ильину в Швейцарию. Заслуживает быть отмеченным то, что маршрут через Италию и Швейцарию был выбран П. Б. не только из-за намеченной встречи с И. А. Ильиным, но и потому, что он не хотел даже проездом ступить на территорию гитлеровской Германии. После недолго продолжавшихся сомнений и колебаний (причем, как это ни покажется некоторым странно, П. Б. возлагал какие-то надежды на фон Папена, как на сдерживающее начало) Гитлер и его режим стали для П. Б. не только воплощением «руководств», но и символом осквернения всего, что он уважал в германской культуре, а уважал он ее глубоко и по семейной традиции, и по личному тяготению, причем в германскую культуру для него входил не только Гете, но и Бисмарк, которого он не раз противопоставлял и Вильгельму Второму и новейшим германским государственным деятелям разных лагерей. О понятии «руководств» («хейрократии») у греческого (византийского) историка Полибия П. Б. в 1936 г. напечатал небольшой этюд в венской *Zeitschrift fuer Nationaloekonomie*. По-русски этот этюд никогда не был напечатан, а может быть даже и написан, хотя одно время П. Б. думал об издании его по-русски (написан он был прямо по-немецки), а также по-английски, причем в связи с этим указывал в письме мне (уже в 1940 г.), что, когда он писал этюд о Полибии, он «отчетливо и нарочито имел в виду

применение понятия хейрократии к националсоциалистическому режиму».

В конце июля П. Б. написал мне, что прибыл в Париж и через несколько дней рассчитывает быть в Лондоне, причем предпочитает — во всяком случае на первое время — поселиться в самом породе, поблизости от библиотеки Британского Музея, где он собирался работать. Библиотеку эту он полюбил и оценил, как самую лучшую в Европе, еще в первое свое посещение Англии в 1896 г. Дело в том, что моя семья как раз в это время уехала на лето в русский скаутский лагерь на Средиземное море, и я предложил отцу поселиться в моем доме в одном из западных пригородов Лондона, Hounslow, по пути к теперешнему лондонскому аэропорту.

П. Б. приехал в Лондон 5-го августа, под вечер. Я его встречал на вокзале Виктория и отвез к себе, убедив всетаки поселиться у меня и посмотреть, будет ли это для него слишком утомительно. Он согласился. В переписке нашей после этого произошел перерыв, так как мы каждый день видались и разговаривали. Но вышло так, что вскоре меня пригласили на одну работу в Прагу, которая могла продлиться месяц или два (я был свободен до начала университетских занятий в октябре). Я колебался, принимать ли предложение, — мне не хотелось оставлять отца одного в Лондоне, мы с ним очень давно не видались, — но он убедил меня предложение принять.

Не помню сейчас, когда точно я уехал в Прагу — должно быть, в последних числах августа. Переписка моя с отцом возобновилась, и в Праге я получил от него 14 открыток и два письма, датированных между 30 августа и 18 сентября. Перед моим отъездом я снял для П. Б. комнату в отеле-пансионе недалеко от Британского Музея, и сразу после моего отъезда он с помощью младшего сына С. Л. Франка переехал туда.

Из этих открыток и писем, по большей части коротких и на личные темы, привожу несколько выдержек с отголоском на тогдашние события:

... очень жду от тебя письма. Во-первых, меня очень интересует твоя оценка положения и перспектив. Здесь, повидимому, общест-

венное мнение очень разделено приблизительно между позицией «Таймса» и «Дэйли Телеграф» и, конечно, больше оглядывается на Францию, чем на Чехословакию (13 сентября).

Здесь, конечно, царит в публике полное спокойствие, но все-таки ощущается даже постороннему взору известная озабоченность (14 сентября).

Чехослов[ацкий] вопрос принимает драматический оборот. Молодец Чемберлен! Но что может произойти из встречи делового англичанина-джентльмена с сумасшедшим немцем, совсем не джентльменом? (15 сентября).

Ник[олая] Алекс[андровичу] [Щурикову] на его вопрос я отвечал принципиальным согласием. На общее положение я смотрю более пессимистически, чем он. Но кто же знает, что произойдет? (17 сентября).

... дело, конечно, идет в затяжку, но поэтому, мне кажется, продолжение твоего пребывания в Чехословакии вряд ли имеет смысл.

Я думаю, что англичане и французы предложат Г[итлеру] международную конференцию и постараются к ней привлечь и Соед[иненные] Штаты. Это будет опять отсрочка, и весьма разумная и полезительная. Исход же будет решен не в инстанции разума... (18 сентября).

В приведенных выше выписках из открыток П. Б. тех, кто знает его позицию перед войной и во время войны, может удивить наименование Чемберлена «молодцом». Думаю, что объяснение этому надо искать в последней приведенной мною выдержке: в каком-то смысле П. Б. в пресловутом полете Чемберлена с зонтиком тоже видел «разумную отсрочку». Через полтора месяца он писал о Чемберлене уже совершенно иначе.

Только раз в своих открытках в Прагу П. Б. коснулся своей работы в Британском Музее, где он проводил целые дни. 11-го сентября он писал мне:

Мое время проходит так же, как и раньше. Днем в Музее, пока все еще за дикарями, а вечером у себя, за книгами по русской истории.

Фраза о «дикарях» относилась к работе над «Историей экономической мысли». Между прочим, П. Б. в это время усиленно читал труды Бронислава Малиновского.

Переписка моя с П. Б. возобновилась после отъезда его из Лондона в Париж, где он пробыл некоторое время по пути в Белград и откуда написал мне два письма: 14 и 21 октября. В последнем он писал :

Посылаю тебе рукопись А[лексан]дра Дм[итриевича] Билимовича с просьбой перевести ее и от его имени и по его поручению послать как *correspondence* в тот орган, в котором она может быть помещена. Сделай, пожалуйста, это, конечно не связывая ни меня, ни себя с ее содержанием. Я с таковым вовсе не согласен, о чем написал А[лексан]дру Дм[итриевичу]. Т. е. в основном антибольшевицком смысле я, конечно, согласен, но «сговору» 4 держав, без решительного отпора методам в особенности Гитлера и нац[ионал]-соц[иалистической] партии я не сочувствую. Я написал А[лексан]дру Дм[итриевичу], что рассчитывать ему на сочувствие Пэрса невозможно. Здесь я встретил, между прочим, Алданова и Базили. Первый настроен весьма пессимистически и считает, что «в порядке дня» стоит сейчас «раздел России» с активной ролью Германии и Италии. Базили настроен менее пессимистично, но, по существу, он очень близок к алдановскому пониманию момента и считает, что теперь большевики, как сила, вовсе уже не идут в счет. Базили, узнав о моем пребывании здесь, сам пожелал видеть меня — перед этим он ездил к Милюкову в деревню! Сам он только что из Германии. Здесь есть тяга к «объединению эмиграции» и соответственно этому я заметил некоторое нарочитое внимание к моей особе. Но взаимные отталкивания всетаки еще очень велики, несмотря на то, что провалились обе позиции, и Милюковская, и Лукасово-Семеновская (если это есть вообще позиция!) [. . .]

А. Д. Билимович (1876-1963) — экономист, до Революции профессор Киевского Университета, а после Революции — Люблянского. После Второй войны жил и умер в Соед. Штатах. Близкие отношения П. Б. с Билимовичем начались в 1917 г., когда Билимович был главным оппонентом на докторском диспуте П. Б. в Киеве.

Николай Александрович Базили (18??-196?) — б. чиновник министерства иностранных дел; в Первую мировую войну был начальником дипломатической канцелярии при Ставке; занимал крупный пост в управлении Иностранных дел при ген. Врангеле.

Содержания письма А. Д. Билимовича я не помню, и оно у меня как будто не сохранилось. Я исполнил просьбу П. Б., перевел письмо и послал его, помнится, в “Times”. Напечатано оно, кажется, не было.

В том же письме П. Б. упоминал, что И. А. Ильин окончательно покинул Германию — «по невыносимости пребывания там» (Ильин поселился после этого в Швейцарии).

В следующем письме (4 ноября) П. Б. так охарактеризовал недавние события :

Окончательное крушение Чехословакии и уничтожение Карпатской Руси есть неизбежное следствие глупой политики Чемб[ерлена], вся зловерность которой обнаружилась теперь с полной потрясающей ясностью. Одна в этом исходе хорошая сторона, что он нанес сокрушительный удар глупому и гнусному гитлерофильству русской эмиграции.

В письме от 23 ноября П. Б. писал :

У меня к тебе просьба: напиши мне вкратце, но отчетливо *statement* о состоянии общественного мнения в Англии по вопросам внешней политики. По моему ощущению, в настроенных английских должна была произойти большая перемена, и я хотел бы знать, в какой мере это мое ощущение является правильным. Сейчас становится все более и более ясным, на мой взгляд, что политика мюнхенского соглашения была основана на непонимании истинной природы германского режима и что, внешне усилив этот режим, Англия затруднила и усложнила свое собственное положение.

Корреспонденции, которые г-жа Самсонова пишет в здешней официозной газете, прямо возмутительны, и я очень рад, что не встречался с этой госпожей в Лондоне.

После этого в письмах был большой перерыв. В открытке от 30 января 1939 г., написанной по-английски (в пост -

скриптуме объяснялось, что это сделано «для упражнения»), П. Б. писал, что ему очень нужно установить связь с сэром Самюэлем Хором, и просил меня срочно сообщить личный адрес последнего. Следующее письмо было написано опять после большого промежутка — 18 марта из Суботицы, куда П. Б. ездил читать лекции, он писал :

Политические события вполне подтвердили мою точку зрения на и характеристику положения, данную в сентябре прошлого года. Это ты должен признать. Всего лучше было бы **самому** Чемберлену просто уйти. Я думаю, что, если Даладье удержится, то только пожертвовав Боннэ. Но шансы мирного исхода очень пали. Единственное спасение в этом смысле в крайней решимости и в очень резком тоне. Просто это — психологическая истина.

В постскриптуме П. Б. просил меня написать **«обстоятельно и скорее»** о положении дел, прибавляя: «Это доставит нам большое удовольствие и даже просто мне нужно. Мама очень дорожит твоими письмами».

27-го марта последовало письмо к сэру Самюэлю Хору, датированное предыдущим днем. Прилагая его русский текст, П. Б. писал :

... я, наконец, собрался и написал о современном положении письмо сэру Самюэлю. Я написал письмо по-русски и прошу тебя перевести его на английский язык и, по возможности, лично ему вручить и **русский оригинал**, и английский перевод. Я не знаю его со временного менталитета, но это несущественно, ибо я пишу *à la rigueur de papa male informato ad papam melius informandum* ... Я считаю современное положение очень серьезным [...]

Пожалуйста, отнесись внимательно к моему поручению.

Не помню, чтобы мне удалось лично повидать сэра Самюэля Хора — члены британского кабинета были в то время страшно заняты. Но письмо я ему во всяком случае доставил. Русского текста его у меня не сохранилось (вероятно, он имеется в бумагах лорда Тэмпльвуда), но сохранилась копия моего английского перевода. Не желая переводить письмо обратно на русский язык и в интересах экономии места (в письме

около восьми страниц на машинке), я даю резюме его в приложении к настоящей публикации. В этом резюме я старался сохранить запомнившиеся мне словесные формулировки П. Б. Письмо это представляет значительный исторический интерес и проливает яркий свет на оценку П. Б. того «мирового кризиса», который вскоре повлек за собой войну.

Следующее письмо было двойное — от 16 и 17 апреля. Привожу некоторые выдержки из него:

Сроков развязки предсказать нельзя, по какой может быть выход из положения кроме войны, я не вижу. Людей, обзирающих положение, которые думали бы иначе, я не встречал . . .

Мое приветствие Милюкову было по существу того же типа, что и Маклаковское. Я не понимаю, почему бы я, зная Милюкова более 30 лет, точнее ровно 40 лет, зная его научные труды и научные заслуги (несомненные), из-за политического разногласия, весьма глубокого и значительного, «демонстрировал» бы против него способом, который мне, как человеку, прегит . . .

Вырезки из *Observer*'а я не получил — боюсь, что она пропала, может быть в цензуре. Положение той страны, в которой я живу, очень трудное, и трудности будут только каждый день расти [. . .]

Вряд ли призыв Рузвельта может изменить положение. Он может означать либо затяжку, либо, наоборот, ускорить развязку. Любопытно, что *teneur* корреспонденций В. М. Самсоновой изменился. До сих пор она здешнее общественное мнение прямо вводила в заблуждение. Со вчерашнего дня это изменилось. Очевидно, уже просто невозможно ни игнорировать истинного положения, ни искажать его в угоду известным тенденциям. [. . .]

С. С. Ольденбург стал писать о внешнеполитических вопросах прямо глупо. Я не понимаю, что с ним произошло — какое-то потемнение морального сознания и ослабление силы суждения.

То, что П. Б. писал о своем приветствии П. Н. Милюкову (по случаю его 70-летия), было, очевидно, реакцией на переданные мною чьи-то критические замечания по этому поводу (может быть, это приветствие удивило, например, А. В. Тыркову).

Сергей Сергеевич О л ь д е н б у р г (1889-1940) был одним из ближайших сотрудников П. Б. в газетах «Возрождение», «Россия» и «Россия и Славянство», где он писал главным образом по иностранной политике. Уйдя в 1927 г. из «Возрождения» вместе с П. Б., Ольденбург позже вернулся туда (обремененный большой семьей, он был вынужден к тому материальными обстоятельствами). Давняя дружба связывала П. Б. с отцом С. С., С. Ф. Ольденбургом, неперменным секретарем Академии Наук, оставшимся после революции в России. Тепло относился П. Б. и к С. С., который в эмиграции близко подружился со всей нашей семьей. П. Б. огорчала в 30-х годах заметная эволюция С. С. в сторону прогитлеризма. Но позже, когда началась война, П. Б. писал мне (в октябре 1939 г.), что «Возрождение» «производит жалкое впечатление, хотя его позиция по видимости изменилась на 180 градусов», и прибавлял: «Впрочем, там только два по-настоящему умных и порядочных человека: С. С. Ольденбург и И. И. Тхоржевский». Ольденбург скончался через полгода после того.

7-го мая П. Б. просил меня переслать его письмо В. В. Набокову-Сирину — с выражением соболезнования по случаю кончины его матери в Праге — и писал :

Ты уже, конечно, знаешь, что скончалась Елена Ивановна Набокова. Я ее знал лично по меньшей мере 37-38 лет, а Вл[адимира] Дм[итриевича] помню с 1883 г. учеником IV класса Третьей СПб. гимназии.

В том же письме он просил меня написать, что я думаю об общем положении, и от себя говорил — неожиданно оптимистически :

Мне кажется, что Гитлер и Муссолини *à bout de leur latin*, и сейчас ясно, что их прежние успехи плод слабоволия, наивности и остопопства западных и политиков, и народов.

Конечно, в своем «оптимизме» П. Б. исходил из того, что «слабоволие, наивность и остопопство» продолжаться не будут.

В постскриптуме к тому же письму П. Б. писал :

Неужели Ар[иадна] Вл[адимировна] не понимает теперь, в какой мере она была неправа?

Эта фраза относилась к разговору по телефону, который был у П. Б. с А. В. Тырковой во время его пребывания в Лондоне, где они лично не виделись. В этом разговоре обнаружилось глубокое расхождение между ними в оценке международного положения. К этому расхождению П. Б. возвращался и в своих письмах после начала войны.

Очевидно, в своем ответе на письмо от 7 мая я высказал мнение о вероятности сговора между Гитлером и Советским Союзом, ибо П. Б. писал мне 13 мая :

Я несколько иначе смотрю на недавние события, чем ты. Конечно, соглашение Гитл[ера] с Советами возможно, но всетаки маловероятно. Твердая позиция Англии и Франции уменьшает шансы войны, но все зависит от «психологии» тоталитаров. Что в ней возобладает: страх войны или страх внутреннего крушения? Никогда еще вопрос о войне в такой мере не решался в плоскости, чисто психологической, — баланса двух страхов . . .

В том же письме читаем, очевидно тоже в порядке ответа на какое-то замечание в моем письме:

Что сэр Бернард [Пэрс] страдает недомыслием, — это ясно, но его позиция всетаки характерна не только для него лично. Мне всетаки кажется, что Гитлер окончательно проиграл Англию и тем самым проиграл — все.

То, что Гитлер «проиграл» Англию, было уже более или менее ясно, а то, что тем самым он «проиграл все», было глубочайшим убеждением П. Б. и звучит как лейтмотив во всех его письмах ко мне, написанных уже во время войны.

В последних числах мая П. Б. ездил в Софию на празднование юбилея Софийского Университета — университета, который еще в 20-х годах пригласил П. Б. на пост директора своего Экономического Института — приглашение, которому он тогда предпочел боевую политическую позицию редактора «Возрождения», о чем впоследствии не мог не жалеть.

По возвращении из Софии П. Б. писал мне (30 мая):

Я получил твое письмо в Софии. Оттуда я не смог тебе написать, п[отому] ч[то] был до «измора», с позволения сказать, «занят» юбилеем. Юбилей этот был интересен международным съездом, давшим мне много разнообразных впечатлений и встреч. Из англичан ко мне сам подошел Sir Denison Ross, который был, повидимому, представителем Лондонского Университета, сказал, что знает тебя, как преподавателя Университета. А после моей русской речи на заключительном банкете, в которой я говорил, что все народы должны уважать и любить Англию, как учителя liberty and law — я несколько слов в виде целой фразы произнес по-английски и, кажется, не плохо — он меня особо благодарил.

Sir Denison Ross — известный английский востоковед, специалист по персидской литературе, профессор Кэмбриджского Университета. Я встречал его на собраниях Совета School of Slavonic Studies, членом которого он был.

При письме от 17 июля П. Б. опять прилагал письмо к сэру Самюэлю Хору и просил перевести его на английский язык и оба текста доставить адресату (письмо это у меня как будто не сохранилось ни в подлиннике, ни в переводе). Он писал также, что собирается на «осенний день русской культуры» в Париж. План этой поездки упоминается в письмах за 1939 и 1940 гг. еще несколько раз, но она так и не осуществилась, и в Париж П. Б. попал уже только летом 1942 г.

В том же письме просьба ко мне написать «внимательно свое восприятие политических дел», а также просьба к сэру Бернарду Пэрсу прислать его книгу «Падение русской монархии», статью П. Н. Милюкова о которой П. Б. прочел в «Последних Новостях» и о которой он предлагал сделать сообщение в Русском Научном Институте и написать рецензию для какого-нибудь сербского издания.

6-го августа П. Б. извещал меня о получении ответа от сэра Самюэля Хора (через меня) и просил опять написать о «политическом самочувствии и перспективах» в Англии. На заключение пакта между Молотовым и Риббентропом он почему-то никак не реагировал, но отношение его к нему выразилось в формуле «В один мешок!»

В первом письме после начала военных действий (18 сентября) П. Б. сообщал, что снова написал письмо сэру С. Хору прямо по-английски и послал его с дипломатической оказией. Он прибавлял:

Пожалуйста, запроси его через несколько дней по получении этого моего письма, получил ли он мое письмо. Я бы хотел продолжать переписываться с ним таким путем.

Эта переписка его с Хором продолжалась, в той или иной форме, пока и Югославия не оказалась жертвой Гитлера. Тогда же прекратилась и моя переписка с отцом: его последнее письмо ко мне было датировано 25 марта 1941 г. Но эти письма военного времени я опубликую в другой раз.

*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Резюме письма П. Б. Струве к сэру Самюэлю Хору
от 26 марта 1939 г. *,

— * —

П. Б. начинал свое письмо с того, что объяснял, что в сентябре 1938 года не искал встречи с Хором, так как ему казалось излишним и назойливым вносить несозвучную ноту в оптимистические ожидания Хора и во всю его тогдашнюю концепцию мирового положения. Теперь он жалеет об этом, ибо события, к сожалению, подтвердили его собственную пессимистическую позицию. Останавливаться, однако, на уже совершенных ошиб-

---

*) Уже после того как моя публикация была набрана, я обнаружил, что к одному из своих писем к В. А. Маклакову (от 16 мая 1939 г.), которые В. А. в 1956 году предоставил в мое распоряжение, П. Б. приложил довольно пространное извлечение из русского текста своего письма к сэру С. Хору. В связи с этим я внес в первоначальный текст своего резюме некоторые изменения, приблизив его еще больше к подлинным формулировкам самого П. Б.

В письме тому же Маклакову уже после начала войны, П. Б., упоминая опять свое письмо Хору, писал, что уже тогда предвидел, как и какие разовьются события, но "из намеренной осторожности был менее категоричен, чем внутри самого себя".

как бесцельно. Никогда еще в истории цивилизованный мир, и в первую очередь британское правительство, не стояли перед лицом более трудного и сложного положения.

«Позвольте взять быка за рога», писал дальше П. Б. Современные «демократии» (П. Б. оговаривал, что неохотно употребляет это слово, которое не передает в точности более старое и общее понятие «правового государства» — *gouvernement de loi*) стоят лицом к лицу с: 1) индивидуальным психозом, или помешательством, 2) массовым психозом, и 3) национальной волей культурного народа, попавшей во власть двух психозов.

Гитлер лично — сумасшедший, страдающий сочетанием болезненной веры в свою миссию с болезненной лживостью. Таково — писал П. Б. — его глубочайшее убеждение, и в дни Мюнхена он буквально болен от мысли, что такой деловой англичанин и настоящий джентльмен, как Чемберлен, ведет переговоры с сумасшедшим немцем, человеком, страдающим от болезни, которую английские психиатры называют моральным безумием, с примесью того, что французы зовут *folie raisonnée*.

Индивидуальное помешательство не было бы, однако, так опасно, если бы не сочеталось с массовым психозом. Националсоциализм есть такой массовый психоз, состоящий из комбинации идеологического и эмоционального содержания социализма с доведенным до болезненных пределов национализмом. Массовый психоз националсоциализма выбрал в вожди психопата. Такова страшная реальность, но все это относится и к области психопатологии. Это опасно и само по себе, но человечеству было бы легче отделаться от этой двойной напасти, если бы эти два психоза, приметно для остального мира, не овладели национальной волей культурного народа. Бороться успешно с опасностью, которую представляет националсоциализм, можно, только различая и расчлняя эти три фактора и используя последний из них, **здоровый**, в целях борьбы с двумя другими.

Италию Муссолини П. Б. считал лишь производным от германского фактора. Она стала опасной лишь тогда, когда сделалась одним из концов пресловутой осп. До сближения с германским националсоциализмом фашизм был чисто итальянским явлением.

Обычно утверждают, что международные отношения не следует изображать как столкновение двух враждующих и непримиримых идеологий. Попытки отвести это единственно правильное понимание событий банальной ссылкой на принцип невмешательства во внутренние дела других

государств обнаруживают непонимание подлинной природы переживаемого миром кризиса. Аннексия Австрии и Чехословакии Германией была именно таким вмешательством в дела других государств, деморализацией их при помощи систематической революционной пропаганды и борьбы извне в порядке подготовки к конечной внешней интервенции.

П. Б. писал дальше, что он не рекомендует противникам Германии применять те же методы к ней. Но необходимо ясно понять и продумать природу конфликта между двумя по существу несовместимыми началами общественной и государственной жизни. Думать, что их можно формально совместить при помощи пресловутой формулы невмешательства, есть лишь историческая иллюзия. Надо понять, что, не преодолев внутренние пагубы, на которых покоятся тоталитарные государства и режимы, нельзя ни избежать второй мировой войны, ни одержать в ней победу. Всякие уступки тоталитарным государствам опасны и могут оказаться роковыми. В этом урок Мюнхена, как политического эксперимента. Мюнхен усилил в вождях и массах тоталитарных государств сознание безнаказанности их действий — действий, которые в прежнее время неизбежно повлекли бы за собой разных степеней санкции.

Из этого можно сделать один основной вывод: Даже для международных отношений внутренний строй данного государства имеет решающее значение. **Видимым** исключением из этого правила является советское правительство, властвующее над Россией или над российским пространством. К этой проблеме надо подходить особенно внимательно со всех точек зрения и особенно перед лицом нависшей над миром германско-итальянской опасности. Для надлежащего понимания мировой ситуации надо отдать себе отчет в том, что исходную точку современного кризиса следует видеть в русской революции, не в ее национальном, русском, а в ее международном аспекте. Дело не в том, что Россия выпала из комплекса мировых сил. Это, конечно, тоже имеет свое значение, и не малое. Но еще важнее, что идеологически, т. е. социально и политически, Ленин-Сталин (соединение в одно этих двух имен и правильно и необходимо), с их большевистским режимом, и Гитлер и Муссолини с их режимами, несмотря на различия их тактики и даже их видимых политических целей, явления не только родственные, но и тождественные. Ленин родил Гитлера и гитлеризованного Муссолини. Уяснение этой фундаментальной истины не намечает **тактической** директивы для начала апреля 1939 года, но оно обрисовывает, так сказать, главную **стратегическую** перспек-

тиву в переживаемом миром кризисе. Сущность этого кризиса состоит в преодолении миром соблазна насильнического (революционного) социализма во всех его формах, дозировках и направлениях. Но и с психологической и тактической точки зрения понимание этой истины тоже важно. Союз англо-франко-американского мира с большевиками — и с революционным социализмом вообще — в борьбе против Гитлера и Муссолини (а такая борьба необходима) не только ослабит западную комбинацию, но и может повести к ее эвентуальному поражению изнутри и к ее окончательной гибели.

П. Б. затем формулировал шесть главных выводов из своих положений:

1. Мысль о том, что опасность идеологического и политического яда, таящаяся в агрессивных тоталитарных государствах, может быть устранена путем уступок, есть иллюзия.

2. Природа этого яда по существу идентична с большевизмским ядом советского режима.

3. Единственный способ бороться с этим ядом, это апеллировать к внутренним силам человеческого общества, как в самих демократиях, так и в тоталитарных государствах, к которым по своей природе принадлежит и СССР.

4. Поэтому главная задача в борьбе против гитлеризма и фашизма — пристальное изучение и тактическое использование неизбежных внутренних процессов в тоталитарных государствах. Такое внимание к этим процессам отнюдь не означает вмешательства, в банальном смысле, во внутренние дела тоталитарных государств. Но было бы роковой иллюзией думать, что мировой кризис может быть преодолен иначе как далеко идущими внутренними переменами в тоталитарных государствах — иначе говоря, крушением насильнического социализма во всех его видах. За спиной Гитлера таится коммунизм, и Сталин готовится перенять наследство, которое готовит для него Гитлер.

5. Величайшей и самой опасной из всех иллюзий был бы поэтому союз между западными демократиями и советским режимом, который представляет наиболее опасную и ядовитую разновидность тоталитарного государства, основанного на господстве единой идеологии и единой партии, осуществляемом на путях политического насилия.

6. Единственной возможной и правильной позицией для демократических государств сейчас является последовательное и бескомпромис-

сное отрицание самого принципа партийного владычества в государстве и всех вытекающих из этого противоправных применений этого принципа во внешней политике. Поэтому непризнание аннексии Чехословакии Германией является исторической и политической необходимостью. Все формы и оттенки воплощения этого отрицания в конкретной политике не могут быть предусмотрены в какой-то общей формуле. Посему, если Англия, Франция и США и не могут теперь же взять назад свое признание советской власти, было бы величайшей ошибкой со стороны таких стран, как Голландия, Швейцария и Югославия, признать сейчас советское правительство. Такое признание могло бы повести в этих странах к установлению в них тоталитарных режимов, или фактически — к их большевизации.

FROM PETER STRUVE'S CORRESPONDENCE WITH HIS SON

On the occasion of the centenary of the birth of Peter (Pyotr Berngardovich) Struve (1870-1944), one of the outstanding Russian scholars and political thinkers of modern times, his son, Professor Gleb Struve, publishes some of the letters which his father wrote to him in the years immediately preceding World War II and during the first months of the War.

In the late summer and early fall of 1938 Peter Struve was living in London, working in the library of the British Museum on his projected History of Economic Thought (this project was never completed), while his son spent part of this time in Prague. Many of Peter Struve's letters during this period naturally dealt with the international situation. His reaction to Neville Chamberlin's famous trip to Bad Godesberg was characteristically sceptical: "What good", he wrote to his son on September 15, 1938, "can come out of a meeting between a businesslike Englishman who is a gentleman and a mad German who is no gentleman at all?"

Although for a time he believed that another European war could be averted, this belief soon gave way to an out-and-out pessimism, and by the spring of 1939 he became convinced that the war would be the only way out of the situation. He blamed the latter on the failure, on the part of the Western democracies, to grasp the true nature and

significance of the Nazi regime in Germany. His general appraisal of the situation was given in his letter, dated March 26, 1938, to Sir Samuel Hoare (later Lord Templewood), an influential member of the British cabinet whom he had known since the days of World War I and with whom he now corresponded. As an appendix to the letters published by him, Prof. Struve gives a summary of this letter to Hoare from a copy of the English translation of it which he made at the time and which has been preserved among his papers. From his analysis of the international situation Peter Struve drew the following main six conclusions :

1. No concessions can be of any avail against the threat of ideological and political poison emanating from the aggressive totalitarian states.

2. That poison is essentially identical with the Bolshevik poison of the Soviet regime.

3. The only way to combat this poison is to appeal to the inner forces of human society, both in the democracies themselves and in the totalitarian states, including the Soviet Union. This approach should not be regarded as interference in the domestic affairs of another country.

4. It would be a fatal illusion to think that the world crisis can be overcome otherwise than through far-reaching internal changes in the totalitarian states, that is, through the collapse of coercive socialism in all its forms. Communism is lurking behind Hitler's back and Stalin is ready to take over the legacy which Hitler is preparing for him.

5. The belief in the possibility of an alliance between the Western democracies and the Soviet Union is the greatest of all possible illusions.

6. The only possible and right attitude for the democracies to take would be to reject consistently and uncompromisingly the principle of one-party rule, with all its anti-legal inferences and applications in the domain of foreign policy. The non-recognition of Germany's annexation of Czechoslovakia is therefore a historical and political necessity.

П. С. Шидловский *)

ПИРОГОВСКАЯ ШКОЛА РУССКОЙ ХИРУРГИИ

*

(Доложено на юбилейном заседании Пироговского Общества в Нью Йорке 23 ноября 1961 года в связи с 10-летием существования Общества).

23 ноября 1881 г. в своей усадьбе в селе Вишня возле гор. Винницы умер Николай Иванович Пирогов.

Тело его было набальзамировано приехавшим из С. Петербурга доктором Вывюдцевым. Гроб с телом Н. И. Пирогова хранится в склепе под церковью.

Прошло 80 лет со дня смерти Н. И. Пирогова и вот сегодня мы отмечаем 10-тилетие существования Общества имени Н. И. Пирогова в далеком от России Нью Йорке.

Как должно было быть велико имя Н. И. Пирогова, чтобы не только в России, но и рассеянные по всему миру российские врачи-эмигранты объединялись под вечно живым именем Н. И. Пирогова.

Десять лет существует Пироговское Общество в Нью Йорке, а до этого в 1947 году 15 ноября российские врачи-эмигранты организовали Пироговское Общество в Мюнхене. Это Общество врачей выработало свой Устав, который сейчас уже является историческим документом. Общество это выпустило с 1947 г. до 1952 г. 10 номеров «Бюллетеня», где наряду с помещением научных статей была отображена и жизнь Общества в эти тяжелые послевоенные годы.

О Н. И. Пирогове, как хирурге и анатоме я имел удовольствие прочесть доклад в Русской Академической Группе в Нью

---

*) P. S. Schidlowsky, M. D., Prof. of Medical Institute in Kiev, Dean and prof. International U-y at Munich.

Йорке весной 1961 года. Характеризовать Н. И. Пирогова, как великого клинициста, могут его лекции, которые в виде отдельных трактатов о различных хирургических заболеваниях изданы его учениками в 1851-1855 г.г. Через всю деятельность Н. И. Пирогова проходит глубокий анализ фактов, правдивость и беспристрастность. Мимо него не прошло ни одного важного события в хирургии, не прошло ничего, в чем нуждалась хирургия того времени.

Если о самом Н. И. Пирогове имеется довольно обширная литература, то о школе Н. И. Пирогова писалось очень мало. Если вспомнить, что Пирогов был 5 лет профессором в Дерпте и затем 15 лет профессором в Медико-хирургической Академии, то времени для создания школы было достаточно. Блестящей вереницы учеников Пирогов несомненно не имел. Одним из своих учеником Н. И. Пирогов считал знаменитого киевского профессора хирургии В. А. Караваева, хотя Караваев был сверстником Пирогова (родился в 1811 г.), но Пирогов говорит: «Я могу по праву считать Караваева одним из своих научных питомцев, я направил первые его шаги на поприще хирургии и сообщил ему уже избранное мною направление в изучении». Кроме Караваева можно назвать Неммерта и Китера.

Но нужно согласиться с проф. В. А. Оппелем, что «вся русская хирургия представляет собой школу Пирогова». Проф. В. А. Оппель, посвятивший почти одну треть своей «Истории русской хирургии» Н. И. Пирогову, делит всю историю русской хирургии на два периода: первый занимает полтора столетия, второй — начинается с Пирогова и продолжается до настоящего времени.

С именем Н. И. Пирогова связаны не только сделанные им открытия в области хирургии и хирургической анатомии.

В своей монографии «Н. И. Пирогов, как хирург и анатом», изданной в Мюнхене в 1953 году на русском, английском и немецком языках, я довольно подробно коснулся этой стороны деятельности Н. И. Пирогова.

Но Н. И. Пирогов известен был и как педагог, и как гуманист и как общественный деятель. С его именем связаны и организованные после смерти Н. И. Пирогова — **Пироговские Съезды.**

Значение Пироговских Съездов не исчерпывается одними только хирургическими секциями, чрезвычайно важными для развития русской хирургии. Самый характер конструирования съездов, их многолюдность, разнообразие секций как по теоретической и клинической медицине, так и по общественной — обеспечивали разностороннее освещение многих вопросов.

В 1881 г. во время празднования в Москве полувекового юбилея ученой деятельности Н. И. Пирогова, среди учеников и почитателей юбиляра зародилась мысль учредить врачебное общество имени Н. И. Пирогова, в основу которого легла идея общения врачей всей России на почве научных и общественно-врачебных интересов.

Устав его утвержден был в 1883 году.

Пироговское Общество — сокращение официального названия «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова».

Первоначально Общество было основано под названием «Московско-Петербургского Медицинского Общества». Согласно Уставу цель Общества состояла в научно-практической разработке врачебных, санитарных и врачебно-бытовых вопросов соединенными силами русских врачей, ученых медицинских обществ и других медицинских коллегияльных учреждений, для чего оно устраивает общие и специальные Всероссийские Съезды Врачей.

В промежутках между съездами действовало избираемое на Съезде правление, которое приводило в исполнение постановления Съездов. Пироговские Съезды, общее число которых превысило за 35 лет — 15, представляют собой своеобразную историю русской общественной медицины в 90-х годах 19-го и начала 20-го века.

В период приблизительно от основания Общества до 5-го Съезда (1894) членами правления Общества были влиятельные профессора С. Петербурга. Они же были учредителями Общества (Красовский, Склифосовский, Славянский, Бертенсон, Сутулин, Эберман и др.). Многие из них после революции 1905 года стали членами партии октябристов (Анреп, С. В. Шидловский и др.). Секция земской медицины на этих съездах занимает еще очень скромное место. Руководители этого периода

стараятся ограничить вопросы общественной медицины и придать деятельности Пироговского Общества академический, узко профессиональный характер.

Следующий период — (1895-1905) охватывает 5-ый - 9-ый Пироговские Съезды. На сцену здесь все больше начинают выступать земские врачи, отражавшие преимущественно стремления крестьянства. Земские врачи выступали от имени народа и за народ, выдвигали и отстаивали теорию, что организация здравоохранения есть прерогатива только врача. В период 5-го-9-го Съездов возникает целый ряд комиссий: «Комиссия по распространению гигиенических знаний в народе» (1895), «Комиссия по вопросу о пересмотре, изменении и дополнении законов о фабрично-заводской медицине 1866 и 1886 г.г.», «Комиссия по изучению туберкулеза», «Комиссия по изучению малярии в России» и др.

Изменение состава участников Пироговских Съездов и направление его работ сказались и в выборах правления на 7-ом и 8-ом Съездах преимущественно из либеральной московской профессуры (избрание председателями Общества Бюброва, Габричевского, Корсакова, Эрисмана) и наконец в 1904 г. значительную часть правления составили уже не профессора, а земские врачи преимущественно Москвы (Жбанков, Куркин, Молоков, Попов, Шидловский).

В период деятельности Пироговского Общества с 1905 по 1917 г. в руководстве правления и на Съездах видное место принадлежит представителям конституционно - демократической партии (Диатроптов, Рейн, Салазкин, Шингарев и др.). Характерной для этого периода является та борьба, которая разыгралась внутри Пироговского Общества по двум основным вопросам: о направлении деятельности санитарных врачей и о социальном страховании по закону 1912 года. Развитие промышленности, рост городов выдвигали необходимость развития санитарной деятельности городов, создания фабрично-санитарного надзора.

В прениях на 12-ом Съезде (1913) по вопросу о больничных кассах была принята резолюция, предложенная земскими врачами, которая отстаивала передачу земству медицинской помощи рабочим.

Мировая война дала повод к созыву двух чрезвычайных Съездов по врачебно-санитарным вопросам (1916 и 1917 г.г.).

На апрельском Съезде 1916 г. при чрезвычайно тщательном обсуждении задач врачебной организации на фронте и в тылу явственно выражалась позиция защиты войны. «Переживаемый момент (было сказано на Съезде) требует напряженной работы, ее требуют чувства национальной чести и достоинства страны. Врачи, собравшись на Пироговский Съезд, показали, что они сознают свой не только профессиональный, но и гражданский долг, и в ряде принятых постановлений раскрыли дефекты существующей национальной обороны в той части, которая касается охраны здоровья армии и населения, и наметили условия, при которых работа наша может оказаться плодотворной».

В марте 1917 г. Пироговское Общество в своих политических выступлениях приветствует Временное Правительство в лице князя Львова. После Октябрьской революции Пироговское Общество открыто становится против советской власти. Пироговское Общество затем возглавляет саботаж и забастовку врачей. В ответ на упразднение большевиками Центрального врачебно-санитарного совета Пироговское Собрание 1918 года организует самостоятельную эпидемиологическую комиссию, в которой пытается организовать врачей-противников революции.

После Октября Пироговское Общество выступало только в борьбе с революцией. Свои попытки оказывать сопротивление советскому правительству Пироговское Общество продолжало вплоть до 1922 г., до полной его ликвидации.

Хирургические кафедры и характерные особенности их .

Хирургия предъявляет к врачам, посвящающим себя ей, большие требования. Естественно, что хирург должен быть всесторонне образованным врачом.

Полученное студентом на медицинском факультете образование не может создать из него готового хирурга, но оно

должно давать ему такое развитие, которое служило бы базой для дальнейшего совершенствования и углубления специальных знаний.

На медицинских факультетах в России сохраняются три отдельные хирургические клиники: пропедевтическая, факультетская и госпитальная, которые дают последовательное и систематическое знакомство учащегося с хирургией.

Топографическая анатомия, играющая роль подготовительной дисциплины, призвана служить клинике, и в этом смысле содержание предмета должно всецело соответствовать клиническим требованиям.

Оперативная хирургия излагается вместе с курсом топографической анатомии и сама кафедра носит название — «кафедра оперативной хирургии и топографической анатомии»; обычно на этой кафедре проводится ряд типичных операций на животных.

а) Кафедра общей хирургии с хирургической пропедевтикой .

Для слушания этого курса студенты должны быть знакомы с основами патологической анатомии и физиологии, а также с элементами пропедевтики внутренних болезней.

Здесь студенту дают основы хирургической патологии (общая хирургия) и обучают его подходу к больному (пропедевтическая клиника) и методам обследования больного.

В частности студент знакомится с учением об антисептике и асептике, с учением об обезболивании, об остановке кровотечения, о травме и с осложнениями при травматических повреждениях. Слушает лекции о гнойной инфекции, об острой специфической инфекции (столбняк и др.), о хронической специфической инфекции (туберкулез, сифилис и др.). Учение об опухолях. Знакомится с предоперационной подготовкой и послеоперационным периодом. После прослушания лекций о переливании крови студенты должны практически изучать определение групп крови.

Также студенты знакомятся с десмургией — наложением простых и неподвижных (шинные и гипсовые) повязок, а так-

же с показаниями и противопоказаниями к наложению повязок.

Такова вкратце программа курса общей хирургии с хирургической пропедевтикой.

б) Кафедра оперативной хирургии и топографической анатомии .

Эта кафедра была введена на медицинских факультетах России Н. И. Пироговым (существует и в СССР). Кафедра эта представляет характерную особенность русских медицинских факультетов.

В Западной Европе топографическую анатомию излагают анатомы, оторванные от клиники, тогда как и в дореволюционной России и теперь в СССР излагают хирурги, прошедшие хирургическую школу.

Топографическая анатомия читается вместе с оперативной хирургией и излагается в клиническом аспекте. Каждой операции предшествует описание топографической анатомии той или иной области, а затем уже идет описание хода операции. На лекциях нередко демонстрируется топография той или иной области на живом; демонстрируется много таблиц, рисунков, нередко демонстрируются кинофильмы ряда крупных операций (резекция желудка, трепанация черепа и др.). Студенты под руководством преподавателей делают операции на животных. В некоторых медицинских институтах руководители кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии создали клинические отделения при кафедре, благодаря чему студент, слушающий данный предмет, имеет возможность видеть одну и ту же операцию на трупе, на животном и на живом человеке.

Операции на животных . Наиболее частым объектом оперирования являются небольшие животные — собака, кролик. Учебные операции на животных впервые стали производиться в России в 1911 г. в Военно-Медицинской Академии в С. Петербурге, а теперь они почти во всех медицинских институтах СССР являются обязательным дополнением к учебному оперированию на трупах людей.

в) и г). Факультетская хирургическая клиника и доцентура по урологии.

Госпитальная хирургическая клиника и доцентура по военно-полевой хирургии.

Для удобства сравнения я в этой главе объединил факультетскую и госпитальную хирургические клиники.

Нужно сказать, что факультетская и госпитальная хирургические клиники представляют собой особенности медицинских факультетов Российских университетов и в таком же виде они сохранились и в СССР. Факультетской хирургической клинике университетов соответствует академическая хирургическая клиника Военно-Медицинской Академии.

Обычно, на факультетскую хирургическую клинику избирались профессора-хирурги с большим академическим стажем, с большим хирургическим опытом, с более академическим, а не практическим направлением хирургического мышления. Этим я не хочу сказать, что на госпитальной хирургической клинике были менее опытные профессора. Для примера я укажу на Военно-Медицинскую Академию, где во главе госпитальной хирургической клиники долгие годы стоял всем хорошо известный проф. С. П. Федоров, а во главе академической (факультетской) хирургической клиники стоял также всем хорошо известный проф. В. А. Оппель.

Но на факультетской и госпитальной хирургических клиниках есть разница в методике преподавания хирургии.

На факультетской клинике, как правильно пишет проф. В. И. Солнцев, «смысл преподавания заключается в том, чтобы детально разбирая одного больного две, а то и три лекции суметь получить все необходимые данные анамнеза и объективного исследования и затем, произведя тщательный анализ полученных данных, останавливаясь на разборе патогенеза полученных явлений, сделать соответствующий синтез, дающий возможность подытожить полученные результаты и, сделав умозаключение, поставить диагноз заболевания и дать соответствующее лечение».

Патогенез находится в центре всего разсуждения и студент должен не только уметь разобрать все симптомы заболе-

ваний, но патогенетически подойти к изучению механизма создания болезненного процесса и к индивидуальной реакции больного организма.

Так что здесь в центре внимания данная личность с ее индивидуальными, общественными, профессиональными и др. особенностями, как эта личность реагировала на известную комбинацию патогенетических факторов и пришла к состоянию заболевания.

Разбор истории болезни данного больного является тем материалом, пользуясь которым преподаватель научает слушателя делать анализ, синтез и умозаключение, приучая его физиологически и биологически мыслить.

Факультетская клиника — это философия медицины, ибо преподаватель обучает своих слушателей логическому и физиологическому мышлению. С этой точки зрения факультетская хирургическая клиника является главной хирургической клиникой, ибо на этой клинике начинается врачебное мышление. С этого момента студент, а позднее, врач научается мыслить у постели больного, а не только механически на основании технического исследования ставить диагноз.

Что касается **госпитальной хирургической клиники**, созданной Н. И. Пирюговым, то здесь на лекциях профессор старается показать возможно большее количество стационарных и амбулаторных больных без углубления в детали, в патогенез. Обращается особенное внимание на лечение того или иного заболевания. Во время преподавания госпитальной клиники (на 5 курсе) профессор старается показать несколько больных со сходными болезненными проявлениями. Например, демонстрируется ряд больных с желтухой: одна желтуха механическая на почве камня желчного пузыря, другая желтуха на почве закупорки раковой опухолью в двенадцатиперстной кишке, третья — катарральная желтуха, четвертая желтуха на почве малярийного цирроза печени, пятая желтуха гемолитическая, относящаяся к болезням крови.

Значит, здесь берется один какой-либо главный симптом, который бросается прежде всего в глаза слушателя и на известном количестве примеров дается возможность слушателю дифференцировать эти разные желтухи и научить студента

дифференциальной диагностике, не останавливаясь подробно на патогенезе и физиологических данных.

В большей части медицинских факультетов при факультетской хирургической клинике имеется доцентура урологии, а при госпитальной хирургической клинике доцентура военно-полевой хирургии. В Военно-Медицинской Академии имеется самостоятельная кафедра военно-полевой хирургии. И по урологии и по военно-полевой хирургии имеются специальные программы преподавания.

Нужно еще сказать, что в медицинских институтах существует при госпитальной хирургической клинике доцентура по хирургической стоматологии со своей специальной программой, касающейся заболеваний и повреждений челюстей и челюстно-лицевой области.

Институты усовершенствования врачей .

Усовершенствование врачей, начиная с древнейших времен и вплоть до нашей эпохи, осуществлялось кроме изучения медицинской литературы посещением знаменитых врачей и медицинских школ своей страны или других стран. В одной из индусских медицинских книг сказано: «поистине медицину нельзя выучить и нельзя считать врачом того, кто ежедневно ее не изучает заново».

Величайшие врачи всех времен (Гиппократ, Парацельз) пополняли свои знания частыми путешествиями в разные страны, где были знаменитые врачи. Первая медицинская школа была основана в Мемфисе — родине древне-египетской философии, затем в Кротоне, в нижней Италии — родине Пифагора и наконец на островах малоазиатского побережья. В III веке такой школой для врачей была Александрийская; в XII веке школа в Салерно (Южная Италия); в XIII и XIV веках в Монпелье; позднее в Болонье, Падуе и Париже образовались крупные медицинские центры.

В XIX веке медицинскими центрами, привлекавшими для усовершенствования врачей, были сначала Париж и Вена, а позднее Германия, благодаря ее прекрасным медицинским факультетам, особенно в Берлине и Мюнхене; сюда стекались

врачи со всего мира для пополнения своих знаний. После войны 1914-1918 г.г. такой страной становится Америка. Ищущие усовершенствования врачи лично или от имени отдельных учреждений направляются к тому или иному представителю медицинской дисциплины и определенное время изучают интересующий их вопрос под его личным руководством.

В связи с тем, что в Германию в частности до 1-ой мировой войны стекалось большое количество врачей из разных концов мира, в Германии был поднят вопрос об урегулировании дела усовершенствования врачей, а так как государственные учреждения не занимались этим вопросом, то организация усовершенствования возникла в порядке частной инициативы. В ряде отдельных городов Германии в конце 90-х годов прошлого столетия возникают местные комитеты для усовершенствования врачей из профессоров и преподавателей, а в Мюнхене впервые в 1902 г. объявляются курсы для усовершенствования врачей (Moritz). В 1901 г. в Берлине организуется Центральный комитет для дела усовершенствования врачей в Пруссии (Zentralkomitee fuer die aertzliche Fortbildung in Preussen), объединяющий 34 местных комитета. Подобные же комитеты по усовершенствованию врачей были созданы в Баварии и Саксонии. Специальных Институтов для усовершенствования врачей Германия и сейчас не имеет. Практически дело усовершенствования врачей проводится преподавательскими силами медицинских факультетов, а также профессорами и опытными врачами, работающими в крупных лечебных учреждениях. Для примера я могу указать на кратковременные курсы, проводимые, напр., в Аугсбурге каждый год профессорами Мюнхенского и др. университетов.

По совершенно иным путям шло усовершенствование врачей в России. В конце XIX века и особенно в первые годы XX века до самого начала 1-ой мировой войны значительное количество русских врачей получало свою научную квалификацию и особенно специальные знания за границей либо путем научных командировок университетами и Военно-Медицинской Академией, либо в порядке личной, частной инициативы. Отдельные врачи, так же как и в других странах, уезжали совершенно частным порядком в университетские лаборатории и

клиники за границу и там получали повышение своих знаний, нередко занимаясь научно-исследовательской работой на определенные темы.

Русские медицинские факультеты никогда не принимали участия в организации усовершенствования врачей. Но в России в С. Петербурге было организовано специальное учреждение для усовершенствования врачей. В 1870 г. при жизни Н. И. Пирогова и при его участии проф. Э. Эйхвальд предложил великой княгине Елене Павловне преобразовать Максимиллиановскую лечебницу и Крестовоздвиженскую Общину Красного Креста в учреждение для усовершенствования врачей. Такое учреждение было открыто 21-го мая 1885 г. под именем «Императорского Клинического Института вел. кн. Елены Павловны». Клинический институт был построен частью на государственные, частью на благотворительные средства.

За первые 25 лет своего существования Клинический институт пропустил 7786 слушателей, и, если в 1885/86 уч. году число земских врачей составляло 8,7% всех слушателей, то в 1909-1910 учебном году земских врачей прошло уже до 48,6%. Институт имел два семестра в году, пропуская в семестр 200-250 врачей.

Бюджет института в 1886 г. составлял 74016 руб., а в 1909 году он дошел до 193105 руб., причем большая часть его состояла из государственной субсидии.

Несмотря на сравнительно скромные средства и свой полублаготворительный и меценатский характер Клинический институт сыграл громадную роль в деле усовершенствования врачей, и возрастание числа земских врачей, командируемых со стипендиями в институт, лучше всего свидетельствовало о пользе организованных институтом курсов.

Целый ряд земств обратился в Министерство народного просвещения с просьбой открыть подобные курсы при университетах, но только 1-ая мировая война и последующая революция не позволили земствам широко развить свою деятельность в этом направлении.

Во время 1-ой мировой войны и гражданской войны, учебная деятельность института совсем прекратилась.

Главную роль в деле повышения квалификации врачей в СССР играют Институты усовершенствования врачей. Усовершенствование врачей организуется государством по определенному плану за счет бюджетных средств; командируемые на курсы врачи обеспечиваются стипендией и общежитием и сохраняют на местах своей службы получаемое жалованье на все время командировки.

В Москве имеется Центральный институт усовершенствования врачей. Затем Институты имеются в Ленинграде (б. Петербургский Еленинский Институт), Киеве, Казани, Харькове, Одессе, Днепропетровске (Екатеринослав), Новосибирске, Минске, Ташкенте, Тифлисе.

Московский Центральный институт усовершенствования врачей, организованный в 1931 г., провел за время с 1931 до 1936 г. — 17857 врачей. Все Институты усовершенствования врачей имеют кафедры по всем клиническим и санитарным дисциплинам и целый ряд теоретических кафедр, напр., по патологической анатомии, по патологической физиологии, по биохимии и др. В отличие от медицинских институтов в институтах усовершенствования врачей имеются также кафедры и по отдельным специальным отраслям медицины и по узким ее разделам, как напр., в Москве по эндокринологии, урологии, физиотерапии, диететике, неотложной хирургии, травматологии и ортопедии, хирургическому туберкулезу, челюстно-лицевой хирургии, онкологии, нейро-хирургии, по курортологии, по профессиональным болезням и др. Институты усовершенствования врачей имеют и собственные клиники и пользуются городскими лечебными учреждениями, в которых они имеют свои клиники.

Во всей системе повышения квалификации врачей в СССР особое внимание уделяется специализации и усовершенствованию сельских участковых врачей. Курсы повышения квалификации сельских участковых врачей рассчитаны на врачей пробывших в провинции не менее 3 лет. При институтах усовершенствования врачей существуют консультационные бюро, которые оказывают практическое содействие врачам периферии в разрешении возникающих в связи с их практической или научной деятельностью вопросов.

За последнее время получили развитие еще три вида повышения квалификации врачей — краткосрочные курсы, выездные курсы и заочная форма усовершенствования.

Краткосрочные курсы организуются в виде 10-24 дневных курсов, с отрывом от производства, на разные избранные темы и по узким вопросам медицинской теории и практики. Что касается выездных курсов, то профессора и доценты обычно выезжают раз в месяц на два дня. Курсы эти ведутся по определенному учебному плану и по специальной программе. Наконец существует еще заочная система усовершенствования врачей. Она организуется на основе сочетания заочного обучения с «очными» сессиями по определенным специальностям — по терапии, туберкулезу, инфекционным заболеваниям с эпидемиологией, по акушерству для сельских врачей, по болезням раннего детского возраста, по промышленной санитарии. Длительность заочного обучения — 8-10 месяцев. Командировки на следующие за заочной подготовкой «очные» курсы — сессии при институтах усовершенствования врачей даются на срок 1-1½ месяца, в течение которых основное внимание уделяется практическим занятиям.

Известную роль в деле повышения квалификации врачей периферии играют передаваемые по радио из крупных центров, где имеются медицинские институты и научно-исследовательские институты, лекции на разные темы, особо актуальные для врачей районов.

Такова система усовершенствования врачей, существующая в СССР.

Нейрохирургические Институты .

Нейрохирургия, как самостоятельная специальность, сформировалась в первой четверти XX века.

В XVII и XVIII веках в России трепанация черепа была распространенной операцией. Многие русские врачи того времени (Бедянский), Кеврягин и др.) успешно лечили ранения черепа и головного мозга, владея техникой трепанаций.

Проф. И. Ф. Буш в своем «Руководстве к преподаванию хирургии» (СПБ, 1807) написал главы о повреждениях чере-

па с приведением точных показаний и деталей техники операции «черепосверления», вскрытия твердой мозговой оболочки, удаления субдуральной гематомы, извлечения вдавленных костных отломков.

Буяльский в 1834 году применил невротомию *n. accessorius* при спазме обоих *m. sternocleidomastoidei*.

Во второй половине XIX века с введением в хирургическую практику обезболивания, антисептики и асептики создалась благоприятная почва для развития нейрохирургии.

Н. И. Пирогов в своем руководстве «Начала общей военно-полевой хирургии» (1865-1866) уделяет много внимания травме центральной нервной системы. Им дано классическое описание травматического шока, ряд глав руководства посвящен травматическому отеку, сотрясению головного и спинного мозга, ушибу и давлению на мозг, ранам головы. Им же даны показания к «жизненным трепанациям» и «предохранительным трепанациям».

Н. И. Пирогов уделяет большое внимание повреждениям периферических нервов, сложным вопросам нервного шва и регенерации нерва, а также описанию ампутированных нервов. Он также упоминает о жестоком болевом синдроме, характеризующем каузалгию.

В последней четверти XIX века в России вышла серия монографий и диссертаций, посвященных травмам черепа и пластическому закрытию его дефектов (А. А. Бобров, И. И. Греков, А. Озеров, Космовский), заживлению ран мозга (Спижарный) и ран черепа (Квятковский), гнойникам головного мозга (Малиновский), врожденным мозговым грыжам и их оперативному лечению (Зененко, Лысенко, Склифосовский), повреждениям периферических нервов, нервному шву (Склифосовский, Спижарный). В 1883 г. В. Г. Лашкевич впервые дал клико-анатомическое описание опухоли мозжечка.

Г. Ф. Цейдлер в 1896 г. в С. Петербурге в Обуховской больнице удалил глиому мозжечка. В 1897 г. хирург Козловский удалил с успехом менингиому головного мозга.

В 1898 г. А. С. Таубер издал в С. Петербурге капитальный труд «Хирургия головного мозга», а Н. К. Лысенков в том же

1898 г. издал в Москве «Топографию и оперативную хирургию черепной полости». Затем наступает интересный период развития в России до революции хирургической невропатологии. Характерной особенностью этого короткого дореволюционного периода является стремление выделить нейрохиргию из общей хирургии и выйти на самостоятельный путь развития. И в этом отношении сыграли большую роль русские невропатологи, неудовлетворенность которых консервативными методами лечения тяжелых органических заболеваний нервной системы, создало у них тягу к радикальным оперативным методам. И вот в 1897 г. корифей русской психоневрологии акад. В. М. Бехтерев впервые организовал в С. Петербурге при руководимой им клинике нервных болезней Военно-Медицинской Академии специальную операционную для хирургического лечения заболеваний нервной системы.

Ученик акад. В. М. Бехтерева проф. Л. М. Пуссен начал в 1906-1907 г.г. самостоятельную оперативную деятельность в клинике своего учителя. В 1912 г. он организовал первую нейрохирургическую клинику в Психоневрологическом Институте, которая в 1915 г. была превращена в «Госпиталь для нервнo-раненых им. Н. И. Пирогова».

Нейрохирургическая деятельность Л. М. Пуссена была разносторонней и касалась хирургии центральной и периферической нервной системы: он уделял особое внимание разработке хирургии опухолей головного мозга. Проф. Л. М. Пуссен в 1917 г. издал оригинальное руководство «Основы хирургической невропатологии», посвященное периферической нервной системе.

Одновременно протекала весьма плодотворная деятельность проф. В. И. Разумовского и проф. С. П. Федорова.

Проф. В. И. Разумовский работал в Казани в тесном сотрудничестве с физиологом проф. К. А. Миславским и невропатологом проф. Л. О. Даркшевичем. В 1909 г. В. И. Разумовский предложил физиологическую экстирпацию Гассерова узла посредством перерезки чувствительного корешка тройничного нерва; он изучал также эффекты раздражения коры головного мозга при операциях эпилепсии и заменил экстирпацию корковых центров их алкоголизацией.

Проф. С. И. Федоров и его ученики (Добротворский, Ша-мов) ввели в хирургию мозга новейшую электроаппаратуру (электротрепан, хирургическая диатермия) и специальный хирургический инструментарий. Другие русские хирурги того времени (А. А. Бобров, Н. А. Вельяминов, Р. Р. Вреден, В. А. Оп-пель, А. В. Мартынов, В. Л. Покотило, В. Н. Розанов, П. А. Гер-цен, В. М. Мыш и др.) много способствовали развитию рус-ской нейрохирургии.

А. Л. Поленов в 1900 г. опубликовал свою докторскую диссертацию на новую и оригинальную по тому времени тему: — «Симпатэктомия». Влияние этой операции на эксперимен-тальную эпилепсию у животных». О. М. Хольбек в 1911 г. вы-пустил солидную монографию «О военно-полевых ранениях черепа», отражавшую его личный опыт в русско - японской войне и А. В. Бритнев в 1912 г. во время Балканской войны на-чал применять первичную обработку ран черепа с зашивани-ем кожной раны.

С. И. Спасокукоцкий в 1916 г. предложил новый способ лечения абсцессов мозга пункциями.

А. В. Вишневский начал разработку оригинальной мето-дики новокаиновой блокады при различных болях, рефлек-торных и дистрофических процессах.

Р. И. Венгловский предложил известную под его именем операцию дренирования бокового желудочка при помощи трубки из твердой мозговой оболочки при водянке мозга (1907).

Первая мировая война значительно подвинула вперед ус-пехи русских хирургов в области нейрохирургии.

Так что к началу революции русская нейрохирургия, раз-виваясь быстрыми темпами, стала выкристаллизовываться в самостоятельную научную дисциплину и все научные деятели в области нейрохирургии, продолжая работать в этом же на-правлении стали создавать специальные нейрохирургические учреждения уже после революции.

В период после 1-ой мировой войны появилась настоя-тельная необходимость в организации нейрохирургической помощи инвалидам войны, а также гражданскому населению. И вот в 1919 г. А. Л. Поленов организовал в Петрограде, на ба-

зе руководимого им физио-хирургического института первое нейрохирургическое отделение.

Видное участие в работе этой клиники принимал А. Г. Молотков.

Позднее в 1926 г. в Ленинграде по инициативе и при непосредственном участии проф. С. П. Федорова и А. Г. Молоткова создается Институт хирургической невропатологии, реорганизованный в 1938 г. А. Л. Поленовым путем слияния с руководимой им клиникой в Ленинградский нейрохирургический институт, носящий в настоящее время имя проф. А. Л. Поленова.

В 1929 г. Н. Н. Бурденко открыл нейрохирургическую клинику в Москве. В 1934 г. в Москве под руководством того же проф. Н. Н. Бурденко организуется Центральный нейрохирургический институт, переименованный позднее в Институт нейрохирургии Академии медицинских наук СССР имени акад. Н. Н. Бурденко.

В настоящее время во главе Института стоит ученик Н. Н. Бурденко Б. Г. Егоров.

Нейрохирургические центры организованы и в других городах.

В Харькове проф. В. Н. Шамов создал нейрохирургическое отделение на базе руководимой им хирургической клиники медицинского института, а затем позже он создал нейрохирургическое отделение на базе хирургической клиники Военно-Медицинской Академии.

В Харькове же братья З. И. Гейманович (хирург) и А. И. Гейманович (невропатолог) организовали крупную нейрохирургическую клинику на базе Украинского Психоневропатологического Института.

Нейрохирургическую клинику создал проф. Эмдин в Ростове на Дону. Проф. П. С. Бабицкий был на пути к созданию нейрохирургической клиники в Киеве, но в Киеве только в 1950 году создается Институт нейрохирургии Украины, возглавляемый А. И. Арутюняном.

В нейрохирургических институтах производятся все новейшие и сложные операции на центральной и перифериче-

ской нервной системы. Весьма важную роль в развитии нейрохирургии сыграла ее тесная связь с физиологией, с патологической физиологией и с морфологическими дисциплинами — анатомией, гистологией и патоморфологией нервной системы.

Ученые нейрохирурги написали оригинальные руководства по нейрохирургии. Помимо прекрасной книги проф. Л. М. Пуссепса «Основы хирургической невропатологии», вышедшей в 1917 г., в 1935-1937 г.г. вышли в свет под редакцией проф. А. Л. Поленова оригинальные руководства по нейрохирургии, в 1943 г. — первое издание руководства «Основы практической нейрохирургии», а в 1954 г. второе издание этого руководства. В 1945 г. появился «Атлас операций на головном и спинном мозге» проф. А. Л. Поленова. В 1937 г. вышел под редакцией проф. Н. Н. Бурденко журнал «Вопросы нейрохирургии».

Онкологические Институты .

Высокий процент смертности от опухолей делает борьбу с ними одной из важнейших задач медицины. Современное состояние науки еще не внесло полной ясности в этиологию опухолей; в этом направлении все время ведется научно-исследовательская работа, а также изобретаются новые методы терапии. Для правильной постановки дела во всех странах создаются специальные научные онкологические учреждения, где много делается для борьбы с опухолями не только в смысле своевременного хирургического лечения, но и в смысле профилактики. Профилактика эта не имеет в виду борьбу с профессиональными вредностями, играющими роль в этиологии злокачественных новообразований (дегтярное, анилиновое производство, обработка мышьяковистых руд, рентгеновские лучи).

Профилактика должна обращать внимание вообще на пребластоматозные процессы и состояния путем широкой диспансеризации соответствующих категорий больных с привлечением в общие диспансеры и амбулатории специалистов-онкологов.

Во Франции, напр., противораковая борьба начата раньше, чем в других странах. Еще в 18 столетии каноник Гоудино

завещал городу Реймсу 25000 ливров на больницу для неизлечимых раковых больных. Больница была основана в 1740 г.

По окончании 1-ой мировой войны в 1918 г. создалась франко-англо-американская лига по борьбе с раком. Консультациями и диспансерами к 1926 г. в Париже было взято на систематический учет 8700 раковых больных. К этому же времени положено начало «Раковому институту» Парижа, где работали и некоторые русские ученые, напр., проф. Н. А. Добровольская-Завадская.

В Англии в 1791 г. врач S. Howard получил от неизвестного лица 400 фунтов стерлингов для устройства ракового отделения в Middlesex Hospital и кроме того 3000 фунтов на содержание его. Это отделение в дальнейшем разрослось, существует и поныне т. н. «раковая хартия», составленная для этого учреждения Howard'ом и Whitebread'ом. Основными принципами противораковых учреждений эта хартия полагает: 1) призрение неизлечимых раковых больных, 2) стационарное лечение для излечимых, 3) амбулаторная помощь, 4) накопление наблюдений научного и клинического характера для научного использования, 5) испытание новых, но безвредных способов терапии, 6) углубление научных изысканий в области познания причин и сущности раковой болезни.

В Middlesex Hospital помимо стационара на 90 коек существует лаборатория. В Лондоне существует известный Imperial Cancer Research Fund.

В Германии в Берлине с 1900 г. существует Deutsches Komitee fuer Krebsforschung. Там же Leyden учредил раковый институт и лабораторию для изучения рака. Также имеется раковый институт в Гейдельберге.

Аналогичные учреждения имеются в Голландии, Бельгии, Швейцарии, Дании, Италии, Аргентине и в других странах.

На противораковую борьбу обращено также большое внимание и в Соединенных Штатах Америки. В 1926 г. американское общество "American Society for the control of cancer" устроило международный съезд хирургов, радиологов и других ученых, занятых проблемой рака. Цель этого съезда заключалась в точной формулировке тех положений, на основе

которых должна в дальнейшем развиваться противораковая борьба. В апреле 1954 г. больше 300 врачей штата Мичиган и других собрались на девятый годовой **Cancer Day**.

В дореволюционной России инициатором общественной борьбы против рака был проф. Левшин и его ученик проф. Зыков. Благодаря частным пожертвованиям по их призыву в Москве в 1903 г. был учрежден Институт для лечения опухолевых больных. В С. Петербурге в 1911 г. была сооружена Еленинская больница для бедных женщин, страдающих злокачественными опухолями. В других городах и отдельных больницах существовали только единичные палаты для раковых больных. В 1914 г. Петербургское Всероссийское Общество борьбы с раком, а вместе с ним и аналогичные местные общества (напр., Киевское и др.) созвали 1-ый Всероссийский Съезд по борьбе с раковыми заболеваниями. Уже после революции в 1920 г. был учрежден в Петрограде рентгенологический институт, снабженный мощными установками для лечения различных заболеваний, из которых видное место принадлежит злокачественным опухолям.

Осенью 1926 г. ленинградским отделом здравоохранения по инициативе и при энергичном содействии проф. Н. Н. Петрова был основан Научно-практический онкологический институт. Это крупнейшее в настоящее время учреждение, посвященное исключительно борьбе с опухолями, распадается на целый ряд отделений научного и практического характера.

Большая организационная и практическая работа в деле оказания помощи по опухолевым заболеваниям проделана и на Украине.

Еще до революции проф. К. М. Сапежко в Одессе много работал в этом отношении, а после революции одним из больших деятелей в этой области был проф. Я. В. Зильберберг. В 1924 г. в Одесском хирургическом обществе был заслушан и принят проект об учреждении при этом обществе «Противоракового центра». В задачи центра входило создание химической и патолого-гистологической лабораторий, поликлиники, стационарного отделения для диагностических целей и стационарного же отделения для всех видов хирургической и лучистой терапии опухолей.

В Киеве много внимания этому вопросу уделяли проф. Н. М. Волкович и проф. А. П. Крымов, а также и проф. Г. Б. Быховский, который нередко выступал с докладами в Киевском хирургическом обществе и способствовал организации онкологической клиники при Киевском Рентгеновском институте.

В задания противораковых центров входят выполнения функций: 1) просветительного, 2) профилактического, 3) диагностического, 4) лечебного характера. Профилактические задания очень широки. Они сводятся к предупреждению самого заболевания путем общих защитных мер и к локальным предупредительным мерам, к которым относится, напр., санация полости рта и др. К профилактическим же мерам противораковой борьбы относится лечение предраковых болезней, напр., удаление доброкачественных опухолей и др. К онкологической профилактике относится и предупреждение перехода опухолей из излечимого в неизлечимое состояние. Незначительный процент действительно излечимых раков в большинстве объясняется не недостаточностью диагностических методов, а плохой осведомленностью населения о важности ранней обращаемости к врачам. Для популяризации среди населения элементарных сведений о признаках и опасностях рака выпускаются специальные общедоступные издания. Проф. Н. Н. Петров выпустил такие брошюры: — «Памятка о раке», «Что надо знать о раке», «Каких раковых больных уместно направлять в онкологический институт». Методом печатания периодических популярных статей, устройством публичных лекций, радиовещанием о раковой опасности процент излечимых больных обычно быстро и наглядно повышается. Так, Bloodgood отметил, что до 1910 г. из числа обращавшихся по поводу заболеваний языка было 3% нераковых, а к 1920 г. в связи с пропагандой было уже 55% нераковых больных той же группы, обратившихся с целью проверки. Кинофильмы, организация противораковых недель составляют вехи на пути противораковой борьбы среди населения.

Успех противораковой борьбы в западно-европейских странах объясняется между прочим энергичной деятельностью

и в области профилактических мероприятий в деле появления и развития рецидивов. Нужный систематический контроль над выписываемыми из лечебных учреждений опухолевыми больными лучше всего осуществляется, конечно, методами диспансеризации. В Швеции всемирно прославившееся учреждение — "Radium Hemmet Stokholm" находится в постоянной связи со всеми раз попавшими в его поле зрения опухолевыми больными. По вызову этого учреждения больному из любой части Швеции предоставляется бесплатный проезд в Стокгольм.

Вопросу ранней диагностики рака посвящает свою статью крупнейший русский онколог проф. Н. Н. Петров. Он говорит о клинико-лабораторных основах ранней диагностики рака. Наряду с обычными «эксцизионными» биопсиями проф. Н. Н. Петров говорит о различных способах так называемой клинической микроскопии, т. е. исследования под микроскопом мазков из различных выделений, из распада опухолей шейки матки, из отслоения эпителия опухолей прямой кишки, желудка, легких и бронхов; исследования мазков и срезов из материала, получаемого путем отпечатков поверхности опухолей на предметных стеклах или путем высасывания шприцом через толстую иглу, втыкаемую в опухоль или в метастатические лимфатические узлы (т. наз. диагностические проколы или аспирационная биопсия). Эти методы обозначаются иногда термином — «цитодиагностика», так как распознавание производится здесь по морфологическим признакам отдельных клеток и их групп.

Говоря о биопсиях, проф. Н. Н. Петров говорит и об опасности, которую они представляют для больных со злокачественными опухолями. И в этом отношении имеется большой материал, накопленный Институтом Онкологии Академии Медицинских Наук СССР. Проф. Н. Н. Петров говорит все же, что число осложнений после биопсий значительно меньше числа диагностических ошибок, допущенных из-за отсутствия биопсий, а также меньше числа инфекционных осложнений, развившихся после обычных вагинальных исследований. Он говорит, что ускорения роста опухоли или сколько-нибудь значительных кровотечений в связи с биопсиями не наблюдалось ни разу. Наблюдался один тяжелый случай ин-

фекции с образованием абсцесса печени и со смертельным исходом после биопсии при раке прямой кишки. Проф. Н. Н. Петров считает противопоказанными биопсии при меланомам, ибо при них биопсии могут быть причиной бурного роста опухоли и образования множественных метастазов.

В заключение раздела об Онкологических институтах я хочу упомянуть, что в 1950 г. Академией Медицинских Наук СССР в Москве была выпущена монография Л. М. Шабада — «М. А. Новинский — родоначальник экспериментальной онкологии». В этой монографии автор подчеркивает, что русский ветеринарный врач М. А. Новинский осуществил первую в мире серию успешных перевивок опухолей в С. Петербурге в 1875-1877 г.г. в тогдашней Медико-хирургической Академии.

Свои опыты, произведенные в зоохирургическом кабинете проф. Воронцова, М. А. Новинский описал в 1877 г. в диссертации на степень магистра ветеринарных наук — «К вопросу о прививании злокачественных новообразований (экспериментальное исследование)».

Только больше чем через 10 лет после успешной работы Новинского появились работы иностранных авторов — Wehr'a в 1889 г. и Hanau в 1889 г., которые, продолжая начатые Новинским исследования, пересаживали опухоли с одних животных на другие. Wehr после работы Новинского сообщил об успешной перевивке саркомы половых органов от собаки собаке. Wehr цитирует Новинского, как первого исследователя, которому удалось перевивка опухолей. Точно также и Hanau, которому удалось перевить двум крысам кусочки метастатического узелка типичного плоскоклеточного ороговевающего рака, возникшего у крысы-самки в области вульвы, цитирует в своей работе работу М. А. Новинского.

Институты переливания крови .

Вопросами переливания крови в России интересовались давно. Первое упоминание о переливании крови принадлежит Хотовицкому в 1830 г. и представляет собой реферат работ Blundell'я. Blundell, профессор физиологии и акушерства в Лондоне, напечатал в 1824 г. книгу: «Физиологические исследова-

ния о переливании крови». В 1819 г. Blundell впервые произвел переливание крови от человека человеку. Хотовицкий при маточных кровотечениях рекомендует в первую очередь испытать действие наружных и внутренних кровоостанавливающих средств и только после совершенно безуспешного употребления этих средств рекомендует произвести переливание крови, чем показывает, что надежды, возлагаемые им на переливание крови, невелики.

Честь первого переливания крови в России принадлежит городскому акушеру в С. Петербурге Вольфу, который в 1832 году делает успешное переливание крови при послеродовом кровотечении.

В течение ближайших десятилетий Вольф делает еще 4 гемотрансфузии, но с неудачным результатом.

Буяльский уже расширяет показания к переливанию крови, включая сюда не только послеродовые кровопотери, но и потерю крови при «наружных ранах».

В конце первой половины XIX века и, главным образом, во второй половине его в России выходит целый ряд обстоятельных диссертаций (Сутугин, 1865; Табуре, 1865; Раутенберг, 1867; Алексеевский, 1883; Никольский, 1879; Филомафитский, 1879), в которых авторы сообщают о проделанных многочисленных опытах, касающихся, главным образом, вопросов переливания дефибринированной крови и улучшения техники трансфузии.

Несмотря на многочисленные экспериментальные исследования, количество переливаний крови в России в XIX веке было невелико — оно едва достигает цифры 60.

В XX веке первое переливание крови в России было произведено в январе 1913 года певичке Вьяльцевой, заболевшей острой формой пернициозной анемии.

В 1919 г. Шамов сделал в Петрограде переливание крови с подбором донора на основе учета изоагглютинационных свойств. В 1921 г. в первой книге «Нового Хирургического Архива» появилась статья Шамова, посвященная вопросу переливания крови, с сообщением о произведенных в 1919 г. в клинике проф. С. П. Федорова 3 случаях переливания крови.

Переливания крови были сделаны после предварительной пробы на совместимость крови донора и реципиента, но без определения самих групп. В 1921 г. в Петрограде, Москве и Одессе рядом авторов были выделены стандартные сыворотки.

В 1922 г. Авдеева и Грицевич произвели первое массовое определение групповой принадлежности у 1600 человек.

В 1925 г. вышла первая монография на русском языке харьковского д-ра Гесс-де-Кальве, посвященная вопросу о переливании крови при злокачественных новообразованиях.

В 1926 г. в Москве, по инициативе А. А. Богданова, основан был **Институт гематологии и переливания крови**. После смерти Богданова Институт возглавляли проф. А. А. Богомолец и А. А. Багдасаров.

В 1930 г., по инициативе проф. В. Н. Шамова, в Харькове был организован Украинский институт гематологии и переливания крови.

В 1931 г. в Ленинграде открывается станция по переливанию крови, переименованная в 1932 г. в Научно-исследовательский институт переливания крови. Несколько позднее был открыт Институт переливания крови в Киеве. Кроме того в ряде городов были открыты филиалы институтов переливания крови.

Необходимо отметить, что на IV Всукраинском съезде хирургов в 1930 г. вопрос о переливании крови был поставлен в качестве программной темы и это обстоятельство сыграло большую роль в смысле популяризации и распространении метода переливания крови. В 1932 г. вопрос о переливании крови подвергался обсуждению на XXII Всесоюзном съезде хирургов в Москве, а также на съездах хирургов Закавказья, Крымском и на ряде конференций по переливанию крови.

В 1928 г. Шамов и Костюков выдвинули вопрос о переливании трупной крови, а в 1931 г. Юдин и Сакаян в Москве практически осуществили этот метод в Институте имени проф. Н. В. Склифосовского.

В 1933 г. Центральный Институт переливания крови в Москве начал издавать журнал «Современные проблемы ге-

матологии и переливания крови». Журнал «Вестник хирургии» посвящает отдельные сборники вопросам переливания крови.

Центральный Институт переливания крови провел большие работы по консервации крови и разысканию новых стабилизаторов.

Донорство в СССР централизовано при институтах, станциях и кабинетах по переливанию крови, которые имеются во всех городах.

В 1926 г. в Москве при открытии Института переливания крови была небольшая группа доноров, а в 1937 г. было уже больше 1000 доноров. По наблюдениям институтов переливания крови лучшими донорами являются лица в возрасте от 20 до 40 лет. Многократные взятия крови у лиц в возрасте от 18 до 20 лет переносятся хуже, чем у лиц более старшего возраста. Молодые люди в возрасте от 18 до 20 лет давали очень плохую реакцию крови. По наблюдениям Ленинградского института переливания крови, лица интеллектуального труда, точные механики, водители транспорта резче реагируют на большую кровопотерю и при такой кровопотере понижают свою трудоспособность на некоторое время (Хвиливицкий).

Алкоголизм считается противопоказанием для донорства. У алкоголиков нередко встречается неполноценный состав крови и кроме того алкоголик всегда таит в себе опасность передачи венерических заболеваний. Исследование крови у алкоголиков показало плохую регенерацию и они были исключены из числа доноров. Ленинградский институт переливания крови не относится отрицательно к донорам курильщикам. Взятие крови от доноров производится только в институтах и станциях переливания крови.

Во все лечебные учреждения для переливания посылается только консервированная кровь. Нужно сказать, что в институтах переливания крови проводились экспериментально-клинические, лабораторные и клинические испытания различных растворов для консервирования крови. Был предложен новый раствор, по своему составу приближающийся к жидкости Локка, который был назван «жидкостью ИПК» (института переливания крови). Рядом авторов (Балаховский, Палицина, Гесс де

Кальве и др.) производились исследования о тех химических изменениях, которые происходят в крови в период консервации. Затем проводились работы по изысканию новых стабилизаторов, занимались изучением вопроса о гибели малярийных плазмодиев в консервированной крови, о бактерицидности консервированной крови по отношению к сифилитическому вирусу и др.

При сравнительном изучении различных консервирующих жидкостей в Ленинградском институте переливания крови удалось установить, что в глюкозо-цитратных растворах удается сохранять кровь до 35 дней. Филатов предложил 30% раствор цитрата. Дозировка при этой концентрации — 2 см³ на 100 см³ крови. Этот метод получил большое распространение.

Идея переливания трупной крови возникла в СССР.

Проф. В. Н. Шамов опубликовал свою первую работу «Переливание крови от трупа» в 1928 г. Идея переливания трупной крови на Западе не прижилась, но западные авторы (Schwalm, Naegeli, редактор журнала *The Lancet* отдают должное советским авторам, много поработавшим в этом направлении.

В 1930 г. на IV съезде хирургов Украины Юдин и Сакаян сообщили о 7 случаях переливания трупной крови на людях с благоприятным результатом. Еще до начала 2-ой мировой войны Юдин уже имел более 2500 случаев переливаний трупной крови. Однако в доступной мне советской литературе я не мог найти указаний на применение метода переливания трупной крови на войне в советской армии.

Травматологические Институты .

В заключение я хочу сказать несколько слов о травматологических институтах.

Травматология — это наука о травмах, о повреждениях.

Травматология, являющаяся отделом хирургии, выделена в самостоятельную дисциплину. Выделение специальных травматологических отделений и травматологических институтов, дающих возможность сконцентрировать в одних руках всю травму, изучить ее и вырабатывать на основании большого материала единые методы диагностики и лечения, име-

ет большое клиническое и общественное значение. На травматологию смотрят, как на основу военно-полевой хирургии.

Травматологические институты начали организовываться вскоре после 1-ой мировой войны почти во всех крупных городах России. К окончанию гражданской войны напр., в Ростове на Дону был организован при активном участии проф. Н. В. Парийского и проф. П. И. Бухмана травматологический институт с отделениями хирургическим, ортопедическим, челюстным, физио-терапевтическим, рентгеновским и механотерапевтическим. Автору этих строк приходилось принимать участие в организации этого института совместно с вышеназванными профессорами и работать в хирургическом и челюстном отделениях. Большие травматологические институты были созданы в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове.

В травматологических институтах были организованы соответствующие кабинеты и отделения, которые давали возможность доводить лечение травматического больного до конца, до полного восстановления трудоспособности — отделения «лечебной физической культуры, физио- и механотерапии, протезные мастерские, кабинеты по трудотерапии и наконец поликлиника для дальнейшего наблюдения и учета отдаленных результатов лечения.

Кадры специалистов травматологов формируются из хирургов, которые проходят специальный курс травматологии в институтах усовершенствования врачей или командированы на несколько месяцев в травматологические институты.

Post scriptum. По заслушании доклада почетный председатель Пироповского Общества, ныне покойный проф. В. А. Юревич, быв. профессор Военно-Медицинской Академии, несмотря на свои 90 лет, очень живо и интересно выступил и поделился своими мыслями как по поводу доклада, так и о прошедших годах академической жизни.

PIROGOV'S SCHOOL OF RUSSIAN SURGERY.

In this article the writer divides the history of Russian surgery into two periods: 1-st period occupies 150 years, 2-nd is beginning from N. I. Pirogov and continues until present time.

Nicholas Ivanovich Pirogov was born in Moscow on the 13-th November 1810 and died on 23-rd November 1881.

N. I. Pirogov, the great Russian surgeon and anatomist, belongs to those remarkable Russian people who lifted the banner of Russian science highly up in the eyes of the whole civilized world.

Pirogov is to be placed on the same level with the prominent scientists like Lobachevsky, Mendelejev, Sechenov and Pawlov.

At the age of 26 Pirogov was elected assistant professor for surgery at the University of Dorpat. One year later he became full professor. He got the professor's chair for surgery and became professor for theoretical, operative and clinical surgery.

In 1837 Pirogov started with the publication of his famous "Surgical Anatomy of the Arterial Trunks and Fascias" (in Latin and German). In the same year the University of Dorpat sent him to Paris. When he came to see the famous French surgeon Velpeau, the star of the French medical school, the latter was reading the first two parts of his "Surgical Anatomy". When Velpeau heard that Pirogov who had modestly introduced himself to the French celebrity as a Russian physician, had come to Paris to learn from Velpeau the latter said lively: "I was just reading your Anatomy when you came in, — it is not you who should learn from me but I should learn from you".

In 1841 Pirogov was appointed to the professor's chair for hospital surgery and applied anatomy at the Medico-Surgical Academy in St. Petersburg. At the same time he also lectured on pathological anatomy. During that period he began to publish his "Applied Anatomy" with an excellent anatomical atlas in folio.

In 1846 Pirogov published his "Atlas of Anatomy for Experts for Forensic Medicine".

In 1849 was published another remarkable work "The Pathological Anatomy of the Asiatic Cholera" with an excellent atlas in folio, in Russian and French. This work was based on more than 800 autopsies of cholera victims.

In 1850 he published his "Anatomical Exhibition of the Shape and Position of the Organs in the Three Main Cavities of the Human Body". Finally he published his great "Topographical Anatomy of Sawn Parts of the Human Body, Carried out on Frozen Corpses" ("Anatome topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata").

What is this "Topographical" or as it is now often called "Ice" Anatomy of N. I. Pirogov? It is a luxurious, unique atlas and consists of 4 big volumes in folio. This Atlas is an extraordinary bibliographical rarity nowadays.

One of the greatest merits of N. I. Pirogov consists of closely combining anatomy with surgery. By making anatomy the basis of surgery he secured the progressive development of surgery for the future.

Pirogov invented in Russia a) the chair for operative surgery and topographical anatomy and b) the "hospital" surgical clinic. It was Pirogov's opinion that topographical anatomy should be taught together with operative surgery and that this subject should be lectured by a surgeon and not by an anatomist not connected with the clinic.

In Dorpat Pirogov for the first time carried out the operation on the Achilles tendon of a club foot and made numerous experiments with animals in order to clarify the process of the growing together of cut tendon. The result of this work was that the blood coagulation of the tenotomy contributes to the renewal of the tendon. This essay is so remarkable that Prof. Bier calls it classic.

In 1848 Pirogov was the first to introduce the ether narcosis for the wounded on the Caucasian theater of war and developed his method of the rectal ether-oil narcosis.

Pirogov was the first to introduce the plaster of paris dressing in Russia. Pirogov developed also his own operations.

His osteoplastic amputation of the foot is well known to everybody.

Further I want to mention the ligature of the art. lingualis according to Pirogov. Pirogov introduced the method of the extraperitoneal ligature of the art. iliaca.

His work in 2 volumes "The Basis of the General Field Surgery in War Time" is being read also today with great interest. Due to this

work Pirogov is rightfully said to be the first excellent field surgeon who combined his knowledge of anatomy, physiology and pathology with practical surgery.

Already during his lifetime N. I. Pirogov was classed with the great and genial people. On the 50th anniversary of his scientific activity N. I. Pirogov received the portrait of Billroth with the following dedication: "To the honored Maestro Nicholas Pirogov. The truth and clearness in thinking and feeling in words as well as in deeds are the steps of the ladder which leads the people to the throne of the Gods. I am eager to follow you, the courageous and reliable pioneer on this path which is not always safe". This picture is kept in the Pirogov museum in St. Petersburg (Russia).

On the occasion of the 25th anniversary of Pirogov's death Prof. W. I. Rasumowsky dedicated an essay to his memory in the periodical "Archiv fuer klinische Chirurgie". He then received several sympathetic letters from foreign representatives of the scientific surgery, among others from the best representative of American surgery, Nicholas Senn. In the following I will recite extracts of his letter: "The essay is excellent and expresses the well-deserved praise of the most famous Russian surgeon. In my lectures on field-surgery in war time I often mention Pirogov's name and your perfect article supplies me with new material".

At the celebration of the 100th anniversary of Pirogov's birthday at the University of Kiev Prof. N. M. Wolkovich said: "The whole activity of Pirogov is marked by his analysis of the facts, love of truth and objectivity. He developed the scientific surgery and was far ahead of his time".

Russian surgeons continue the scientific way indicated by N. I. Pirogov. Russian surgeons founded Institutes for Postgraduate Education, Neuro-Surgical Institutes, Oncological Institutes, Institutes for Blood Transfusion, Traumatologic Institutes, Institutes for Scientific Research.

For all these institutes the writer pays careful attention in this article and also presents characteristic properties of surgical chairs at the Russian Universities.

Б. А. Константиновский *)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА)

Захватив власть в октябре 1917 года и покончив с демократическими свободами, большевистская партия сделала все от нее зависящее, чтобы дискредитировать в глазах не только населения России, но и общественного мнения за границей деятельность первого демократического правительства по-революционной России — Временного Правительства.

С тех пор прошло 50 лет, и нам кажется, что в целях восстановления истины настало время показать, какие задачи ставило себе правительство в области преобразования государственного строя по-революционной России, и что оно практически успело осуществить за 8 месяцев своего существования. Наибольший интерес для историков Русского права представляют те законодательные акты, которые реформировали, а в некоторых случаях создавали вновь на демократических началах местное самоуправление, местную административную власть, судебные учреждения, выборы в Учредительное Собрание и пр. К этим актам должны быть отнесены:

---

*) B. A. Konstantinovsky. Prof. of the Law Faculty. University of Odessa.

- 1) Закон о волостном земском самоуправлении,
- 2) Изменения и дополнения, внесенные Временным Правительством в действующие к моменту февральского переворота законы о Губернском и Уездном Земском самоуправлении,
- 3) Закон, введивший вновь Земское самоуправление в Архангельской губернии и в губерниях и областях Сибири и Средней Азии.
- 4) Создание Земского самоуправления в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях, а также в Калмыцкой Степи и Киргизской Внутренней Орде, как первый опыт к разрешению национального вопроса в России.
- 5) Реформа городского самоуправления.
- 6) Организация местной административной власти, а также земской и городской милиции (полиции), находящейся в введении органов местного (земского и городского) самоуправления.
- 7) Полная реформа местного суда, частичная реформа общих судебных установлений, в том числе и Верховного Суда по административным делам — Правительствующего Сената.
- 8) Учреждение Административного Суда.
- 9) Законы о печати. Реформа высшей и средней школы и, наконец,
- 10) Закон о выборах в Учредительное Собрание.

1. РЕФОРМА ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.

Как известно, эпоха шестидесятих годов и первой половины семидесятих прошлого столетия вошла в историю России, как эпоха Великих Реформ, преобразовавших лик России. За освобождением крестьян в 1861 году последовали реформы: Земское самоуправление 1-го января 1864 года, город-

ская 16 июня 1870 г., судебная 20 ноября 1864 г., Университетская 18 июня 1863 г. и введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. Как бы эти реформы ни были значительны, благодетельны и необходимы, все же эпохе Великих Реформ не удалось «увенчать здания», закончить преобразование России путем созыва народного представительства, а то что было создано, не всегда носило Всероссийский характер. Так, например, положение о земских учреждениях 1-го января 1864 года, вводя земское самоуправление только в уездах и губерниях, лишало этого самоуправления мелкие административные единицы-волости. Кроме того, земское самоуправление вводилось только в 33-х губерниях Европейской России и в Области Войска Донского, оставив за бортом всю остальную часть Империи (Архангельская губерния, губерний Польши, 6 губерний Юго-Западного Края, губерний и области Сибири, Северного Кавказа и Закавказье).

О безусловном волостном земстве много писалось еще в семидесятых годах прошлого столетия, а перед революцией 1905 года создание мелкой земской единицы, как тогда называли волостное земство, стало всеобщим требованием. Тем не менее, февральский переворот застал русскую деревню при порядках, которые были установлены в 1861 году, если не считать, что в царствование Александра Третьего был введен институт земских начальников с целью, как об этом говорилось в докладе министерства внутренних дел, «восстановить дисциплину среди крестьян, а землевладельцам доставить ту специальную охрану, которую они не находили в судебных и административных учреждениях». 21-го мая 1917 года был обнародован закон «О волостном земском управлении». По закону 21-го мая ведомству волостного земства подлежали в пределах волости дела местного общественного хозяйства и управления, при чем введение волостного земства распространялось на всех лиц, проживавших в пределах волости, без различия состояний. Таким образом, новый закон устранял исключительное положение для главной массы сельского населения-крестьянства, так как дореволюционная волость была сословным крестьянским учреждением. Теперь земская во-

лость становилась мелкой самоуправляющейся единицей для всего населения волости без каких-либо изъятий. Круг действий мелкой земской единицы был определен законом очень широко и создавал в лице волостного земства как бы начальную школу для подготовки населения к общественной деятельности. Высшим органом волостного земства закон устанавливал Волостное земское собрание и избираемую Земским собранием Волостную земскую управу в качестве исполнительного органа волостного земского самоуправления. Волостное земское собрание составлялось из волостных земских гласных, избираемых на трехлетний срок в количестве от 20 до 50 лиц в зависимости от населения волости.

Избирательное право предоставлялось Российским гражданам обоего пола, всех национальностей, достигшим 20 лет, если они, во время составления избирательных списков, проживали в волости, либо имели там домашнее обзаведение, или состояли там на службе, или же имели другие, связанные с волостью определенные занятия. Каждый избиратель на выборах имел только один голос и выборы производились закрытой подачей голосов посредством записок. Избранными в волостные гласные считались лица, которые получили более половины числа поданных голосов. Если же в результате выборов оказалось, что избрано менее положенного числа гласных, то на следующий день назначались новые выборы, и в этом случае избранными считались лица, получившие наибольшее число голосов, а при равенстве голосов старшинство избранных определялось жребием. Закон 21 мая устанавливал мажоритарную систему выборов, т. е., самую простую и понятную населению.

Законом 9 июня 1917 года было внесено целый ряд изменений и дополнений в губернские и уездные земские учреждения. Эти изменения и дополнения вытекали из демократизации государственного строя России, а законом 21 мая 1917 года вводилось всеобщее, прямое, равное и тайное голосование при земских выборах, взамен выборов в дореволюционное земство, построенных на сословном и цензовом (по преимуществу) основаниях. Из главнейших изменений, введенных

законом 9 июня, отметим расширение предметов ведомства Губернских и Уездных земств и одну «мелочь», упразднение которой вытекало из крушения сословного строя в России. В Земских собраниях (Губернских и Уездных) закон 9 июня устанавливал должность выборного председателя, так как в дореволюционных Земских собраниях председательствовали по должности, а не по выборам Земского собрания — предводители дворянства: губернский в Губернском, а уездный в Уездном земском собрании.

Самой ценной особенностью нового закона о земском самоуправлении была САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ земских учреждений. Центральная административная власть могла только осуществлять надзор над деятельностью земства. Этот надзор осуществлялся представителями местной административной власти, назначенными Правительством, в обязанность которых входило только следить за тем, чтобы издаваемые земским самоуправлением постановления не противоречили действующим законам. В том случае, когда, по мнению представителя местной административной власти, земство в своей деятельности нарушало законы, он обязан был обратиться с протестом в административный суд, который в открытом судебном заседании с вызовом сторон, а если необходимо, свидетелей и сведущих лиц, разрешал спорный вопрос между административной властью и органами земского самоуправления. Таким процессом в административном суде земство было обеспечено от незаконных действий и вмешательства в его деятельность со стороны административной власти. С другой стороны, административная власть путем обращения с иском в административный суд охраняла население от противозаконных действий земства.

Решение Административного суда по этим административным искам было, конечно, обязательно как для местной административной власти, так и для земства.

Этот порядок взаимоотношений между административной властью и земским самоуправлением, введенный законом 9 июня, обеспечивал правовые начала в управлении Российским государством. Как указано было выше, Земское самоуправление

по положению 1864 года было введено только в 33-х губерниях Европейской России и в Области Войска Донского, при чем в 1882 году эта Область лишилась дарованного ей земства.

Само же Земское положение 1864 года было изменено в 1890 году, когда вся система земских выборов построена была, во-первых, — на предоставлении преимущественного руководства земским делом дворянству и, во-вторых, — на лишении крестьян права непосредственного избрания земских гласных. В 1911 году земство было введено в 6-ти губерниях Юго-Западного Края, а в 1913 году и в губерниях: Астраханской, Оренбургской и Ставропольской. Особенностью земства Юго-Западного Края заключалось в том, что выборы земских гласных в этом крае производились не по сословному делению избирателей, а по национальным куриям: отдельно для польского и непольского населения края.

Для полноты очерка необходимо отметить, что Государственной Думой в 1912 году были также приняты законопроекты о введении земских учреждений в Сибири и о введении волостного всесословного земства, но эти проекты были «похоронены» в Государственном Совете.

Считая, что земство, как основа демократического строя, должно быть введено без всяких изъятий на всей территории Российского государства, Временное правительство законом 17 июля 1917 года распространило земские учреждения на Архангельскую губернию, губернии и области Сибири, а также и на области Акмолинскую, Семиреченскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую, т. е. в пределах нынешней Казахской ССР. Законом 1 июля 1917 года земское самоуправление было введено также и в областях Закаспийской (нынешней Туркменской ССР), Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, т. е. на территории нынешних Таджикской, Узбекской и Киргизской ССР.

Этими мероприятиями деятельность Правительства по реформе местного управления и самоуправления не ограничилась.

30 марта 1917 года был издан закон об устройстве административного управления и местного самоуправления в Эст-

ляндской губернии (нынешней Эстонской ССР). Этот закон включил в состав Эстляндской губернии Юрьевский, Веросский, Фелинский, Перновский и Эзельский уезды Лифляндской губернии, объединив таким образом, в одной административной единице (губернии) почти все Эстонское население. Для определения принадлежности в пограничных волостях к эстонской или латышской народностям, закон создал особую согласительную комиссию на паритетных началах от эстонцев и латышей, на которую возлагалось составление проекта границы между двумя НАЦИОНАЛЬНЫМИ губерниями, производя, в случае надобности, ОПРОС НАСЕЛЕНИЯ спорных волостей.

На таких же самых основаниях 22 июня 1917 года был издан закон об устройстве административного управления и местного самоуправления в Лифляндской и Курляндской губерниях (нынешняя Латвийская ССР). По этим законам в двух национальных губерниях, в их новых границах, управление вверялось Губернским комиссарам, а самоуправление — губернским и уездным земским Советам. Губернские земские Советы составлялись из членов от уездов и городов по одному на каждые 15000 жителей, избираемых на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования по пропорциональной системе. Язык в этих земствах определялся постановлением этих Советов, при чем каждый гражданин имел право обращаться в эти учреждения и получать на них ответы либо на русском, либо на одном из местных языков.

1-го июля 1917 года был издан закон о введении земских учреждений в Калмыцкой Степи и Киргизской Внутренней Орде. Этим законом губернские и уездные земские учреждения с последовавшими к ним изменениям и дополнениям, о которых говорилось выше, а также закон 21 мая 1917 года о волостном земстве, вводились в местностях, занятых в Астраханской губернии кочующими калмыками и киргизами Внутренней Орды.

Кроме того, закон выделил из Терской Области земли, отведенные калмыкам в составе одного аймака, присоединив их к территории, отведенной кочующим калмыкам в Астраханской губернии, создав две НАЦИОНАЛЬНЫЕ области под на-

званием Калмыцкая Степь и Киргизская Внутренняя Орда. Административными центрами были: для Калмыцкой Степи — поселение Элиста, а для Киргизской Внутренней Орды — Ханская Ставка. Улусы в Калмыцкой Степи и участки Киргизской Внутренней Орды в отношении дел местного самоуправления и общественного хозяйства приравнялись к отдельным уездам. Права и обязанности Губернских земских собраний и управ принадлежали Калмыцкому Степному и Киргизскому Ордынскому Земским Соборам и Управам, а Уездных Земских Собраний и Управ-улуским и Участковым Земским Соборам и Управам. Что касается волостного земского самоуправления в этих областях, то в Калмыцкой Степи они получили название земских аймаков. Надзор за законностью действий земских учреждений возлагался по Калмыцкой Степи на Комиссара по управлению Калмыцким народом, а по Внутренней Орде на Комиссара Киргизской Внутренней Орды.

Таким образом, были предприняты первые шаги к созданию в демократической России такого государственного строя, где каждый народ мог пользоваться самоуправлением. Это было только начало. Введение областного самоуправления для других народов России не было закончено из-за событий в октябре 1917 года, когда большевики, захватив власть, ликвидировали свободу, земское и городское самоуправление и независимый суд.

Создавая земское самоуправление на демократических началах, Временное Правительство законом 7-го июня 1917 года подвело прочную правовую базу под Всероссийский земский союз, как бы покрыв крышей строй земского самоуправления. В соответствии с п. 1 закона Всероссийский земский союз, являясь добровольным объединением земских учреждений, должен был осуществить мероприятия, вызываемые потребностями и задачами общеземского характера. С этой целью Всероссийскому Земскому Союзу предоставлялось: а) учредить заводские, торговые и кредитные предприятия; б) открывать учебные (высшие, средние и низшие) и просветительные учреждения, а также оказывать им свое содействие; в) издавать и распространять печатные издания.

В состав Всероссийского земского союза должны были входить все те губернские земства, которые постановили о своем участии или присоединились к союзу и сделали соответствующие взносы в союз. Как видим, Всероссийский Земский Союз был добровольной ассоциацией Губернских земств. Союз пользовался правами юридического лица, имея право приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать в обязательства и т. п.

Высшим распорядительным органом Союза являлось Собрание уполномоченных. На каждую губернию полагалось три уполномоченных: два, избираемых губернским земским собранием, а один, избираемый Губ. Земск. Управой из своей среды. В Собрании уполномоченных могли также участвовать с правом решающего голоса Главноуполномоченный, его два товарища и Члены Главного Комитета, которые избирались Собранием уполномоченных на три года, причем Главноуполномоченный являлся Председателем Главного Комитета. Местными органами Союза являлись губернские и Уездные Комитеты, состав которых устанавливался Земскими собраниями, но Земские собрания могли, не образуя комитетов, поручать их функции Земским управам.

2. РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ .

Городовое положение 16 июня 1870 года, которым создавалось выборное городское самоуправление, предоставляло избирательные права при выборах в городскую Думу незначительному кругу лиц. Это право по положению 1870 года предоставлялось только владельцам недвижимых имуществ, держателям торговых и промысловых предприятий, а также держателям промысловых и купеческих свидетельств. Сами избиратели делились на три разряда: в первый разряд вносились крупные плательщики сбора, во второй — средние, в третий мелкие, так чтобы общая сумма платежей, вносимых избирателями каждого разряда, составляла одну треть всех городских сборов.

Каждый разряд составлял особое избирательное собрание, избиравшее одну треть общего числа гласных городской Думы. Таким образом, крупные и средние плательщики избирали две трети общего числа гласных Думы, подавляя всех остальных наиболее многочисленных мелких плательщиков, на долю которых приходилась лишь одна треть.

Более несправедливой избирательной системы, казалось бы, трудно было придумать. Тем не менее в эпоху контр-реформ, очевидно, полагая, что эта система выборов слишком либеральна, в 1892 году был внесен целый ряд изменений в положение 1870 года.

Эта реформа, хотя и уничтожила деление избирателей на упомянутые разряды, установив голосование по территориальным участкам, но зато, подняв имущественный ценз, еще более сократила число городских избирателей. Стоит также упомянуть, что закон 1892 года исключил из числа избирателей священников и церковнослужителей христианских вероисповеданий. Они не могли быть ни избирателями, ни гласными; их по реформе 1892 года представлял в Думе депутат от духовного ведомства, если епархиальное начальство признавало нужным его назначать. Реформа 1892 года значительно сократила число избирателей сравнительно с положением 1870 года.

В 1903 году для Санкт-Петербурга было издано новое положение об общественном управлении столицы. По этому положению к упомянутому выше ограниченному числу городских избирателей добавлялась небольшая группа наиболее состоятельных квартиронанимателей. Исполнительным органом городского самоуправления являлась городская управа, состоящая под председательством городского головы из нескольких членов управы, избираемых Думой на четыре года. В Петербурге и Москве городские головы назначались Государем из числа кандидатов, избираемых столичными думами: В Петербурге Дума избирала одного кандидата, в Москве — двух.

В таком виде городское самоуправление просуществовало до февральского переворота 1917 года.

Временное Правительство законом 9 июня 1917 года «Об изменении действующих положений об общественном управ-

лении городов» внесено целый ряд изменений и дополнений в городское положение 1892 года, которые вытекали из демократизации государственного строя России, а законом 15 апреля 1917 года вводилось при выборах гласных городских дум, всеобщее (включая и женщин) прямое, равное и тайное голосование. Из главных изменений, введенных законом 9 июня, отметим: расширение пределов ведомства городского самоуправления, с передачей в его ведение также и продовольственного дела, увеличение числа гласных городских дум до двух сот (в столицах), избрание столичных городских голов самими думами, создание должностей председателя городской думы, т. к. в дореволюционных думах председательствовал городской голова, и, наконец, предоставление городскому самоуправлению САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ на тех же началах, какие были предоставлены законом 9 июня 1917 года земскому самоуправлению.

В столицах и больших городах с населением свыше 150 тысяч жителей вводилось УЧАСТКОВОЕ городское самоуправление. Органами этого самоуправления являлась участковая Дума и избираемая ею участковая управа. Гласные участковой Думы избирались на тех же основаниях, как и гласные городской думы, т. е. всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Число участковых гласных определялось от 20 до 50 в зависимости от размера населения участка города. Участковая управа составлялась из председателя и членов, число которых определялось городской думой. При обсуждении в городской думе и в городской управе дел, касающихся данного участка, в заседание думы, в случае надобности, приглашались председатели участковых дум и управ, с правом совещательного голоса. Все постановления участковой думы должны были представляться участковой управой в городскую управу, и если последняя признавала постановление участковой думы несогласными с действующими законами, либо противоречащими общегородским интересам, она могла приостановить приведение его в исполнение и передать дело на окончательное разрешение в городскую думу.

15 июля 1917 года был издан закон о поселковом самоуправлении. По этому закону поселковое самоуправление вводилось в целях заведывания делами общественного благоустройства и благосостояния в железнодорожных, фабрично-заводских, рудничных, промысловых, дачных и иных населенных местах. К предметам ведомства поселкового самоуправления закон относил те же дела местного управления и хозяйства, какие были отнесены к ведению волостного земства по закону 21 мая 1917 года. Органами поселкового самоуправления являлись: поселковое собрание и поселковая управа. Поселковое собрание состояло из поселковых гласных в числе от 12 до 40 в зависимости от населения поселка. Выборы поселковых гласных производились на таких же основаниях, как и при выборах в участковые и городские думы. Поселковая управа в качестве исполнительного органа поселкового самоуправления избиралась поселковым собранием и состояла из председателя и членов управы. Надзор за деятельностью поселкового самоуправления осуществлялся на таких же основаниях, какие были установлены законом 7 июня 1917 года в отношении земского и городского самоуправления.

Реформируя земское и городское самоуправление и создавая вновь мелкую земскую единицу, участковое городское и поселковое самоуправление, Временное Правительством законом 17 апреля 1917 года об учреждении земской и городской милиции (т. е. полиции) передало последнюю в качестве исполнительного органа государственной власти в непосредственное заведывание земского и городского самоуправлений. Начальники милиции избирались и увольнялись уездными земскими управами, за исключением столиц Петербурга и Москвы, а также городов Киева и Одессы, где начальники милиции избирались и увольнялись городскими думами. За местной административной властью оставался лишь надзор за деятельностью милиции, осуществляемый путем наблюдения за выполнением милицией обязанностей возложенных на нее по закону.

В случае обнаружения каких-либо упущений, местная административная власть имела право давать надлежащее ука-

знание и разъяснения и доводить об этом до сведения ее непосредственного начальника — уездных или породских управ.

Таким образом, полицейская власть вверялась органам земского и городского самоуправления, за центральной властью в государстве оставлялся лишь надзор и контроль.

3. РЕФОРМА СУДЕБНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ.

Судебные Уставы 20 ноября 1864 года ставили себе целью «водворить в России суд скорый, правый и милостивый, равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего. Сущность судебной реформы 20 ноября 1864 года, которая, по меткому замечанию В. П. Безобразова: «есть законодательный и вместе с тем умственный памятник, долженствующий служить в отдаленном потомстве величайшей честью нашего времени», состоял в следующем: в России учреждался суд независимый от администрации, судьям была дана несменяемость и полная свобода в отправлении правосудия. Разбирательство важнейших уголовных дел предоставлялось присяжным заседателям; устанавливался единообразный порядок рассмотрения дел в трех инстанциях — в двух по существу и в третьей — в кассационном порядке. Верховный Суд по всем делам был образован в форме двух кассационных департаментов Сената. Более важные дела рассматривались в окружных судах и в судебных палатах, менее важные у мировых судей и на мировых съездах.

Устанавливалась гласность, состязательность, устность производства и равноправность сторон; для охраны интересов тяжущихся была учреждена присяжная адвокатура, в уголовных делах право защиты было установлено без ограничений. Предварительное следствие было вверено судебным органам и поставлено под контроль суда и прокуратуры.

---

*) См. "Русский Вестник", 1866, № 10.

Однако, судебная реформа проводилась очень медленно и была закончена лишь в 1899 году. Составители судебных уставов рассчитывали, что через несколько лет судебная реформа будет введена повсеместно, но эти ожидания не оправдались. Самые судебные уставы стали подвергаться существенным дополнениям и переменам, совершенно чуждым их духу. Судебное законодательство утратило свою целостность и стройность. Так например: первые изъятия из введения суда присяжных были сделаны в 1879-1881 годах, а законом 7 июля 1889 года круг действия суда присяжных был еще более ограничен путем изъятия из его ведения ряда политических дел.

Другое крупное изменение уставов в области мировой юстиции, которой составители судебных уставов придавали огромное значение, было сделано законом 12 июля 1889 года, когда земские начальники, назначаемые и увольняемые по усмотрению административной власти, облеченные административными функциями, заменили выборных мировых судей, независимых и несменяемых. Местная юстиция, ближе всего соприкасавшаяся с широкой массой населения, в особенности крестьянства, была изъята из общей системы судебных органов и лишена гарантий, которые давали судебные уставы. Более того, законом 1885 года была, наконец, ограничена и несменяемость судей: так, например, высшему дисциплинарному присутствию Правительствующего Сената было предоставлено право увольнять судей без прошения не только за служебные упущения, но и за противные нравственности и предосудительные внеслужебные поступки. Кроме того, рассмотрение этого рода дел происходило без участия защиты и непублично. По Судебным уставам 20 ноября 1864 года в первоначальной редакции судьи могли быть уволены от должности только по прошению или по приговору уголовного суда. Все эти изменения и поправки, неудовлетворявшие ни защитников, ни противников судебных уставов, только калечили одно гармоническое целое. Единственным светлым событием было восстановление мировой юстиции в 1912 году.

При таких условиях пересмотр судебного законодательства являлся неотложным. 4 мая 1917 года издается закон о местном суде, коим выборная мировая юстиция была полностью

реформирована. Единоличный мировой судья, каким он был по судебным уставам 1864 года, превратился в коллегиальный путем присоединения к выборному мировому судье двух членов мирового суда, избираемых волостным земским собранием, и вместе с мировым судьей составлявших судебное присутствие. Мировой съезд по закону 4-го мая состоял из председателя, участковых, добавочных и почетных мировых судей, а также членов мирового суда, призываемых также по установленной ими между собой очереди. В мировые судьи могли быть избираемы лица обоего пола. Имущественный ценз для занятия должности мирового судьи был отменен и требовался лишь ценз образовательный не ниже среднего, либо работа в течение трех лет на таких должностях, при исполнении которых они могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел.

Одновременно с реформой местного суда 20 марта 1917 года был издан закон, по которому для назначения по судебному ведомству необходимо было прослужить в судебном ведомстве или состоять в звании присяжного поверенного: для занятия должности члена и товарища прокурора Окружного суда — четыре года, для должности председателя или прокурора Окружного суда или товарища прокурора Судебной Палаты, а также члена Палаты шесть лет, для должности председателя или прокурора Судебной Палаты и товарища обер-прокурора Сената — восемь лет и для должности сенаторов и обер-прокуроров кассационных департаментов Сената — десять лет. Сверх упомянутых выше лиц, имеющих право на занятие судейских должностей, закон 26 апреля 1917 года это право предоставил также лицам, имеющим ученую степень магистра или доктора римского, гражданского, торгового или уголовного права, и преподававших в течение сроков, указанных в законе 20 марта в высших учебных заведениях римское, гражданское или уголовное право либо гражданское или уголовное судопроизводство.

Устанавливая женское равноправие, Временное правительство законом 1-го июня 1917 года предоставило лицам женского пола право вступать в число присяжных поверен-

ных и заниматься ходатайством по чужим делам в качестве частных поверенных.

Необходимо также отметить, что 26 декабря 1916 года, т. е. за два месяца до событий в феврале 1917 года, Государственной Думой и Государственным Советом был принят закон «О некоторых изменениях в Учреждении Правительствующего Сената». По существу эти «некоторые изменения» вносили весьма существенные перемены в организацию и делопроизводство департаментов Сената (за исключением кассационных), а Первый и Второй департаменты превращались в Верховный Суд по административным делам. Нововведения закона заключались в следующем: звание сенатора в реформированных департаментах стало пожизненным, при чем сенаторы не могли быть уволены без прошения, далее для сенаторов был установлен образовательный ценз; в Сенат могли назначаться только лица с высшим образованием. Кроме того, в этих департаментах был реформирован порядок слушания дел. Были введены гласность, устность и состязательность на таких же основаниях, как и в кассационных департаментах. По новому закону в заседании реформированных департаментов должны были допускаться участвующие в деле лица, их поверенные и посторонняя публика. Кроме того, закон предоставил Сенату важное право кооптации своих членов. Общее присутствие каждого департамента могло на каждую вновь открывшуюся вакансию избирать двух кандидатов вносимых в Совет Министров для представления на утверждение монарха. Этот закон о реформе Сената был введен в действие уже после революции 29 апреля 1917 года.

В дополнение к законам 4-го и 20-го марта об упразднении Верховного Уголовного Суда и Особых Присутствий Правительствующего Сената, Судебных Палат и Окружных судов, было установлено, что преступления по должности, подлежащие ведению Верховного Уголовного Суда, должны рассматриваться Кассационными Департаментами Сената с участием присяжных заседателей. Особые Присутствия Судебных Палат и Окружных судов с участием сословных представителей заменялись теми же учреждениями, но с участием присяжных. Передавая власть активного управления в руки выборных ор-

ганов земского и городского самоуправления и оставляя в руках центральной власти только функции надзора, Временное Правительство ставило себе задачей обеспечить соблюдение законности при осуществлении органами самоуправления возложенных на них законом обязанностей. Поэтому, в первых же законах об организации местного самоуправления говорилось о «подлежащих инстанциях административного суда». Административный суд должен был играть роль «хранителя» молодых демократических учреждений. Вот почему закон 30 мая 1917 года «об административных судах» представлял собой крупное событие с точки зрения укрепления правовой государственности в России.

Идея судебной-исковой защиты публичного права гражданина впервые получила полное осуществление. Суд, разрешающий споры о праве между учреждениями и властью, между властью центральной и местной, суд в полном смысле этого слова, входящий в состав общей судебной системы, судебный иск охраняющий публичное право от всякого нарушения, точно также, как иск гражданский охраняет право частное, судебный процесс, приводящий к восстановлению нарушенного публичного права в полном объеме и всеми необходимыми для этого средствами — таковы были принципы закона 30 мая.

По идее закона, созданные им административные суды, вместе с их высшей инстанцией, Первым департаментом Сената, составляли общую и единую судебную власть по административным делам.

Согласно закону в уездах учреждалась должность административного судьи, по одному на каждый уезд. Этим судьям были подсудны органы волостного и поселкового самоуправления; окружным судам, находящимся в губернских городах, были подсудны органы городского, уездного и губернского земского самоуправления, а также вообще все должностные лица в пределах губернии, кроме губернского правительственного комиссара, жалобы на которого были подсудны сенату.

Административный суд по закону 30 мая НЕ ИМЕЛ НИЧЕГО ОБЩЕГО С ЖАЛОБОЙ ПО НАЧАЛЬСТВУ, В суде власть рассматривалась, как ответчик.

Поэтому административный суд имел не только право отмены, но и право изменения административного распоряжения. К этим полномочиям закон добавлял еще могущественное оружие из арсенала англо-саксонского права. Это право суда — обращаться к административным органам с прямым предписанием и запретом поскольку это было необходимо для восстановления законного порядка или права жалобщика.

Решение административного суда могло быть обжаловано в Окружный суд. Решение Окружного суда обжаловалось в Сенат. Таким образом, каждое дело могло быть рассмотрено по существу в двух инстанциях, и вместе с тем обеспечивалось единообразное истолкование закона, согласно указаниям высшего органа административного суда — Правительствующего Сената.

4. ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ И РЕФОРМА СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

27 апреля 1917 года издается закон о печати, которым устанавливалось, что печать и торговля произведениями печати свободны и, что применение к ним административных взысканий не допускается. С упразднением цензуры, новый закон устанавливая порядок, по которому, в течение суток после выпуска в свет вновь отпечатанных книг, брошюр, журналов, газет, нот и других произведений печати, типографии обязаны посылать представителю местной правительственной власти восемь экземпляров каждой книги, брошюры и т. п.; из них три экземпляра предназначались для вновь учрежденной Книжной Палаты, и по одному экземпляру для представителя местной правительственной власти, для публичной библиотеки, Академии Наук, для Московского Румянцевского Музея и для Александровского Университета в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). Одновременно с изданием закона о печати Временное Правительство постановило упразднить Главное управление по делам печати и должности особых цензоров драматических произведений, а равно должности инспекторов иностранной печати.

Взамен этих органов учреждалась КНИЖНАЯ ПАЛАТА на нижеследующих основаниях: на Книжную палату возлагалась регистрация всей текущей печати в России, а также типографий, литографий и т. п.; на Книжную Палату возлагалась также НАУЧНАЯ систематическая регистрация всего печатного материала на русском языке и образование книжного фонда для снабжения книгами государственных учреждений, а также государственных книгохранилищ всеми выходящими в России произведений печати. Кроме того, закон учреждал особое Бюро для составления обзоров современной печати, выходящей в России и за границей.

Из изложенного видно, что впервые в истории России печать, наконец, становилась независимой от правительственной опеки и получила центральное учреждение в лице Книжной палаты для научной регистрации всего печатного материала, издававшегося на русском языке.

Одновременно законом «О надзоре за публичными зрелищами» от того же 27 апреля, предварительная драматическая цензура также была упразднена при чем порядок возбуждения уголовного преследования по преступлениям, совершенными отныне свободной от цензуры печатью, стал применяться и к публичным представлениям.

Временным Правительством были приняты также меры по реформе высшей и средней школы.

Российские Университеты получили полную автономию с правом избрания ректора на четыре года; введена вновь доцентура, а законом 28 апреля 1917 года под скромным названием «об изменениях некоторых узаконений о средних общеобразовательных учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения» была произведена КОРЕННАЯ реформа всей системы обучения.

По закону 28 апреля разрешалось открывать на средства земских, городских и поселковых самоуправлений, приходов, частных учреждений и лиц четырехклассные гимназии и четырехклассные реальные училища.

В первый класс вновь учреждаемых гимназий и реальных училищ принимались без дополнительных экзаменов окончив-

шие курс высших начальных училищ учрежденных 25 июня 1912 года.

Закон 28 апреля 1917 года ликвидировал старую систему, по которой средняя школа была оторвана от начальной, так как старая школа не знала преемственности обучения и ставила целью каждого типа школы такое законченное образование, которое бы соответствовало будущему вероятному предназначению обучавшихся.

Теперь каждый род учебных заведений представлял одну из ступеней образования, доступным всем слоям населения, так как устранялись преграды для тех учащихся, родители которых решали за своих детей, какой степенью образования они должны ограничиться *).

5. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Подготавливая созыв Учредительного Собрания для установления формы правления и Основных Законов, Временное Правительство поручило разработку закона о выборах Особому Совещению.

Первая часть закона о выборах от 20 июля 1917 года устанавливала те же основы избирательного права, как и в органы местного самоуправления, по системе связанных кандидатских списков и пропорционального представительства. Поэтому, как общее правило, губернии были признаны в качестве избирательного округа и только на окраинах государства в виде исключения несколько губерний или областей объединились

---

*) Интересно отметить, что в царствование Императора Александра Первого был издан устав учебных заведений от 5-го ноября 1804 года, по которому все учебные заведения того времени разделялись на университеты, гимназии, уездные и приходские училища.

Каждый род учебного заведения представлял одну из ступеней образования, таким образом, устанавливая преемственность обучения.

При Императоре Николае Первом устав 1804 года был заменен уставом 1828 года, которым, хотя и сохранил разделение учебных заведений на гимназии, уездные и приходские училища, но уничтожил преемственность обучения в них и ставил целью каждого типа школы такое законченное образование, которое, как указано выше, сообразовалось с будущим вероятным "предназначением" обучавшихся.

Эта система обучения просуществовала в России почти сто лет.

в один избирательный округ. Так, например, все Закавказские губернии и области образовали один избирательный округ, посылавший в Учредительное Собрание 36 депутатов. Для производства выборов в каждом округе (т. е., как правило, в губернии) образовывалась окружная по делам о выборах комиссия: в уездах и больших городах (с населением свыше 50.000 человек) уездные и городские комиссии. В столицах — Петрограде и Москве — столичные комиссии с правами окружных (губернских).

Эти комиссии составлялись из представителей земского и городского самоуправления, членов Окружных судов и мировых судей. Кроме того в эти комиссии входили также и представители тех групп населения, которые заявили кандидатские списки в Учредительное Собрание. Выборы были основаны, как было выше указано, на принципе пропорционального представительства за исключением окраин (избирательные округа: Аму-Дарьинский, Архангельский, Транскаспийский, Камчаткинский, Якутский, Финский и полоса отчуждения Восточно-Китайской ж. д.), где в основу было положено мажоритарная система с одним туром выборов, т. е. по англосаксонской системе.

Вторая часть закона от 11 сентября была посвящена порядку выборного производства и охране свободы и достоинства выборов.

Третья часть этого обширного закона от 23 сентября 1917 года была посвящена производству выборов в армии и во флоте.

Вся деятельность Временного Правительства продолжалась менее восьми месяцев, но сделано было немало для того, чтобы Российское государство заняло почетное место в семье передовых правовых государств Запада. Главное внимание, как видно из изложенного, было обращено на реформу органов государственного управления (местное земское, городское и поселковое самоуправление, суд, полиция, местная администрация), на обеспечение гражданских свобод и прав

граждан (административный суд) и на реформу народного просвещения. Временное Правительство считало, что вторгаться в экономические отношения оно не имело права без созыва народного представительства, на рассмотрение которого был подготовлен ряд законопроектов, в том числе и закон о земле. В этой области Временное Правительство принимало лишь те меры, которые были связаны с требованиями войны и задач текущего момента.

Было ли право Временное Правительство, поступая именно таким образом, на это ответит только история.

SUMMARY

The present essay on the Russian History of Law deals with the activities of the Provisional Government (March-October 1917).

In its desire to reform post revolutionary Russia, the Government paid attention, mainly to the reform and democratization of State institutions; local self-government (Zemstvo, municipality, villages, workmen's and suburban settlements); police, local administration, legal system, civil liberties (freedom of speech, of assembly, of press, religions liberty etc.); secondary and higher education.

But the Provisional Government did not handle the basic economic questions.

The Government considered that the Constituent Assembly was the only legal body to decide on these problems.

N. D. Lobanov *)

RUSSIAN PAINTERS AND THE STAGE **

*

BORIS KONSTANTINOVITCH BILINSKY

An artist of the realistic school with a romantic bright colorbrush.

Born September 21, 1900 in Bendery near Odesa; died February 3, 1948 Catania, Sicily.

1920 Leaves the University and emigrates.

1921 Studies designing for the stage in Berlin.

1923 Moves to Paris, where continues his studies.

1926 Starts working for the theater and cinema in W. Europe.

FILMS .

Has collaborated in the production of about 50 films. For some he did the costumes, for others the settings. In 1925 wins the Gold Medal at the Decorative Art Show in Paris for a film poster.

1927 "Casanova", directed by A. Volkoff, Paris.

"L'Affiche", directed by J. Epstein, Paris.

"1975", directed by I. Mosjukine, Paris.

---

*) N. D. Lobanov-Rostovsky. B. A. Oton, M. S. Columbia.

**) Additional data to Mr. Lobanov article. Vol. 2, 1968 pgs. 131.

- 1928 "Tarakanova", directed by R. Bernard, Franco Film, Paris.
"Sheherazade", directed by A. Volkoff; Ufa Film, Berlin.
- 1929 "Count Monte-Cristo", directed by H. Fescourt, Louis Nalpas,
Paris.
"White Devil", directed by A. Volkoff, Ufa Film, Berlin.
"Rhapsody of Love", directed by Vazinsky, Lux Film, Vienna.
- 1931 "The Night, Love", directed by A. Volkoff, Gloria-Film, Paris.
"L'Atlantide", projects for the first version, Paris.
- 1933 "Casanova", directed by R. Barberis, G. M. Film, Paris.
"Under the Hatchet", directed by Bernard-Deschamp, Ormuzd,
Paris.
- 1934 "The Team", directed by A. Litvak, Pathe, Paris.
- 1935 "Michel Strogoff", directed by R. Eichberg, Tobis, Berlin.
- 1936 "Volga Volga", directed by A. Volkoff, Terra-Badal, Berlin.
"Schlussakkord", directed by Sierk, Ufa Film, Berlin.
"Madame Bonaparte", directed by Bernard-Deschamp, F. F. Film,
Paris.
"13 Men and a Gun", directed by G. Forzano, Pisorno, Tirenica.
- 1937 "Habanera", directed by Sierk, Ufa Film, Berlin.
- 1938 "Fatal Night", directed by M. Tourneur, Filmes Sonores, Paris.
"Katia", directed by M. Tourneur, Metropa, Paris.
"Volpone", directed by Barconcelli, Isle de France, Paris.
"Monsieur Coccinelle", directed by Bernard-Deschamps, C.U.C.,
Paris.
- 1939 "Entente Cordiale", directed by M. L'Herbier, Flora-Film, Paris.
"Storm Over Paris", directed by Bernard-Deschamps, Paulve,
Paris.
"Saraievo", directed by Max Ophuls, B.U.P., Paris.
"Kean", directed by A. Volkoff, Era-Film, Paris.

OPERA AND BALLET

Has done over 15 productions in opera, ballets and vaudevilles. Won a Gold Medal at the 1937 International Exhibition in Paris for his designs for the opera.

- 1930 Costumes and decors for "Ruslan and Ludmila", music by Glinka, Produced by N. Evreinov, Opera Russe de Paris, Theatre des Champs Elysees, Paris.
Costumes for "Capriccio Espagnol", chor. B. Nijinska, mus. R.-Korsakov, Ballets Russes, Theatre des Champs Elysees, Paris.
- 1931 Costumes and decor for "L'Amour Sorcier" choreography by B. Romanov, music by M. de Falla, Ballet Russe de Monte Carlo, Paris.
- 1932 Costumes and decors for "Tzar Saltan", music by R.-Korsakov, Opera Russe de Paris, Paris.
Costumes and decor for "The Swan Princess", chor. B. Nijinska, music by R.-Korsakov, B. Nijinska' Ballet Co., Opera Comique, Paris.
Projects for: "Firebird", ballet, music I. Stravinsky; and "Prince Igor", music by Borodin.
- 1933 "Symphony Fantastic", ballet, music by Berlioz; project, Paris.
Costumes and decor for "Pelleas and Malisande", opera, music by C. Debussy; Theatre des Champs Elysees, Paris. The same production was shown at the Royal Opera House, Covent Garden, London, 1937.
- 1934 "Symphony No. 7", ballet, music by L. V. Bethoven; project Paris.
Costumes and decors for "Etude", chor. B. Nijinska, music, J. S. Bach, Ballets Russe de Monte Carlo, Opera Comique, Paris.

NOTE: Mr. George Riabov had supplied me with a large part of the data appearing in "Selected Bibliography", starting p. 205, Vol. 2 of the Transactions.

К. Г. Белоусов *)

Ниагарские водопады

Этим летом Ниагарские водопады приняли непривычный вид. Временно остался активным только юдин «Подковный Водопад» — *Horseshoe Falls*. Водопад, расположенный на территории штата Нью Йорка, перестал функционировать вследствие постройки (2-6 июня 1969 г.) ¹⁾, охранной дамбы, перегорюдившей каскандный рукав реки Ниагары, по которому подводилась вода к водопаду. Целью постройки явилась спешная необходимость исследования причин обвалов, разрушающих этот водопад и превращающий его в каскады. Более или менее прямолинейный водослив через природную щель был разрушен двумя обвалами огромных масс доломитовых скал. Первый обвал произошел в 1931 году, второй в 1954. Осмотр дна каскада после закрытия русла обнаружил, что большая поверхностная плита вблизи водопада была тоже сорвана водой, вероятно всего несколько месяцев тому назад, так как поверхность скалы в этом месте не покрыта мохом — подобному слизи, которой покрыта вся остальная часть обнаженного дна. Корпус военных инженеров, в ведении которого находятся все большие реки в Соединенных Штатах, производит эти работы, состоящие из геологических и геодезических исследований, механических и химических изысканий для определения причин обвалов и для выяснения возможности избежать в буду-

---

*) F. Prof. Bratislava, CSR., Muenich, Germany, N. Y., Cons. Eng. N. Y.

щем подобные юбвалы, не прибегая к большим искусственным сооружениям, ограничившись, может быть, только консервацией поверхности дна перепада и боковой поверхности и отстранением упавшего материала, который портит красоту Американского водопада. Для рядового посетителя Ниагарских водопадов — Американская часть их представляет не меньшую эстетическую ценность, чем Подковный водопад.

Однако надо заметить, что и характер, и форма перепада Американского и Подковного водопада совершенно отличны. Эти различия легко объяснимы гидрографическими особенностями обоих водопадов. Через Американский водопад оттекает от 5 до 10% ниспадающей со скал воды, а главная масса от 95 до 90%, в зависимости от общей суммы оттоков через водопады, перепадает через Подковный водопад, половина которого размещается на канадской территории, а другая — возле Козьего острова — Goat Island, — принадлежит Нью Йоркскому штату. Государственная граница между США и Канадой проходит приблизительно по середине главного кюрыта реки Ниагары.

Начиная с 1860 года ведутся точные записи оттоков из озера Ири через реку Ниагару при Баффало. 8 декабря 1927 г. отток равнялся 380.000 кубических футов за секунду, т. е. 10.000 куб. мет. в сек. ²⁾), или на 33% больше средне-годового стока Волги у Волгограда ³⁾), равного 8.100 к. м. с. Огромные массы воды, падающей с большой высоты, постепенно производят разрушение как нижнего дна реки под водопадом, так и фронтальной скалы. На Подковном водопаде верхний 50 футовый слой состоит из твердых Лакпортских доломитов, под ним расположены 60 футов мягких Рочестерских сланцев и под ними на глубину больше 300 футов тоже мягкие осадочные породы. Падающие массы воды разрушают мягкие породы значительно интенсивнее, чем верхние доломиты. Так непосредственно под Подковным водопадом дно протлублено на 150-200 футов, и в вертикальной части до 70 футов. Таким образом верхние доломиты оказываются висящими без надлежащей опоры, периодически обламываются и падают в глубокую яму под водопадом. На Американском водопаде нет подмывающих до-

ломиты потоков, так как сланцы покрыты ранее упавшими на них твердыми доломитами, да и размывающая сила воды во много раз меньше.

Скорость разрушения зависит не только от воды, но и от геологического состава горных пород, размываемых Ниагарой, и их морфологии. Надо отметить, что геологическая структура всей области Больших озер довольно однородна. Мощный покров осадочных пород, в некоторых местах достигающий 3600 футов, лежащий на Лаврентийских гнейсах (*Laurentian gneisses*), весь образовался в Палеозойской эре. Нижние слои Квинстонских сланцев образовались в Ордовикский период. Мощность этих слоев достигает 1.200 футов. Красновато-коричневая окраска их является одним из характерных признаков. Другой не менее типичной особенностью их является отсутствие органических субстанций, хотя в этот период уже существовала органическая жизнь в морях, и водах.

В Силурийский период образовалась остальная часть осадочных пород, лежащих на Квинстонских сланцах до Лакпортских доломитов включительно, которые выходят на поверхность верхних каскад и на многих участках образуют дно верхнего корыта реки Ниагары. В начальный Силурийский период отложились сероватые и красно-бурые песчаники, получившие наименование Альбионских. В них тоже настолько мало органических субстанций, что некоторые геологи предполагают, что это едва ли морские отложения. Последующие осадочные слои, получившие название Клинтонских, включают в себя значительные следы моллюсков, принимающих активное участие в процессе образования морских отложений. На них легли слои так называемых Рочестерских сланцев, приблизительно 60 футов мощностью. В них уже совершенно отчетливо видны следы морской фауны. В поздний Силурийский период отложились слои так называемых Лакпортских доломитов, мощностью приблизительно в 200 футов. Это преимущественно отложения исключительно твердой оболочки морских моллюсков. Образование твердой оболочки можно объяснить природной самозащитой моллюсков от ударов, получаемых во время сильного волнения в мелководных морях, ко-

торые очевидно в это время покрывали эти области. Очевидно позднее эти моря быстро испарились, а в результате испарений образовались значительные прослойки соли и гипса. В общем осадочные образования Силурийского периода доходят до 2.000 футов мощности.

В Девонский период весь район образовывал сушу, подвергавшуюся значительной эрозии, позднее опять опустившуюся и залитую морем.

В Каменноугольный период отложились здесь конгломераты и грубые песчаники. Следовательно к концу периода это была тоже суша.

Во всяком случае к концу Пермского периода произошло выдвижение горного массива Аппалачи, который уже больше не опускался под воду.

В Мезозойскую эру весь район подвергался, как сильной эрозии, так и пенепленизации. Наносы, покрывающие в то время поверхность Лакпортских доломитов, были почти полностью смыты этой эрозией.

В Кайнозойскую эру, в течение Третичного периода произошел подъем долины нынешней реки Ниагары на несколько футов, что опять изменило форму и направление эрозии. К концу Третичного периода подъем происходил более быстрым темпом, чем разрушение поверхности эрозией воды и выветриванием скальных пород. К началу Антропогенного периода (Четвертичного) геологические формации и физикогеографическое положение, конечно в очень грубой форме, были такими же, как в наше время, хотя в деталях и поверхность и рельеф существенно отличались. Плато было на несколько сотен футов выше, конфигурация менее пересеченной. По мнению специалистов в этом районе было 4 или 5 наступлений ледниковых покровов. Между ними были периоды более умеренного климата, когда ледниковые покровы совершенно исчезали или оставались только на вершинах больших гор. Первоначальные ледниковые наступления оставили после себя поверхностные покровы, состоящие из материалов, известных под названием: *Glacial Till* (ледниковые отложения). Это продукты выветривания сланцев, перемешанные с галькой и валунами,

которые покрыли Лакпортские доломиты в Ледниковые времена, представляют собой настолько юмпаkтный материал, что для отстранения требует применения экскаваторов, сохраняются в вертикальном положении до глубины двадцати и больше футов. Это дает основание контракторам считать ледниковые отложения скалистым материалом, что геологически не оправдано.

Вышеприведенное геологическое описание, конечно, очень схематично и приведено здесь с целью уяснения тех процессов, которые происходили в ледниковый и постледниковый период, до наших дней включительно, так как процесс разрушения водопадами дна верхней и нижней Ниагары происходит в этих формациях.

Мощность ледяного покрова во время Висконсинского оледенения достигала высоты нескольких тысяч футов, покрывая всю область Больших озер и, постепенно снижаясь, доходило до юго-западной границы штата Огайо. Ледниковые покровы не находились в состоянии покоя, но, медленно передвигались к югу. Двигающиеся массы льда, заключающие в себе огромные обломки кристалических скал, гранитные и другие валуны, оставляли глубокие следы на поверхности более мягких горных пород. Массы льда несли с собой и выветренные осадочные породы, которые депонировались на поверхности по мере таяния льда. Особенно много их попадало в выгладанные льдами или выветриванием углубления, чем сглаживался рельеф местности.

Периодические наступления и отступления ледяных покровов были причиной образования огромных озер между более возвышенной южной частью области и ледниковыми горами на севере. По мере таяния льда уровень воды все время повышался, пока не доходил до уровня суши ниже, чем поверхность воды, куда вода и устремлялась, производя размыв долины и образуя речные корыта, оттекающей на юг или восток озерной воды. (В бассейн реки Миссиссиппи, частично по направлению к Атлантическому океану). Когда ледники отодвинулись приблизительно до линии современных водопадов на реке Ниагара, образовалось озеро Ланди (Lundy), уровень

которого был приблизительно на отметке 767-790 футов. Избыточная вода отскакала из него невысокими водопадами в долину нынешней реки Могак. Эти водопады не развились в большие водотоки потому, что периодически происходило освобождение юго-льда более низких мест на севере, в которые и устремлялись избыточные воды. Открывшееся новое русло у современного поселка Ром (Rome, N. Y.) имело следствием дренирование озера Ланди, снижение его уровня и последующее разделение его на две отдельные части (из которых впоследствии образовались нынешние озера Ири и Онтэрио). Озеро, расположенное тогда над нынешним оз. Ири, было значительно выше, заливало и весь район, прилегающий к Тонаванде и потому современными геологами было названо его именем. Уровень же нижнего озера быстро снижался, образуя озеро Ироквой. Отток воды из озера Тонаванда происходил вдоль течения современной реки Ниагары и еще в четырех местах на протяжении приблизительно 50 миль на восток ют Ниагарой, которая еще не прорвала барьера из мягких четвертичных наносов. Из всех существовавших тогда стоков русло современной Ниагары сбрасывало наибольшее количество воды через сток у современного Льюистона. Русло быстро размывалось, поверхность озера Тонаванды снижалась и в конце существования озера Тонаванда остался только этот один сток. Уровень озера Ироквой вначале был значительно выше современного уровня в оз. Онтэрио. Разница высот у Льюистона была приблизительно 125 футов. Однако, когда ледниковый барьер растаял и образовался прорыв в районе современного Квинстона, уровень озера снизился настолько, что приблизился к отметке океана. Только много позднее произошел подъем рельефа у Квинстона и образовалось озеро Онтэрио в том виде, как мы его теперь наблюдаем. (246 футов над уровнем океана).

Точно установить время образования реки Ниагары трудно. Геологи относят время образования реки Ниагары ко времени, когда произошло дренирование из озера Ланди талых

вод с отступающих на север ледников, хотя номинально, как было сказано выше, это было озеро Тонаванда с его 5 стоками.

Каньон у Льюистона образовался когда-то во время существования озера Тонаванда. Глубина реки в этом месте 120-150 футов, глубина каньона до 500 футов и ширина 600 футов. Большая глубина реки заставляет предполагать, что уровень озера Онтэрио (Ирокувой) был на 150 футов ниже современного — равного 246 футам. Второй стадией был размыв русла перепадающей водой до нынешнего Ниагарского университета, длиной приблизительно в $1 \frac{1}{8}$ мили. Река здесь имеет глубину 60-70 футов, ширину 500 футов. Третья стадия размыва русла произошла во время, когда уровень воды в озере Ирокувой был на 125 футов выше, чем ныне в озере Онтэрио. Это естественно ограничивало размывающую силу водопада, чем и объясняется сравнительно неглубокое русло реки на этом участке. Ко времени когда размыв русла достиг Крипс Эдди (Crips Eddy) озеро Ирокувой начало опоражниваться благодаря прорыву воды на востоке, и уровень озера опустился приблизительно на 100 футов, увеличив таким образом высоту падения воды с верхнего в нижнее русло Ниагары. Четвертый участок от Уорлпула (Whirlpool) до нынешнего ж. д. моста, длиной в $\frac{3}{4}$ мили образовался в песчаниковых формациях, довольно крепких и не подвергающихся быстрому размыву водой, несмотря на то, что течение в этом месте превышает 22 мили в час, т. е. около 10 метров за секунду. Кроме того во время образования каньона Ниагарой выше Уорлпула оттекала только часть воды Больших озер, а остальная большая часть воды стекала по другим руслам. Последний участок, от ж. д. моста до нынешних водопадов, длиной в $2 \frac{1}{2}$ мили, представляет собой резкий контраст с предыдущими участками, благодаря тому, что в этот период уже вся вода верхних четырех озер (Верхнего, Мичигана, Гурон, Ири) оттекала рекой Ниагара. Русло имеет однообразный характер, небольшие отклонения в глубине и ширине русла объясняются случайным топографическим размещением падающих огромных массивов доломитовых покровов, образующих дно верхнего участка реки Ниагара.

Сколько времени понадобилось, чтобы образовались глубокие каньоны, сказать трудно. Приблизительно их определяют временем от 20.000 до 35.000 лет ¹⁾ (стр. 170).

О существовании Ниагарских водопадов стало широко известно только с 1678 года, когда католический миссионер Геннепэн (Hennepin) их посетил, описал, сделал схематическую зарисовку окружающей местности и опубликовал в "Nouvelle Decouverte d'un tres grand Pays" ^{2 3 4)}. Прошло неполных 300 лет со времени их первого наброска, но форма и местоположение водопадов значительно изменилось. Вместо перепада с небольшим закруглением параболического вида, главная часть их приняла вид подковы. Более или менее точное измерение грани перепадов было произведено канадским королевским корпусом военных инженеров в 1764 году. Потом измерения производились в 1842, 1875, 1906 и 1925 г.г. ⁵⁾. За первые 78 лет водопад продвинулся на 460 футов против течения Ниагары, т. е. в год приблизительно 6 футов ²⁾ (стр. 40). С 1842 до 1906 на 265 футов, т. е. 4 фута в год. В среднем от 1764 до 1925 разрушалось 5 футов в год. В настоящее время уже проложена геодезическая сеть, а кроме наземной производится регулярная авиосъемка каскад и граней перепадов, чем исключаются ошибки в определении мест и размеров разрушений. Согласно более поздним измерениям ¹⁾ (стр. 14) от 1927 до 1950 г. разрушалось в среднем всего 2.2 фута в год.

Надо заметить, что культура, принесенная на Великие озера переселенцами, сопровождалась насильственным изменением существовавших до их прихода природных условий оттока вод из озер. В 1779 французское общество Ла Салль (La Salle) построило торговые суда, спустило их в озеро Ири и начались регулярные рейды. Однако сплошного сообщения не было, в чем крайне нуждалась быстро развивающаяся торговля и промышленность. Для соединения озера Ири с озером Онтэрио уже в 1824 году началась первоначальная постройка канала частными предпринимателями. В мае 1833 года канал был открыт под названием Уоллэн (Welland). Но только в 1854 Уоллэн канал был реконструирован так, чтобы получать воду непосредственно из озера Ири, что еще очень мало облегчило оттоки через водопады. В 1913 году была произведена новая ге-

неральная перестройка канала, существующая до настоящего времени, отводящая из озера приблизительно до 7.000 кубических футов воды, из которых ныне 6.000 используется Де-Кью гидростанцией. Реконструкция была окончена только в 1925 году из-за вступления США в Первую мировую войну.

С 1825 года из реки Ниагары начала оттекать вода в новопостроенный канал, соединяющий озеро Ири с рекой Гудзон, но оттоки были незначительные до его реконструкции, законченной в 1918 году. Наибольшие оттоки были в 1925-26 годах и составляли до 1.400 к. ф. с., а в настоящее время равны приблизительно 1.000 к. ф. с.

С 1900 вода из озера Мичиган стала отводиться в навигационный и канализационный канал реки Иллиной у Чикаго, в 1924 году оттоки достигли величины 10.820 к. ф. с. в месяц *) (июнь, стр. 179). Катастрофическое снижение уровня Больших озер в засуху 1924-1936 г.г. заставило федеральные органы (Federal Power Commision) ввести принудительное ограничение отведения воды из Больших озер к суммарному изъятию всего только 5.200 к. ф. с., из них — 3.500 для реки Иллиной и Чикаго.

Кроме навигации значительная часть воды отводится из Ниагары для целей использования водной энергии * *). Первой силовой установкой была водная пила, установленная в 1725 году на американских каскадах. Первая гидро-электрическая энергия была получена на Ниагаре в 1881 году *). Первая большая станция на американской стороне была закончена в 1900 году и отводила 8.800 к. ф. с. (Адамс — 80.000 квт). Вторая — Шеллкопф, состоящая из трех постепенно достраиваемых станций. Последняя была закончена в 1924 году. Станции отводили из Ниагары 24.500 к. ф. с. воды, мощность станций была 365.000 квт.

В июне 1956 года произошла катастрофа: две более новые части Шеллкопф станции были сметены в воду обвалом скал, при чем один механик был убит, а другой ранен. Причина катастрофы не была точно установлена. Вероятно катастрофа произошла вследствие просачивания воды через доломиты, и постепенное размягчение и выветривание верхних слоев

Квинстонских сланцев вызвало оползень доломитов, над ними находящимися и загруженными блоками водоприемников. Всего только 7.000 к. ф.с. могло быть использовано на еще сохранившейся наиболее старой части Шеллкоф станции.

На Канадском берегу постройка гидроэлектрических станций началась в 1893 году. В настоящее время в оперативном состоянии находятся шесть станций, как это приведено в таблице.

В 1950 году между США и Канадой состоялось соглашение, определившее минимальные оттоки через водопады. Оставшаяся вода могла бы быть использована в равных количествах на американских и канадских станциях. Для регулирования оттока воды через водопады была построена приблизительно в одной миле от водопада регулировочная плотина, которая способна удерживать предусмотренные протоки воды на водопады, а именно:

50.000 к.ф.с.	24 часа в сутки	от 1 ноября до 31 марта
100.000 "	от 8 ч. утра до 10 ч. веч.	от 1 апреля до 15 сент.
100.000 "	от 8 ч. утра до 8 ч. веч.	от 16 сент. до 1 ноября
50.000 "	все почные часы	от 1 апреля до 1 ноября

Договор с Канадой о распределении воды и катастрофа станции Шеллкоф, принадлежавшей частной компании, имевшей лицензию на отведение из Ниагары 20.000 к. ф. с. воды до 1971 года, открыли возможность построить новую большую станцию, вместо работавших на американском берегу. В 1958 году была начата и в январе 1961 года пущена в ход наибольшая на западном берегу США станция номинальной мощности — 2.190.000 квт., с пропускной емкостью подводящих к станции каналов в 100.000 к.ф.с. В настоящее время на Ниагере работают следующие станции :

ГЭС	Падение в футах	Мощность в Квт.	Максим. использование воды в к.ф.с.
Американские гидроэлектрические станции			
Р. Мозес Ниагарская станция	314	1.950.000	100.000
Насосная аккумуляторная станция	100	240.000	—
Всего	414	2.190.000	100.000

Канадские гидроэлектрические станции

Сэр Адам Бек 1	294	373.000	17.030
Сэр Адам Бек 2	300	1.370.000	45.000
Онтарио	180	138.000	11.100
Торонто	137	108.000	15.500
Рэнкин	135	80.000	10.600
Де Кью	280	149.000	7.600
Всего	—	2.218.000	106.830

Среднегодовые оттоки реки Ниагара от 1860 г. до конца 1968 г. составляют 204.000 к.ф.с., из них 68.000 к.ф.с. падает через водопады, включая в этот отток и излишки пропуска для гарантии предписанных перепадов, воду для пропуска льда, излишки оттоков при ураганах и т. д. Остающиеся 136.000 к.ф.с. распределяются поровну между США и Канадой и используются гидроэлектрическими станциями. Таким образом в настоящее время через водопады падает в три раза меньше воды, чем до постройки станций, а следовательно и разрушительная сила воды в несколько раз меньше, чем была прежде. Кроме того мощность слоя доломита, лежащего на сланцах, на протяжении 3.000 футов, против течения, увеличивается на 50 футов. Эти благоприятные обстоятельства, могут задержать разрушение существующего Подковного водопада. Но с другой стороны нельзя забывать, что когда-то кристально чистая вода Ниагары, ныне мутно-коричневого оттенка, содержит в себе много разрушительных химикалий, попадающих в озера из многочисленных канализаций и отходов фабрик с недостаточно или вовсе неочищенной стоковой водой. Это может очень ускорить процесс разрушения скал не только механическим, но и химическим порядком.

Вода, все еще оттекающая через водопады, обладает энергией, от 13 до 14 миллиардов киловатт-часов. Это характеризует не только ее разрушительную способность, но и экономические потери. Перепад огромных масс воды через водопады объясняется невозможностью подорвать туризм, если вода не будет пропускаться в установленных количествах. Надо заметить, что в октябре, а особенно в апреле туристов бывает так мало, что едва ли является целесообразным сбрасывать через водопады такую массу воды.

Каким образом можно остановить разрушение водопадов?

Наиболее радикальным решением было бы подпереть обнаженные водой вертикальные площади предохранительными бетонными сооружениями, но тогда фактически природные водопады перестали бы существовать, а перепад воды происходил бы через искусственную плотину. Этим Ниагара утратила бы свою естественную красоту и особенность. Во всем мире существуют ныне плотины с перепадами гораздо более высокими, чем Ниагара. Разрушение Американского водопада вероятно удастся остановить или значительно замедлить цементными инъекциями доломитов. Но остановить разрушение главного Подковного водопада не так легко. Несмотря на сокращение массы перепадающей воды до одной трети исторических перепадов, разрушение с быстротой 2.2 фута в год будет продвигаться против течения и в отдаленном будущем (2.000 лет ²), стр. 38) подойдет к существующей регулировочной плотине. В этом случае вся вода из реки Ниагара падала бы на Подковный водопад, а Американский водопад остался бы без воды. Надо все же думать, что при современных возможностях строительного искусства будет найдено решение для сохранения природной красоты Ниагарских водопадов.

1. **Times**, June 13, 1969. Falls at Niagara Bared for First Time and July 19, 1969.
2. The Preservation and Improvement of Niagara Falls and Rapids. Washington 1931. Pg. 257.
3. А. М. Апатъев и др. Физическая география СССР. Москва. 1965. стр. 71.
4. E. M. Kindle and F. B. Taylor. Geologic Atlas of the United States, Niagara Folio. Washington, 1914. Pages 111-168.
5. Edward D. Adams. Niagara Falls, Volume I, 1927. Niagara Falls.
6. Edward D. Adams. Niagara Falls, Volume II, 1927. Niagara Falls.
7. Preservation and Enhancement of Niagara Falls. Washington 1953. Ottawa.
8. Niagara Project, 1107. Power Authority of the State of New York, February 10, 1961.

NIAGARA FALLS

The Niagara Falls's formation can be traced to the Glacial period of our era about 25,000-35,000 years ago. First large spillway was formed near the present Lewiston side. The retreat of ice cover to the north permitted the flow of melted water at approximately its present course with discharge of the entire volume of water through this spillway. The water cut a narrow gorge which slowly moved upstream. At present it is about 7 miles above its original location.

In 1678 Father Hennepin visited Niagara Falls and was the first person to describe it in all its splendour. From this time the Falls moved upstream at the speed of from 2 to 7 feet per year. Subsequent to the first exact survey of the Horseshoe Falls in 1842 the maximum destruction up to 1906 was 265 feet (2, pg. 161) or 4.2 ft. per year. Now 2/3 of all flow is taken from the Niagara River for power utilization. Consequently the deterioration of the falls has decelerated to 2.2 ft. per year (7, pg. 14).

There is no possibility of stopping deterioration without artificially strengthening the bottom rock which is what the Corps of Engineers is attempting to do on the American Falls.

Ю. А. Семенцов *)

ДАЛЬТОН В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА **)

*

Ввиду того, что Энгельс назвал Дальтона «отцом современной химии», ему, казалось, было обеспечено почетное место, как в советских учебниках химии, так и в советской историографии химии. Так действительно и было до тех пор, пока коммунистическая партия не начала искусственно раздувать чрезмерный русский национализм в науке перед второй мировой войной. Эта политика усилилась во время войны и после нее. Примером старого подхода может служить стандартный учебник химии В. Н. Верховского ¹⁾, который употреблялся в советских средних школах в тридцатых и сороковых годах. Этот учебник называет Дальтона отцом современной химии и говорит об атомах Дальтона. Ломоносов даже не упоминается в связи с атомной теорией, хотя он упоминается в связи с законом сохранения материи. В результате же вышеупомянутого чрезмерного национализма в науке Дальтон был в советских учебниках химии вытеснен Ломоносовым, как созда-

---

*) George Siemiencow, Lafayette College, Easton, Pa.

**) Эта работа была доложена на 153-м съезде Американского Химического Общества в Miami Beach (9-14 апреля 1967 года).

тель атомной теории и как основатель современной химии. В стандартном учебнике ²⁾, употреблявшемся в пятидесятых годах, говорится: «Основные понятия атомно-молекулярного учения были разработаны и введены в химию великим русским ученым Михаилом Васильевичем Ломоносовым в середине восемнадцатого столетия». Ломоносов назван основателем современной химии. Дальтон упоминается только мимоходом. Единственный его вклад в развитие атомной теории, упоминаемый в книге, это введение понятия атомных весов. Программа министерства Народного Просвещения на 1956-57 ³⁾ учебный год вообще не упоминает Дальтона, но называет Ломоносова основателем современной химии. Примерно те же самые мысли высказываются в учебнике по методике химии, написанном известным советским методистом Кирюшкиным ⁴⁾. Программа, утвержденная Министерством Просвещения для новой восьмилетней школы в 1960 году ⁵⁾, опять не упоминает Дальтона и содержит раздел «Роль Ломоносова в развитии химии». Стандартный учебник ⁶⁾ для той же школы тоже не связывает атомно-молекулярного учения с Дальтоном, но с Ломоносовым. Дальтон опять упоминается только в связи с атомными весами. Пособие по химии для поступающих в вузы ⁷⁾, напечатанное в 1965 году, вообще не упоминает Дальтона. Ломоносов упоминается много раз. Некоторые учебники ^{8) 9) 4)} прямо защищают приоритет Ломоносова, подчеркивая, что работы Дальтона были сделаны значительно позже.

Упоминание Ломоносова в связи с атомно-молекулярным учением стало, повидимому, обязательным для учебников химии на всех уровнях. Также точно, но значительно раньше, упоминание его стало обязательным в связи с законом сохранения материи. В этом случае подчеркивается приоритет Ломоносова по отношению к Лавуазье. Подход к изложению атомно-молекулярной теории различен в зависимости от учебника, а также, в известной степени, от года издания. Например, довольно популярный учебник общей химии Стругацкого и Надеинского утверждает, что Ломоносов развил атомно-молекулярное учение в стройную научную систему и в этом опередил своих современников. Первое издание этой книги ¹⁰⁾ в 1957 году утверждает, что только через 60 лет подобные идеи стали

распространяться среди ученых. Во втором издании ¹¹⁾, два года спустя, просто сказано, что подобные идеи были высказаны через 60 лет Дальтоном. Учебник Хомякова ¹²⁾, повидимому, основанный на лекциях, которые он читал в Московском Университете, называет Ломоносова создателем атомно-молекулярной теории. Очень популярный учебник химии Глинки ¹³⁾, который выдержал одиннадцать изданий до 1964 года, не содержит столь категорического утверждения, там просто сказано, что Ломоносов первый сформулировал атомно-молекулярную теорию. В этой книге дань национализму отдана тем, что на биографию Ломоносова отведено почти две страницы, в то время как биографиям Дальтона и Лавуазье посвящено около половины страницы каждому. Ряд учебников называет Ломоносова создателем современной химии ^{14 15 16)}. Среди них очень влиятельный учебник общей химии для будущих химиков Б. Н. Некрасова, первое издание которого вышло в тридцатых годах. Некрасов, между прочим, противоречит сам себе, упоминая мелким шрифтом, что работы Ломоносова об атомно-молекулярной теории были найдены Б. Н. Меншуткиным в архивах академии наук и опубликованы впервые в 1904 году. Интересно также, что в сокращенном варианте учебника Некрасова ¹⁷⁾, изданном в 1957 году, Ломоносов не упомянут в связи с изложением атомно-молекулярной теории. Согласно этому учебнику, Дальтон ввел понятие атома в химию. То же самое утверждение есть и в полном варианте, что еще больше усугубляет путаницу. Сокращенный вариант утверждает, что химия стала точной наукой в 1748 году, когда Ломоносов открыл закон сохранения материи. Только один учебник ¹⁸⁾ недвусмысленно признает, что Дальтон не знал о работах Ломоносова. Н. П. Агафшин ¹⁹⁾ в пособии для учителей средней школы признает, что работы Ломоносова не были замечены западными учеными и были забыты даже в России, но зато Ю. В. Ходаков ²⁰⁾, автор стандартного учебника для средней школы, в другом подобном пособии делает довольно странное утверждение, что русская наука в лице Ломоносова и его продолжателей (?) сыграла большую роль в создании химического атомизма. Ходаков также уверяет, что иностранная химия погрязла в болоте ползучего эмпиризма. Большинство

вышеупомянутых книг все же посвящает какое-то место обсуждению атомизма Дальтона в той или другой форме. Только одна ¹⁵⁾ упоминает Дальтона, главным образом, в связи с законом кратных отношений. Но даже в ней при обсуждении съезда в Карлсруэ в 1860 году говорится, что там победили основные понятия атомно-молекулярной теории в духе Дальтона и Авогадро. Интересно, что две книги ^{12 20)} приводят цитату из Энгельса о новом атомизме в связи с атомно-молекулярной теорией Ломоносова, хотя Энгельс не знал о химических работах Ломоносова.

В 1966 году в связи с двухсотлетием со дня рождения Дальтона П. Н. Карелин ²¹⁾ опубликовал в журнале «Химия в Школе» (методическом журнале министерства просвещения Р.С. Ф. С. Р.) статью, задачей которой была, если так можно выразиться, реабилитация Дальтона. Он начинает с цитаты из Энгельса и утверждения, что буржуазные ученые идеалисты пытаются удалить атомистические идеи из науки. Единственный пример буржуазного ученого идеалиста, который он приводит, это Вильгельм Оствальд. Дальше он утверждает, что буржуазные ученые не смогли оценить и понять атомную теорию, как теоретическую основу химии. Те же ученые, по утверждению Карелина, не смогли правильно оценить роли, которую Дальтон играл в развитии химии, а некоторые из них фальсифицировали идеи Дальтона. Потом он оплакивает тот факт, что «великий материалист» Дальтон не занимает достойного ему места в советской средней школе. Он утверждает, что за последние пятнадцать лет программы и учебники средней школы не упоминают Дальтона, а его атомная теория «замалчивается». Интересно то, что это утверждение не совсем соответствует фактам, т. к., как я уже указал выше, два учебника для средней школы все-таки упоминают Дальтона, хотя и не в прямой связи с атомной теорией. Он также утверждает, что учебники для высших учебных заведений часто неправильно и противоречиво оценивают роль Дальтона в истории науки.

Посвятив часть своей статьи жизни и трудам Дальтона, Карелин утверждает, что историки химии до сих пор спорят о том, как Дальтон открыл атомную теорию. Часть авторов считает, что открытие закона кратных отношений предшествова-

ло формулированию атомной теории, в то время как другие думают, что Дальтон вывел этот закон из атомной теории. Карелин очень энергично защищает вторую точку зрения, т. к. иначе Дальтон оказался бы эмпиристом, открывшим свою теорию индуктивным методом. По его мнению, для Дальтона теория указывала путь эксперименту. Противоположной теории, по его мнению, придерживаются буржуазные ученые. Он называет Томаса Томсона, Фридриха Данемана и А. Ладенбурга. Все три автора далеко не современные. Согласно Карелину, материализм Дальтона был ограничен. В результате этого он верил в неделимость атомов, считал, что атомы одного и того же элемента не могут соединяться в молекулы и путал понятия молекулярного, атомного и эквивалентного весов. Карелин также отмечает, что атомная теория Дальтона была шагом назад по сравнению с атомной теорией Ломоносова, т. к. Дальтон не признавал движения атомов. Он признает, что идеи Ломоносова не были известны Дальтону, а также Энгельсу (!). Карелин также признает, что идеи Дальтона были приняты современниками, в то время как идеи Ломоносова остались незамеченными. Он подчеркивает, что «сложный атом» (молекула) Дальтона является новым качественным образованием, а не просто механическим сочетанием элементарных атомов. По-видимому, это важно для превращения Дальтона в материалиста.

Поскольку Карелин постоянно критикует буржуазных ученых, важно отметить, что он не упоминает никого из современных американских или европейских историков химии. Он также не упоминает некоторых серьезных трудов о Дальтоне^{22, 23, 24}), опубликованных в прошлом и в начале этого столетия. Он также игнорирует книгу Роско и Гардена²⁵), посвященную столь интересующему его вопросу о том, что было открыто раньше, атомная теория или закон кратных отношений.

В заключение я позволю себе привести длинную цитату из статьи Карелина, где он излагает свои предложения о восстановлении атомистики Дальтона в «гражданских правах» в программах и учебниках химии:

«Именно атомистика «знаменовала собой переход к современному этапу развития этой науки», — пишет профессор Б. В. Некрасов. Она подвела фундамент под все теоретические представления химической науки, является основой ее развития. Понятно, что принижать и игнорировать роль атомистики Дальтона в учебной литературе непозволительно. Необходимо восстановить ее в «правах гражданства» в программах и учебниках химии. Думается, что это надо сделать в следующих направлениях:

1. В VII классе после изучения атомно-молекулярного учения М. В. Ломоносова надо кратко изложить основные положения атомистики Дальтона, выяснить значение Дальтона в развитии химической науки и показать Дальтона как великого труженика науки, самоучкой достигшего ее вершин.

2. В заключительной теме X класса «Обобщение знаний по химии» необходимо разъяснить учащимся закон кратных отношений и его роль в развитии науки, показать материалистическую сущность учения Дальтона и отношение к нему буржуазной науки. Здесь же необходимо показать конкретное выражение в законе кратных отношений всеобщего закона природы — перехода количественных изменений в качественные.

3. В педагогических институтах в курсах общей и неорганической химии, а также методики изучения химии следует уделять больше внимания выяснению истории открытия закона кратных отношений и оценке атомистики Дальтона в свете марксистско-ленинской методологии. Желательно ввести в учебный план педвузов небольшой курс по истории химии, в котором необходимо Дж. Дальтону отвести по праву принадлежащее ему место в истории науки».

В качестве постскриптум я должен сказать, что задачей моей статьи ни в коем случае не является преуменьшение гениальности провидения Ломоносова. Но она показывает, как по приказу коммунистической партии советские ученые и педагоги должны были жонглировать фактами с тем, чтобы доказать, что атомная теория Ломоносова, хотя безусловно опередившая свое время, по незамеченная современниками и за-

бытая следующими поколениями, была началом современной химии. Поэтому я подозреваю, что статья Карелина является не столько попыткой восстановить истину, как отражает очередной поворот в политике коммунистической партии, возможно, поворот от чрезмерного национализма назад к «пролетарскому» интернационализму.

* * *

SUMMARY .

As Engels called Dalton "The father of modern chemistry" his place seemed to be assured as in Soviet textbooks of chemistry so in Soviet historiography of chemistry. And so it really was till the Communist party started artificially to foster excessive Russian nationalism. This tendency started before World War II and increased during and after the war. As result of this a lot of Soviet textbooks of chemistry particularly on the secondary school level, started to connect the introduction of atomic theory into chemistry with the name of the great Russian poet and scientist M. V. Lomonosov. He was certainly a genius, whose ideas were much before his time, but maybe for this reason his scientific works remained unnoticed and were soon forgotten and rediscovered by a Russian chemist B. N. Menshutkin in 1904. A lot of Soviet textbooks claimed that modern chemistry started with Lomonosov. Some textbooks did not mention Dalton's name at all, others belittled his importance. In 1966 the official journal of the Ministry of Education of the Russian Republic published a paper by P. N. Karelin, who attempts to restore Dalton to his proper place in the teaching of chemistry according to his importance to the development of chemistry. This may represent a new trend in the policy of the Communist party of the Soviet Union.

* * *

ЛИТЕРАТУРА.

1. Верховский В. Н. Неорганическая химия. Часть I. Москва 1948.
2. Шаловаленко С. Г. и Ходаков Ю. В. Химия. Учебник для седьмого класса семилетней и средней школы. Москва 1955.
3. Программы средней школы на 1956-57 учебный год. Химия. Москва 1956.
4. Кирюшкин Д. М. Методика преподавания химии в средней школе. Москва 1958.
5. Программа по химии восьмилетней школы. Химия в школе. Май-июнь 1960, стр. 10-18.
6. Смирнов А. Д. и Шеллинский Г. И. Химия. Учебник для седьмого класса. Москва 1962.
7. Капуцкий Ф. Н. Пособие по химии для поступающих в вузы. Минск 1965.
8. Рябчиков Д. И. Общая химия. Москва 1953.
9. Борисов И. Н. Химия. Москва 1959.
10. Стругацкий М. К. и Надеинский Б. П. Общая химия. Москва 1957.
11. Стругацкий М. К. и Надеинский Б. П. Общая химия. Москва 1959.
12. Хомяков К. Г. Лекции по общей химии. Часть I. Москва 1957.
13. Глинка Н. Л. Общая химия, издание восьмое, Москва 1956; издание одиннадцатое, Москва 1964.
14. Некрасов Б. В. Курс общей химии, издание двенадцатое, Москва 1955; издание четырнадцатое, Москва 1962.
15. Путилова И. Н. и другие. Курс общей химии. Москва 1964.
16. Страхов Н. П. Учебник неорганической химии. Москва 1960.
17. Некрасов Б. В. Учебник общей химии. Москва 1957.
18. Заозерский И. Н. (Редактор). Неорганическая химия. Москва 1965.
19. Агафшин Н. П. Избранные главы общей химии. Москва 1956.
20. Ходаков Ю. В. Общая и неорганическая химия. Москва 1959.
21. Карелин П. Н. Химия в школе. Сентябрь-октябрь, 1966, стр. 19-22.
22. Henry, W. C. *Memoirs of the Life and Scientific Researches of John Dalton*, Harrison and Sons, London, 1854.
23. Roscoe, H. E. *John Dalton and the Rise of Modern Chemistry*. New York and London. MacMillan and Co., 1895.
24. Millington, J. P. *John Dalton*. J. M. Dent and Co., London, 1906.
25. Roscoe, H. E. and Harden, A. A. *New View of the Origin of Dalton's Atomic Theory*. MacMillan and Co., 1896.

ИЗ ЖИЗНИ Р.А.Г. (РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В С.Ш.А.) ASSOCIATION'S NEWS

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГОДОВЩИНЫ

ПЕТР БЕРНГАРДОВИЧ СТРУВЕ (1870-1944)

В 1969 г. исполнилось 25 лет со дня смерти († 26 февраля 1944 г. в Париже), а в 1970 г. сто лет со дня рождения (р. 26 января ст. стия 1870 г. в гор. Пермь) Петра Бернгардовича Струве, одной из наиболее выдающихся и замечательных фигур в истории русской науки, русской политической мысли и русской культуры.

П. Б. был внуком знаменитого астронома В. Я. Струве, основателя и первого директора Пулковской обсерватории. Он окончил СПб Третью гимназию, после чего поступил на естественно-историческое отделение СПб. Университета, но вскоре перешел на юридический факультет, каковой и окончил. В 90-х годах П. Б. принадлежал к кружку русских «легальных марксистов», и близкие личные отношения связывали его с А. Н. Потресовым, В. И. Лениным и другими русскими марксистами того времени. Когда ему было 24 года, он выпустил свой первый крупный труд, «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894), имевший в свое время огромный резонанс. К концу десятилетия он отошел от марксизма, сблизился с русскими земцами-либералами и перешел, вместе со своими друзьями и единомышленниками — С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком — на позиции философского идеализма, что выразилось в участии в сборнике «Проблемы идеализма». В 1902 г. вышел сборник его статей за годы 1893-1901 под названием «На разные темы», и в этом сборнике уже нашла себе отражение эволюция его взглядов. В том же году он эмигрировал за границу и принял на себя редактирование еженедельного журнала «Освобождение», выходившего сначала в Штуттгарте, а потом в Париже и ведшего борьбу за введение конституции и реформы в России. После манифеста 17 октября 1905 г.

вернулся в Россию и отдался политической и публицистической деятельности, став членом кадетской партии, редактируя журналы «Полярная Звезда» и «Свобода и Культура» и выставив свою кандидатуру от гор. Петербурга на выборах во 2-ую Гос. Думу, в которую и был избран. Вторая Дума просуществовала недолго, и после ее роспуска П. Б. отошел от практической политики. Назначенный доцентом политической экономии в СПб Политехнический Институт, а потом став там же профессором, он делил свое время между научно-преподавательской деятельностью и литературно-публицистической, сначала как со-редактор (вместе с А. А. Кизеветтером), а потом единоличный редактор журнала «Русская Мысль» и автор многочисленных статей на самые разнообразные темы. Статьи эти, печатавшиеся в журналах и газетах, были в 1911 г. собраны им в большом томе под названием "Patriotica" и с подзаголовком «Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905-1910)». Незадолго до этого П. Б. принял участие в напумевшем сборнике «Вехи» (1909). До революции в России П. Б. были выпущены также том исследований по экономической истории России под названием «Крепостное хозяйство» (1913) и две части его теоретического magnum opus «Хозяйство и цена» (1913 и 1916), представлявшего собой его магистерскую и докторскую диссертации.

Накануне революции 1917 г. П. Б. был выбран членом Императорской Российской Академии Наук. После февральского переворота он был снова вовлечен в политику. Короткое время он занимал пост товарища министра иностранных дел при Милюкове, выйдя в отставку вместе с последним. Разочаровываясь все больше и больше в революции, он вел идейную борьбу с ней в журнале «Русская Свобода», 25 номеров которого вышло в 1917 г. Он принял участие в знаменитом Московском совещании летом того же года и был затем выбран в Предпарламент, в котором примкнул к его правому крылу. Накануне самого разгона его он произнес в нем яркую антибольшевистскую речь.

В самом конце 1917 г. П. Б. уехал на юг и вложился в дело сопротивления советскому режиму в тесном сотрудничестве с генералами Корниловым, Алексеевым и Деникиным. Весной 1918 г. ему пришлось вернуться в Москву, где он прожил затем полу-скрываясь до конца лета. За это время им был подготовлен к печати сборник статей о русской революции, долженствовавший быть новыми «Вехами» — под названием «Из глубины». События приостановили выпуск этого сборника, хотя он и был отпечатан (уже после отъезда П. Б. из Москвы); но в 1921 г. его нео-

жиданно выпустили самовольно рабочие типографии Кушнарера, где он печатался и продолжал лежать на складе. Бóльшая часть экземпляров была конфискована, но некоторое количество уцелело и пошло за границу, и по одному из них сборник был переиздан в Париже в 1967 г.

В конце 1918 г. П. Б. удалось выбраться за границу, перейдя ночью пешком финляндскую границу не в районе Белоострова, а в направлении Сердоболя. После короткого пребывания в Финляндии, в Лондоне и в Париже, он снова уехал на Юг России, где стал редактировать газету «Великая Россия». С приходом к власти ген. П. Н. Врангеля в Крыму он был приглашен последним возглавить Управление Иностранных сношений. Летом 1920 г. он посетил Париж и добился от французского правительства, возглавлявшегося Мильераном, признание Врангелевского правительства, что после победы большевиков в Крыму обеспечило эвакуацию не только армии, но и значительного числа гражданских лиц.

Сам П. Б. в начале января 1921 г. подал в отставку и снова отошел от политики, поселившись в Праге и приняв участие в работе созданного там Русского Юридического Факультета. Но этот отход от политики продолжался недолго: в 1925 г. П. Б. принял предложение А. О. Гукасова стать редактором основанной им ежедневной газеты «Возрождение» в Париже, и снова с головой ушел в политику. В 1926 г. им был организован созыв Русского Зарубежного Съезда. Когда в августе 1927 г. П. Б. был смещен Гукасовым с поста редактора, он создал еженедельную газету «Россия», которую в 1928 г. заменила еженедельная же «Россия и Славянство». Но с осени 1928 г. сам П. Б., продолжая свое близкое сотрудничество в газете и отчасти руководство ею на расстоянии, переселился в Белград и принял деятельное участие в работе тамошнего Русского Научного Института. Годы 1928-1942 были периодом расцвета его научной деятельности в Зарубежье и его углубления в проблемы русской истории, экономической и социальной, а также истории русской культуры. В Белграде в Русском Научном Институте им было прочитано огромное количество лекций и докладов на эти темы. Неполный перечень одних докладов занимает несколько печатных страниц. Плодом этих занятий явилась оставшаяся незаконченной «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности». Первая часть ее была подготовлена к печати до Второй мировой войны, но издать ее, вместе с не вполне законченной второй частью, доведившей повествование лишь

до 13-го столетия, и с некоторыми статьями на темы русской истории, удалось лишь посмертно (Париж, 1952). Собранные П. Б. материалы для продолжения этого труда погибли в Белграде, как и некоторые другие его писания военного времени.

После оккупации Югославии немцами в 1941 г. П. Б. был арестован и сидел некоторое время в помещении Гестапо, а потом в тюрьме в Граце. Летом того же года он был выпущен, но только через год после того ему удалось с женой получить разрешение на выезд в Париж, где жили два его сына. Там он скончался в 1944 г., продолжая свою научную работу до последнего дня жизни.

Значительно более подробная библиография печатных работ П. Б., дающая представление — даже при своей неполноте — о широте его интересов и размахе его эрудиции, напечатана в упомянутом выше посмертном труде.

Личности П. Б. и его роли в русской жизни и мысли посвящена книга С. Л. Франка «Биография П. Б. Струве» (Нью Йорк, изд-во имени Чехова, 1956).

Профессор Гарвардского Университета Ричард Пайпз (Pipes) заканчивает двухтомный труд о П. Б. Струве — биографию его и характеристику его как ученого, мыслителя, политического и общественного деятеля. Первый том выйдет, по всей вероятности, весной 1970 г. и будет охватывать период до октября 1905 г., когда Россия стала конституционным государством, а П. Б. на 13 лет перестал быть эмигрантом. Вторым том охватит жизнь и деятельность П. Б. с 1905 г. по год смерти (1944).

Кроме того, проф. Пайпзом подготовлено собрание сочинений П. Б. Струве, включающее все напечатанное им за исключением газетных статей, не вошедших в изданные сборники. Это собрание, составляющее 2½ тома *in folio*, будет напечатано в виде ксерографов и будет готово в течение 1970 года.

Некоторые важнейшие работы П. Б. Струве, опубликованные в зарубежный период его жизни после революции 1917 г. и посмертно :

Статьи о Льве Толстом. София, 1921, 66 стр.

Размышления о русской революции. София, 1921, 34 стр.

Историко-политические заметки о современности. София, 1921, 19 страниц.

Итоги и существо коммунистического хозяйства. Берлин, 1921, 31 стр.

Дух и быт. Опыт историко-социологического истолкования западноевропейского средневековья. **Записки Русского Научного Института в Белграде**, вып. 15 (1938).

С. П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом», или «гниющем» Западе. Изыскания, сопоставления и материалы. **Там же**, вып. 17 (1940).

Дух и слово Пушкина. **Белградский Пушкинский Сборник** (1937).

В. Г. Васильевский, как исследователь социальной истории древности и как учитель науки. **Записки Кондаковского Института**, т. XI. Белград, 1939.

Ф. И. Родичев и мои встречи с ним. Главы из воспоминаний. **Возрождение** (Париж), тетр. 1, 1949. [первоначально по-английски в 1934].

Мои встречи и столкновения с Лениным. **Там же**, тетр. IX, X, XI (первоначально по-английски в 1934).

Leo Tolstoj. **Jahrbuecher fuer Kultur und Geschichte der Slaven**. Breslau, 1933.

Cheirokratie. Zur Charakteristik des antiken Bolschewismus. Eine soziologische Polybios-Studie. **Zeitschrift fuer Nationaloekonomie**. Wien. 1936.

Hedonik, Katallaktik, Politik. Zur sachlichen und metodischen Einfuehrung in die Wirtschaftswissenschaft. **Ibid**, 1938.

English Tissue-Printing in Russia: An Episode in Russian Economic History. **The Slavonica and East-European Review** (London), vol. xix 1939-40.

Medieval Agrarian Society in Its Prime: Russia. **The Cambridge Economic History of Europe**... Vol. I, Cambridge, 1941.

L'idée de loi naturelle dans la science économique. **Revue d'économie politique** (Paris), 1921, No.No. 3 & 4.

Prix-valeur. Enoncées fondamentaux. **Ibid.**, 1922, No. 2.

Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952, 387 стр. [С приложением ряда статей на темы русской истории и неполной библиографии работ П. Б.].

ПЕТР СЕМЕНОВИЧ ШИДЛОВСКИЙ .

В 1968 году исполнилось 50-летие педагогической и научной деятельности известного киевского хирурга — профессора П. С. Шидловского. Он родился 20 декабря 1892 г., получил среднее образование в классической гимназии в гор. Беле, Седлецкой, позднее Холмской губернии. В 1916 г. окончил медицинский факультет Московского Императорского Университета со степенью «лекаря с отличием».

В 1-ую мировую войну был военным врачом в Императорской Русской Армии с 23 августа до конца войны. С 1918 до 1921 г. работал в хирургической клинике университета в Ростове на Дону. В течение 1918-1920 г.г. сдал при университете экзамены (28 экзаменов) на степень доктора медицины.

С 1921 до 1943 года был последовательно ассистентом, доцентом и профессором хирургии в Киевском Медицинском Институте.

В это время публично защитил диссертацию о «Лобных пазухах» в Совете профессоров Киевского Медицинского Института 5 апреля 1937 г. и получил степень доктора медицины. — Официальными оппонентами были: проф. А. П. Крымов (хирург), проф. А. М. Пучковский (оториноларинголог) и проф. М. С. Сипров (анатом).

С 1943 г. в эмиграции. В 1944 г. и начале 1945 г. работал в ортопедической клинике Братиславского Университета. В конце 1945 г. был избран ординарным профессором хирургии UNRRA Университета в Мюнхене, где одновременно был деканом медицинского факультета и открывал этот факультет в торжественной обстановке в речи своей, сказанной по-немецки, которую закончил словами — "Vivat Academia".

С 1947 г. до 1954 г. был председателем Пироговского Общества Русских Зарубежных Врачей в Зап. Германии и издал десять номеров «Бюллетена» общества.

В 1948-1952 г.г. был шефом-хирургом в госпиталях IRO в Германии. С 1954 г. проживает в Соединенных Штатах Америки, где сдал экзамены и получил лицензию на право врачебной практики — License to practice medicine and surgery.

Имеет свыше 90 работ по вопросам хирургии и пограничных областей, написанных на русском, украинском, немецком и английском языках. Состоял членом многих медицинских обществ до эмиграции, является

одним из старейших членов Русской Академической Группы в США и ее представителем в штате Род Айленд. В Америке состоит членом след. медицинских обществ.:

Kent County Medical Society, Rhode Island Medical Society, American Medical Association.

Его научные работы могут быть распределены след. образом:

- I. Книги. — 1. Диссертация на степень доктора медицины, состоящая из двух томов: Часть I. — Текст. Часть II. — Атлас.
2. «Краткий курс общей хирургии». — Мюнхен, 1947.
- «П. И. Пирогов, как хирург и анатом». — Напечатана по-русски, по-английски и по-немецки. Мюнхен, 1948.
4. «Переливание крови». — Мюнхен, 1954.
5. «Русская хирургия и русские хирурги». (Частично напечатана в газ. «Русская Жизнь» за 1959, 1960 и 1961 г.г.).
6. Принимал участие в посмертном издании книги проф. П. И. Морозова «Основы оперативной хирургии и топографической анатомии», изданной в Берлине в 1927 г. и вышедшей с предисловием П. С. Шидловского.
- II. Работы по хирургии центральной и периферической нервной системы.
- III. Работы по хирургии брюшной полости.
- IV. Работы по хирургии и патологии эндокринной системы.
- V. Работы по костной хирургии.
- VI. Ряд работ посвящен вопросам военно-полевой хирургии и сосудистой системе, а также гнойной хирургии.
- VII. Рефераты статей по разным вопросам хирургии из иностранных журналов, помещенные в русских журналах.
- VIII. Особо следует отметить научную деятельность в Америке, выразившуюся в 21 научных докладах, сделанных по-английски в Rhode Island Medical Center по разным вопросам хирургии и пограничных областей.

ГЛЕБ ПЕТРОВИЧ СТРУВЕ .

— - —

19 апреля (2 мая) 1968 г. исполнилось 70 лет Глебу Петровичу Струве, носящему сейчас звание заслуженного профессора славянских языков и литератур Калифорнийского Университета в Беркли.

Окончив Выборгское коммерческое училище в Петербурге в 1916 г., Г. П. Струве только в 1919 г., выбравшись за границу, смог продолжить свое образование и поступил в Оксфордский университет. По окончании его он довольно долго занимался литературно-критической деятельностью, проживая сначала в Берлине, а потом в Париже и сотрудничая в разных периодических изданиях. В 1932 г. он был назначен лектором по русской литературе в Лондонском Университете на место уехавшего в Россию кн. Д. П. Святополка-Мирского. Преподавание Г. П. продолжал по 1946 г., когда получил приглашение на один год в Калифорнийский Университет. До истечения года ему было предложено постоянное место там же со званием полного (т. е. ординарного) профессора. Это предложение он принял и после того преподавал в Беркли до своей отставки за выслугой лет весной 1967 г. За эти годы он преподавал также по специальному приглашению в Гарвардском Университете, в Колорадском, в Вашингтонском (в гор. Сеаттль), в Штатном Университете Охайо (в гор. Колумбус) и др. После своего выхода в отставку, он преподавал в 1968 году в Торонто (Канада), а в 1969 г. в Индианском Университете (Блумингтон).

Основной труд Г. П. Струве — книга о советской литературе, первое издание которой вышло в Англии в 1935 г. и которая была переработана с дополнительным материалом в 1943 г., а также переведена на французский и китайский языки. Переработанное и значительно расширенное издание этого же труда вышло в С.Ш.А. в 1951 г., а в 1957 г. появился немецкий перевод с дополнительными главами, доводящими рассказ до осени 1957 г. Американское издание давно распродано, и сейчас намечается новое, в двух томах, причем второй том будет посвящен советской литературе после смерти Сталина и до наших дней.

По-русски Г. П. Струве были выпущены книги «Русский европеец» (1951) — о современнике и приятеле Пушкина, кн. П. Б. Козловском, и «Русская литература в изгнании» (Нью Йорк, 1956). Эта последняя книга также полностью разошлась.

Г. П. занимался также переводами с русского на английский и с английского на русский. С русского им в сотрудничестве с одним англичанином была переведена «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина (“The Well of Days”, 1933). На русский им, в сотрудничестве с его женой (М. Критер), были переведены “Animal Farm” Джорджа Оруэлла, а также ряд рассказов от Пушкина до Юрия Олеши для одной двуязычной хрестоматии. Он редактировал также другую книгу для чтения по русской литературе для американских и английских студентов (“A Century of Russian Prose and Verse: From Pushkin to Nabokov”, 1967).

Последние годы Г. П., совместно с Б. А. Филипповым, редактировал для Международного Литературного Содружества и для других издательств собрания сочинений В. Пастернака, О. Мандельштама, Н. Гумилева, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого и др. писателей, которые не издаются полностью в Советском Союзе.

Перу Г. П. Струве принадлежит также несколько сот статей на литературные и иные темы на русском, английском, французском, немецком, итальянском, сербско-хорватском и других языках.

* * *

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ РАДЗИМОВСКИЙ.

— * —

Общество Американских Инженеров-Механиков (The American Society of Mechanical Engineers) удостоило в этом 1969 году проф. Е. И. Радзимовского высшей наградой, которая будет выдана ему на зимнем юбилейном собрании общества.

Е. И. родился в 1905 году в Киеве. В 1927 г. он окончил Киевский Политехнический Институт. С 1927 до 1941 г. работал в промышленности, совмещая эту работу с занятиями в И-те, сначала в качестве ассистента, потом доцента, а с 1937 г. профессора и заведующего кафедрой подъемных машин, кранов и конвейеров. С 1944 до 1945 г. был доцентом Брагиславского Пол. И-та, с 1946 г. проф. Интернационального у-та в Мюнхене и с 1950 г. профессором Иллинойского Университета. В 1947 г. защитил диссертацию и получил титул доктора технических наук от Интернационального университета в Мюнхене.

Е. И. является автором 4 книг и более 50 технических научных статей по своей специальности.

* * *

БИБЛИОГРАФИЯ

MECHANISMS AND CAMS FOR AUTOMATIC MACHINES .
C. N. Neklutin. American Elsevier Publ. Comp. Inc., N. Y., 1969.

— — —

Только что вышедшая книга члена Р.А.Г. инж. К. Н. Неклютина: «Механизм и Эксцентрики для Автоматов» содержит много полезного материала, в особенности для лиц, работающих в области, где применяются описанные в книге механизмы и эксцентрики.

В первой главе, в форме легко доступной даже неискушенному читателю, дается определение основных принципов и физических законов. Значительная часть книги посвящена описанию, а также кинетическому и динамическому анализу ряда механизмов и эксцентриков, встречающихся в системах автоматов, а также конкретным примерам и решению задач, связанных с применением этих механизмов.

Автор отлично знает предмет. Можно легко поверить, что автор использовал опыт многих лет работы в этой области.

К сожалению автор не дает ссылок на источники в тексте и не дает списка использованных материалов. Это, по нашему мнению, повредило бы ценность книги.

Книга представляет несомненный интерес для лиц, работающих в областях использования или проектирования автоматов и вообще технологических процессов, в которых применяются механизмы и эксцентрики, анализ которых приведен в этом ценном труде.

Проф. Др. Е. Радзимовский .

* * *

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ .

В течение весеннего семестра 1969 г. для русской молодежи были прочитаны следующие лекции посвященные гражданской войне в России:

18-го января. П. П. Бутков — «Вооруженная борьба против большевиков на юге России». Вступительное слово — Генерального Штаба Полковник С. Н. Ряснянский

8-го февраля. Капитан Б. С. Сергиевский — «Вооруженная борьба против большевиков на северо-западном фронте».

8-го марта. А. В. Ильинский — «Вооруженная борьба против большевиков во время гражданской войны на восточном фронте». Заключительное слово сказал Генерального Штаба Полковник С. Н. Ряснянский.

29-го марта. Ю. С. Сречинский — «Народные восстания против большевиков в 1918-1922 г.г.».

Эти лекции явились продолжением цикла лекций по новейшей истории России устраиваемого Лекционным Бюро Русской Академической Группы в связи с 50-летием захвата власти большевиками в России. Лекции состоялись в зале любезно предоставленном Св. Серафимовским Фондом.

В течение осеннего семестра в 1969 г. и в течение весеннего семестра в 1970 г. будут прочитаны лекции о событиях в России после окончания гражданской войны.

СИМПОЗИУМ .

***

Столетие открытия Д. И. Менделеевым его периодического закона было отмечено устройством торжественного собрания, организованного совместно с Обществом Русско-Американских Инженеров в США 1 марта 1969 года. Для докладов был привлечен ряд крупных ученых. Вступительное слово произнес проф. А. А. Боголенов, который в общих чертах напомнил жизненный путь юбиляра.

Проф. И. Л. Туркевич (Принстон) дал краткий обзор истории химии XIX века, отметив что научный подход Д. И. существенно отличался от общепринятых в химии методов. Он не боялся проверять и, если нужно, изменять принятые научные концепции. После длительных исследований у него зародилась идея организовать все известные тогда химические элементы в группы по их свойствам. Он не боялся пробелов в этой начальной группировке; — многие из элементов тогда не были еще известны. Возможность существования их Д. И. предвидел и указал их место в его таблице. И действительно, вскоре после опубликования система Д. И. была полностью подтверждена открытием новых элементов, существование и свойства которых Д. И. предсказал. Даже благородные газы, не предсказанные еще Д. И., нашли свое место в его системе. Д. И. Менделеев имел огромное влияние на развитие химии и тем прославил русскую науку во всем мире.

Историю открытия периодического закона прекрасно изложил проф. Лафайетт-Колледжа Ю. А. Семенцов, иллюстрировав доклад демонстрацией фотографий документов. В открытии закона можно проследить ряд последовательных усовершенствований системы, прежде чем она была опубликована. Вопреки принятому мнению, это открытие не было результатом счастливого сновидения, а потребовало кроме гениальности Д. И. еще упорной работы в течение долгого времени.

Проф. геологии Квинс-Колледжа Е. А. Александров говорил о происхождении нефти. Менделеев заинтересовался геологическими условиями месторождений нефти. Не найдя доказательства органического происхож-

дения нефти в пластах древних отложений, он пришел к заключению, что нефть нужно искать глубоко в массе земной коры, где об организмах не может быть и речи. Углероды, образующие нефть, произошли на больших глубинах во время реакции между водой и углеродистым железом. Эту гипотезу Менделеев назвал минеральной или плутонической. В науке она известна под именем карбидной. В последующие годы она была вытеснена гипотезой органической, связывающей происхождение нефти с выделением углеводов из биогенного вещества. До настоящего времени большее число геологов придерживается органической гипотезы. Однако, спор между сторонниками органического и неорганического происхождения нефти, или между неоптунистами и плутонистами не закончен. Знаменательно то, что в наше время мысли Д. И. Менделеева о минеральном происхождении нефти вновь приобрели существенное значение.

О взглядах Д. И. Менделеева на будущее России доложил проф. Константиновский. Касаясь вопроса о народонаселении и его естественного роста на основании данных переписи 1897 года, он указал, что прирост в 1896-1897 гг. составлял 1,75%. Однако, Д. И. Менделеев был осторожен в предсказании будущего роста, приняв его в 1,5%, т. е. удваивании населения каждые 46,5 лет. К 1950 году было бы 283 миллиона. Отсчитав потери, понесенные страной во время двух войн, коммунистический эксперимент обошелся России к этому времени больше, чем в 60 милл. человек.

Во время перерыва между вторым и третьим докладом гостеприимные хозяйки вечера: Н. В. Александрова и проф. Е. Т. Федукевич организовали чай.

На собрании присутствовало около 100 человек, пришедших почтить сениального русского ученого.

* * *

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ РАГ .

Кроме текущей работы, правление много времени уделяло изданию Записок 1969 года, организации отделов на местах, собиранию библиографических данных об русских ученых в США, организации симпозиума в 1970 году. В состав правления входили:

председатель — проф. А. А. Боголепов, **вице председатели** — проф. Н. С. Арсеньев и проф. К. Г. Белоусов, **ген. секретарь** — проф. В. Н. Литвинович, **секретарь** — проф. А. П. Щербатов, **казначей** — Ф. А. Коссович, **члены правления** — профессора: Е. А. Александров, Б. А. Константиновский, Е. Т. Федюкович, В. С. Федюкович и Б. Г. Унбегаун.

Проф. Е. В. Балацкий отбыл из Нью Йорка и просил освободить его от обязанностей члена правления.

В текущем году было 5 заседаний правления, принято 10 новых членов.

В текущем году истекает двухгодичный срок полномочий правления и новые выборы назначены на начало 1970 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Страница
Т. В. Вернадский Андрей Николаевич Краснов .	5
П. Б. Струве Англичане, как основатели крупной тканепечатной промышленности в России и судьбы русской текстиль- ной промышленности	21
Б. Г. Унбегаун Русские языческие и христианские имена	31
М. А. Полторацкая О языке законодательных актов Пе- тра I	39
Н. С. Арсеньев Очерки религиозной жизни средних веков	45
Е. В. Спекторский Три типа реальности .	81
А. А. Боголепов На путях к созыву православного вселенского собора	93
Глеб Струве К столетию со дня рождения П. Б. Струве	125
П. С. Шидловский Пироговская школа русской хирургии	153
Константиновский Законодательство февральской рево- Б. А. люции	183
Н. Д. Лобанов	207
К. Г. Белоусов Ниагарские водопады	210
Ю. А. Семенцов Дальтон в кривом зеркале советского марксизма	223
ИЗ ЖИЗНИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В США	231

CONTENTS

G. V. Vernadsky	Andrey Nikolaevich Krasnov, Geographer . . .	5
P. B. Struve	English Tissue-Printing in Russia	21
B. O. Unbegaun	Russian Pagan and Christian Names	31
M. A. Poltoratzky	The Language of the Legislative Acts of Peter I	39
N. S. Arseniev	Some Leading Trends in the Religious Expe- rience of the Middle Age	45
E. V. Sectorsky	Three Types of Reality	81
A. A. Bogolepov	On the Way to the Convocation of an Ortho- dox Ecumenical Council	93
Gleb Struve	From Peter Struve's Correspondence with His Son	125
P. S. Schidlowsky	Pirogov's School of Russian Surgery	153
Konstantinowsky B. A.	The Legislature of the Provisional Govern- ment (March - October 1917)	183
N. D. Lobanov	Russian Painters and the Stage	207
C. G. Belousow	Niagara Falls	210
G. A. Siemencow	Dalton and Chemistry of the Soviet Union . .	223
	ASSOCIATION NEWS	231

TRANSACTIONS

of the Association of Russian-American Scholars in USA is the only scientific periodical published in Russian outside the Soviet Union. The Transactions are of special interest to students of Russian history, culture, education, philosophy, religion, economics, geography and natural sciences in Russia and USSR. Each Russian article is accompanied by an English abstract and viceversa.

Volume I, 1967 is almost sold out and can be purchased only together with volumes II, III and IV. **Price 3.50**

Volume II, 1968. Contents: S. G. Pushkarev: The Don Cossacks and Muscovite State in 17th Century. E. V. Sectorsky: Government and Power. N. S. Arseniev: The Russian Family, Religious and Cultural Traditions. G. P. Struve: The Correspondence between I. Bunin and P. Struve. M. A. Poltoratzky: Academician Scherba. N. D. Lobanov: Russian Painters and the Stage. G. P. Siemencow: New Trends in the Chemical Education in the USSR. W. S. Fedukovicz: Antarctic Waters in the Basin of Atlantic Ocean. C. G. Belousow: Pollution of Water in the USSR. A. P. Semencow: The Antiatomic Reaction in XIX and XX Centuries. Association's News.

Price \$ 5.00

Volume III, 1969. Contents: G. V. Vernadsky: A. N. Krasnov-Geographer. P. Struve: English Tissue-Printing in Russia. B. O. Unbegaun: Russian Pagan and Christian Names. M. A. Poltoratzky: Language of the Peter's Legislation Acts. N. S. Arseniev: Some Leading Trades in the Religion Experience of the Middle Age. E. V. Sectorsky: Three Types of Reality. A. A. Bogolepov. G. P. Struve: From P. Struve's Correspondence with His Son. P. S. Schidlowsky: Pirogov's School of Russian Surgery. B. A. Konstantinovsky: Legislation of the Russian's Provisional Government. N. D. Lobanov: Russian Painters and the Stage. C. G. Belousow: Niagara Falls. G. A. Siemencow: Dalton in Soviet Interpretation. Association News.

Price \$ 5.00

Volume IV, 1970 will be published in 1971

Price \$ 5.00

ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN USA

85-20 114th Street, Richmond Hill, N. Y. 11418

Gentlemen :

/ / Please send me volume I of the Transactions 1967 for \$ 3.50
/ / Please send me volume II of the Transactions 1968 for \$ 5.00
/ / Please send me volume III of the Transactions 1969 for \$ 5.00
Subscription for Volume IV of the Transactions 1970 for \$ 5.00

Enclosed please find a check for \$ . . . . . Bill me / /

Name . . . . .

Street . . . . .

City . . . . . State . . . . . Zip . . . . .

